

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

СОБРАННЫЯ
графомъ А. П. БЕННИГСЕНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

СОБРАННЫЯ

графомъ А. П. БЕННИГСЕНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1912

Легенда о происхожденіи киргизовъ.

Давно-давно жилъ одинъ ханъ. У него было 7 дочерей, но ни одного сына. Дочери всѣ были красивы, и отецъ ихъ очень любилъ. Но вотъ наконецъ, родился и сынъ, но некрасивый. Хану это было до того непріятно, что онъ приказалъ отвезти его подальше и бросить въ безлюдной мѣстности. Это было исполнено, и царевича бросили въ пустынь, недалеко отъ большого озера. Къ брошенному ребенку, когда онъ остался одинъ, прилетѣло 40 бѣлыхъ гусей, которые обратились въ 40 прелестныхъ дѣвицъ. Онѣ взяли мальчика къ себѣ и стали заботиться о немъ. У нихъ царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ и скоро сталъ красивымъ, виднымъ мужчиной. Его - же пріемныя матери къ тому времени нисколько не состарились и были такъ-же прелестны, какъ и раньше. Царевичъ влюбился въ каждую изъ нихъ, и отъ него и отъ нихъ произошелъ киргизскій народъ.

Киргизы зовутъ себя Кыргызы-Казакъ, т. е. Кэрэк-Кыз-Каз-Ак, что значитъ 40 дѣвицъ гусей бѣлыхъ.

Г. Вѣрный. Киргизъ-студентъ.

О происхожденіи народовъ.

Аллахъ создалъ одного человѣка, и всѣ люди на землѣ произошли отъ него. Когда ихъ стало много, Аллахъ раздѣлилъ ихъ на народы и далъ имъ Пророковъ, чтобы они познали Его. Пророковъ было 4. Это Муса (Моисей), законъ котораго написанъ въ книгѣ Тавратъ (Талмудъ), Давутъ (Давидъ), законъ его изложенъ въ книгѣ Забуръ; затѣмъ былъ Исса (Иисусъ), который написалъ книгу Инджиль (Евангеліе), и, наконецъ,

Махомметъ, книга котораго Турканъ (Коранъ). Только тѣ народы, которые вѣрятъ въ ученіе этихъ Пророковъ, знаютъ истиннаго Бога. Остальные-же народы получили свою религію не отъ Аллаха. Такъ напр., монголамъ ее далъ мулла Ма-Ни. Это былъ очень ученый правовѣрный, который зналъ рѣшительно все, но, возгордившись своей ученостью, онъ сошелся съ Шайтаномъ. Монголы приняли его своимъ учителемъ, и отъ него пошла ихъ вѣра.

Люди всѣ равны, раздѣляетъ ихъ только вѣра. Тѣ, которые держатся законовъ Мусы и Давута—жиды; тѣ, которые исполняютъ законы Иесы—русскіе.

Но о происхожденіи нѣкоторыхъ народовъ извѣстно немного больше. Когда Искандеръ (Александръ Македонскій) завоевалъ весь востокъ, онъ свою единственную дочь выдалъ замужъ за китайскаго императора. Всѣ потомки этой царицы приняли законъ Махоммета и, тѣ изъ нихъ, которые сохранили свою вѣру въ чистотѣ—это чанту (сарты); тѣ-же, которые отступили отъ нея въ мелочахъ—дунгане. Афганцы ведутъ свой родъ отъ богатыря Рустэма.

По другой версіи, чанту произошли отъ дочери не Искандера, а Махоммета. У Пророка была всего одна дочь, къ которой стали свататься 3 знатныхъ человека. Пророкъ не хотѣлъ никого обидѣть отказомъ и общалъ ее всѣмъ троимъ. Чтобы исполнить свое обѣщаніе, Пророкъ обратилъ въ дѣвицъ двухъ своихъ собакъ и, когда пришло время свадьбы, отдалъ женихамъ и свою дочь и дѣвицъ-собакъ. Отъ дочери Махоммета произошли чанту, отъ двухъ собакъ—киргизы.

О происхожденіи монголовъ точно не извѣстно, но повидимому они происходятъ отъ быка и какой-то дѣвицы.

Г. Курля. Аксакаль-Халъ-Мохаммедъ.

Отчего магометане не ѣдятъ свинины.

Махомметъ далъ своимъ ученикамъ завѣтъ не ѣсть мяса павшихъ животныхъ. Но однажды нашелся мясникъ, который подбиралъ дохлыхъ животныхъ, обдиралъ и продавалъ ихъ мясо ничего не знающему народу. Объ этомъ узналъ одинъ святой и отправился къ нему. Пришелъ онъ въ то время, когда мясникъ потрошилъ тушу дохлой скотины. Руки у него были заняты, и ножъ онъ держалъ въ зубахъ. «Ты не соблюдаешь закона Пророка, ты кормишь людей нечистымъ мясомъ, такъ будь-же

самъ животнымъ и питайся всѣмъ нечистымъ»,—сказалъ ему святой и обратилъ его въ кабана.

Теперь магометане не ѣдятъ мяса свиней, потому что онѣ человѣческой породы. Клыки кабана—это ножъ, который мясникъ держалъ въ зубахъ.

По другой версіи магометане не ѣдятъ свинины, потому что однажды одного брошеннаго мальчика подобрала и вскормила свинья. Отъ этого ребенка потомъ произошли магометане, и не ѣдятъ они свинины изъ благодарности къ своей кормилицѣ.

Г. Курля.

Легенда о происхожденіи дунганъ.

Давно, очень давно, когда еще не было манчжуровъ, а Китай былъ населенъ одними Хара-Хитатъ (черные китайцы), въ Туркестанѣ жили уже чанту. Между этими народами началась война. Долго она продолжалась. Наконецъ, изъ столицы Китая, которая въ то время была около Желтой рѣки, послали новое войско въ четыреста тысячъ человекъ, подъ начальствомъ генерала Го-Зуй. Онъ разбилъ враговъ, истребилъ всѣхъ, кого только могъ найти. Семерыхъ-же человекъ онъ плѣнными отвелъ въ китайскую столицу. Наглядѣвшись на чанту, императоръ приказалъ ихъ казнить, но Го-Зуй упросилъ его отмѣнить этотъ приговоръ.

Имъ отвели землю въ мѣстности Дунхуанъ (существуетъ и теперь), гдѣ не было ни воды, ни травы, а только камень и песокъ. Дали имъ и женъ—это были 7 старыхъ, истасканныхъ китайнокъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать потомства.

Но въ пустынѣ плѣнные не погибли. Они сумѣли достать воду и оживить всю мѣстность; появились у нихъ и дѣти. Все увеличиваясь въ числѣ, потомки этихъ плѣнныхъ образовали особый народъ, который носить имя той мѣстности, въ которой онъ началъ свою жизнь—это и есть дунгане.

Г. Курля. Аксакаль-Халъ-Мохаммедъ.

Откуда пошли сказки у монголовъ.

Лѣтъ 80 тому назадъ среди монголовъ свирѣпствовала черная оспа. Люди гибли сотнями и тысячами. Здоровые бѣжали изъ зараженной мѣстности, бросая больныхъ на произволъ судьбы.

Быль покинуть и 15-ти лѣтній лама Сохоръ-Тарба. Онъ впалъ въ безпамятство, и душа его отдѣлилась отъ тѣла и полетѣла въ преисподню къ Эрликъ-хану. Подземный царь удивился, видя эту душу, и спросилъ ее, зачѣмъ она явилась, покинувъ своего еще живого хозяина. Душа отвѣтила, что тѣло ея бросили уже умирающимъ и потому она не стала ждать его конца, а прямо пришла, чтобы дать отвѣтъ за свои земные поступки. Эрликъ-хану такая подчиненность очень понравилась, и онъ сказалъ ей: «Время твое еще не настало, отправляйся обратно къ своему хозяину, но предварительно возьми у меня, что хочешь». Затѣмъ онъ повелъ ее по преисподнѣ. Тутъ было все: богатство, счастье, наслажденія, удовольствія, радости, страданія, слезы, веселье, смѣхъ, музыка, пѣніе, сказки, пляска,—все, вообще, что встрѣчается въ жизни человѣка. Душа Сохоръ-Тарба видѣла все это и выбрала сказки. Эрликъ-ханъ далъ ей ихъ и затѣмъ отправилъ ее обратно на землю.

Но когда душа вернулась къ своему безжизненному хозяину, оказалось, что вороны выклевали у него глаза. Тяжело было душѣ видѣть своего хозяина въ такомъ видѣ, но она не посмѣла послушаться Эрликъ хана и заняла свое мѣсто.

Сохоръ Тарба послѣ этого долго еще жилъ. Онъ зналъ всѣ сказки всѣхъ народовъ и всѣ гаданія. Слепой, онъ видѣлъ будущее. Ходилъ онъ по всей Монголіи, рассказывая сказки и ими поучая народъ. Умеръ онъ всего лѣтъ 30 тому назадъ и отъ него пошли сказки среди монголовъ.

Г. Карашаръ. Монголь Торгоутъ.

О происхожденіи людей.

Когда Богъ сотворилъ землю, на ней жила уже одна старая старуха. Неожиданно и неизвѣстно отъ кого она забеременѣла. Въ то время небо еще не было готово и только медленно сползалось съ двухъ сторонъ, закрывая собой все, что было надъ землей.

Проходили годы, небо все еще не закрывалось, ребенокъ все еще не рождался и только время отъ времени спрашивалъ свою мать: «скоро-ли, наконецъ, закроются небесныя ворота?» И старуха каждый разъ отвѣчала: «нѣтъ, еще не скоро». Однажды, когда наверху осталась только узкая полоса, не заполненная небомъ, ребенокъ опять задалъ свой обычный вопросъ. Старуха въ этотъ день была въ скверномъ расположеніи духа. Она разсердилась на своего ребенка, который былъ невѣжливъ, задавая

своей матери глупые вопросы, и до того плохо воспитанъ, что не рождался въ продолженіе многихъ лѣтъ. И, разсерженная, она отвѣтила ему: «да, закрылись». Тогда ребенокъ попросилъ ее поднять лѣвую руку и, когда она это сдѣлала, родился у нея изъ-подъ мышки. Родившійся былъ уже взрослый мужчина. Первымъ дѣломъ онъ взглянулъ на небо и, когда увидѣлъ, что оно еще не закрылось, взялъ горсть зѣлы, дунулъ на нее и бросилъ вверхъ. Зола закрыла все пространство, не занятое еще небомъ, и это и есть теперешній Млечный путь.

Оттого-же, что первый мужчина родился раньше, чѣмъ слѣдовало, люди теперь такъ недолговѣчны. Обманъ старухи также отозвался на ея потомкахъ—теперь люди все лгуны, воры и мошенники.

Г. Карашаръ. Монголь Торгоутъ.

Преданіе о происхожденіи дунганъ.

Около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ въ предѣлы Китая пришелъ отрядъ въ 2,000 человекъ. Воины пришли съ запада. Одѣты они были не такъ, какъ китайцы, были бѣлы лицомъ и хотя знали по-китайски, но между собой говорили на никому не извѣстномъ языкѣ.

Придя въ какой-то городъ, они потребовали себѣ сначала земли, а потомъ китайскихъ дѣвушекъ въ жены. Сильные воинственные пришельцы внушали китайцамъ страхъ, и они не посмѣли имъ отказать. Землю дали, но съ дѣвицами было труднѣе, такъ какъ ни одна изъ нихъ добровольно не хотѣла выходить за нихъ замужъ. Тогда начальникъ пришельцевъ отправился къ китайскому губернатору и рѣшительно заявилъ, что если имъ не дадутъ женъ, они ихъ сами добудутъ. Перепуганный губернаторъ подумалъ и сказалъ: «Скоро въ городѣ будетъ большой праздникъ. На площади соберутся все женщины, которыя займутъ три ряда стульевъ. Въ первомъ ряду будутъ дѣвицы, ихъ вы не берите, потому что это можетъ вызвать неудовольствіе ихъ родственниковъ; во второмъ будутъ сидѣть замужнія женщины, этихъ тоже не трогайте; наконецъ, въ заднемъ—будутъ старухи и вдовы. Среди нихъ вы найдете еще довольно много молодыхъ и красивыхъ. Вы ихъ и хватайте, а потомъ будетъ уже ваше дѣло, какъ сохранить ихъ за собой». Начальникъ воиновъ общалъ такъ и сдѣлать.

Насталъ день праздника. Весь городъ собрался на торжество. Женщины такъ и сидѣли, какъ сказалъ губернаторъ. Пришли и воины.

У каждого подъ одеждой было спрятано оружіе. Прогуливаясь передъ зрительницами, они намѣчали себѣ невѣсть. Самыя красивыя были въ первомъ ряду, но нѣкоторымъ понравились китайки и изъ второго ряда. Когда выборъ былъ намѣченъ, начальникъ далъ знакъ, и пришельцы бросились въ ряды зрительницъ. Китайцы пробовали ихъ защитить, но должны были отступить, когда увидѣли оружіе. Тогда бѣлые воины уже безпрепятственно схватили своихъ будущихъ женъ и унесли ихъ къ себѣ. Плѣнницы скоро примирились со своей участью, примирились съ ихъ похищеніемъ и родственники ихъ.

Потомки этихъ воиновъ почти совсѣмъ слились съ китайцами, но все-же ихъ можно отличить даже и теперь—это дунгане. Они красивѣе и здоровѣе настоящихъ китайцевъ, и это происходитъ отъ того, что бѣлые пришельцы взяли только красивыхъ и молодыхъ.

Возможно, что это преданіе исторически вѣрно. Бѣлые воины, пришедшіе съ запада, вѣроятно были изъ арміи Александра Македонскаго. Изъ потомковъ его-же воиновъ образовалось и племя кафировъ въ Афганистанѣ.

В. В. Долбежевъ, Консулъ въ Улясутаѣ.

Изъ монгольской мифологіи.

Когда еще не было земли, существовали уже Бурханы (боги) Шагджи-Туби и Арьябало; потомъ явился Майдари, который родился отъ цвѣтка на другой, не нашей землѣ. Потомъ многіе хорошіе люди своей святой жизнью достигли того, что стали тоже Бурханами. Всего Бурхановъ теперь 1,000. Старшіе изъ нихъ Дамба-Шагджи-Туби, Галсынъ-Сонджи-Донъ и Богдо-Дзунхава, младшій—Лондолъ-Римбучи. Большинство Бурхановъ добрые, но есть и грозные, напр. Чойджиль, Очирвани, Джамсаранъ и Шара-Дарэхэ.

Бурханы находятся гдѣ хотятъ и въ какомъ угодно видѣ. Большею частью они не показываются людямъ, но многіе изъ нихъ перерождаются на землѣ—это Гегэны. Хотя Гегэны боги и имѣютъ божескую власть, но, находясь на землѣ, они имѣютъ кое-что и человѣческое въ себѣ и потому стоятъ ниже не воплощенныхъ Бурхановъ. Старшій изъ Гегэновъ—Далай-Лама, младшаго зовутъ Шухуръ-Лама.

Слѣдующими по своей святости являются небесные духи—тенгиры. Живутъ они всегда на небесахъ, которыхъ 17. На землю они ни-

когда не спускаются. Тенгиры дѣлятся на 33 царства и каждое изъ нихъ имѣетъ своего хана. Одинъ изъ хановъ является старшимъ и управляетъ всѣми тенгирами—это Хормусто-ханъ. Хормусто страшно силенъ: стоитъ ему только пожелать что-нибудь, какъ оно тотчасъ-же исполняется.

Родились тенгиры отъ свѣта, не солнечнаго или луннаго, а какого-то не извѣстнаго людямъ. Они интересуются тѣмъ, что дѣлается на землѣ, и часто заступаются за обиженныхъ.

Исполнителями воли Хормусто-хана являются Дыбджиты. Ихъ всего восемь и старшаго изъ нихъ зовутъ Нансарунъ-Дыбджитъ. Они завѣдуютъ погодой, даютъ землѣ дождь, снѣгъ, градъ, вѣтеръ, грозу и т. д. Лѣтомъ они ѣздятъ верхомъ на Лу (драконъ), зимой-же отдаютъ ихъ на храненіе лусутамъ. Когда на небѣ Лу мало, они сердятся и чаще кричатъ, и тогда у насъ на землѣ часто бываютъ грозы. Ревъ Лу—это громъ. На Лу, какъ и на всякомъ животномъ, водятся паразиты, и это клещи, которые, какъ извѣстно, падаютъ къ намъ съ неба.

На землѣ изъ незримыхъ духовъ есть лусуты, сабдыки, шулмы, чуткуры и чоно.

Первый лусутъ родился изъ змѣинаго яйца, и появился онъ въ видѣ Лу. Не желая оставаться простымъ звѣремъ, онъ просилъ Бурхановъ, чтобы они дали ему управлять всѣми водами на землѣ. Бурханы согласились и сдѣлали его лусутомъ. Впослѣдствіи онъ сталъ старшимъ ханомъ лусутовъ, имя его Луванъ-Луинъ-Чжалбо. Отъ него родились всѣ остальные водяные духи. Теперь ихъ 77 царствъ, и 76 хановъ подчиняются своему старшему.

Лусуты вѣрятъ въ боговъ и поклоняются имъ, но есть и такіе между ними, которые не имѣютъ вѣры. Это дикіе хара-лусуты. Водяные духи страшно богаты, такъ какъ владѣютъ всѣми морями и озерами. Есть между ними и добрые и злые. Къ русскимъ они относятся хорошо, такъ какъ мы, говорятъ, происходимъ отъ нихъ. Живутъ они, какъ люди: умираютъ, женятся, рождаются, болѣютъ и старѣютъ. Людямъ они вообще не показываются, но бывали случаи, что они допускали людей къ себѣ. Но если ихъ не видно, это все-же не значитъ, что ихъ нѣтъ. Каждое озеро, каждая рѣка, ручеекъ, ключъ и колодезь имѣютъ своего лусута.

Сабдыки—это духи земли. Ханъ у нихъ Цаганъ-Эбугунъ (Бѣлый Старикъ, Николай Чудотворецъ). Родился Цаганъ-Эбугунъ отъ обыкновенной женщины. Когда его мать была еще беременна имъ, къ ней въ юрту пришелъ одинъ изъ Бурхановъ и попросилъ поѣсть. Женщина

отвѣтила, что должна съ минуту на минуту родить и накормить его, уже окончивъ эту операцію. Бурханъ обидѣлся и ушелъ. Прошло 100 лѣтъ, женщина все еще не могла родить. Наконецъ терпѣть ей стало уже не въ могоуту, и она пошла къ Бурханамъ просить прощенья. Какъ только она пришла къ нимъ, она сразу-же разрѣшилась отъ бремени уже старикомъ. Это и былъ Цаганъ-Эбугунъ. Люди побоялись принять въ свою среду необыкновеннаго ребенка и просили Бурхановъ дать ему какое-нибудь особое назначеніе. Они дали ему управлять всѣми животными на землѣ и назначили его ханомъ сабдыковъ.

Низшіе сабдыки—души сильныхъ людей. Многіе ханы, правители и военные стали ими; ими-же дѣлаются и тѣ изъ людей, которые при своей жизни умѣли насылать порчу.

Сабдыки не умираютъ и не старѣютъ. Есть между ними и добрые и злые. Людямъ они вообще не показываются, но бывали случаи, когда ихъ видали.

Сабдыки—духи горъ, лѣсовъ, степей, пустынь, жилищъ, вообще всего, что есть на землѣ. Они завѣдуютъ животными и къ людямъ, если они ихъ почитаютъ, относятся безразлично, иногда даже хорошо. Но горе тому, кто обидитъ ихъ: нѣтъ тѣхъ гадостей, которыхъ бы они ему не надѣлали.

Шулмы—это наши вѣдьмы, чуткуры—черти. Обращаются въ нихъ тѣ изъ людей, которые въ своей жизни совершили 10 черныхъ грѣховъ. Женщины обращаются въ шулмъ, мужчины—въ чуткуровъ. Хана ихъ зовутъ Дамба-Дарджи. Невидимые для людей, они рыскаютъ по землѣ, дѣлая всѣмъ гадости.

Вся сила шулмы заключается въ одномъ золотомъ волосѣ. Онѣ, какъ и чуткуры, не старѣютъ, не умираютъ и самостоятельно не размножаются. Тамъ, гдѣ есть козлы или колючки, онѣ не появляются. Только этимъ и можно уберечься отъ нихъ.

Чуткуровъ много видовъ. Изъ нихъ можно видѣть только тэрэновъ, если сумѣть ихъ вызвать. У тэрэна всего одна рука и одна нога. Тотъ, кому онъ явился, становится его хозяиномъ и для него онъ сдѣлаетъ рѣшительно все. Зато избавиться отъ него потомъ очень трудно. Если-же не сумѣть этого сдѣлать, онъ завладѣетъ душой своего хозяина.

Чоно—волкъ. Въ него вселяются души нечистыхъ китайцевъ, пожирающіе потомъ дѣтей.

Въ преисподнѣ царствуетъ Эрликъ-Номунъ-ханъ. Онъ одинъ изъ Бурхановъ, но старшіе поручили ему судить и наказывать души умер-

шихъ. Судить онъ не только людей, но и животныхъ, такъ какъ души всѣхъ живыхъ существъ одинаковы.

Подъ землей находится 18 тама (адъ), и въ каждомъ изъ нихъ Эрликъ-ханъ имѣетъ по 100.000 понё, которые приводятъ въ исполненіе его приговоры. Эти-же понё бѣгаютъ по землѣ и хватаютъ души умершихъ.

Вотъ тѣ 10 черныхъ грѣховъ, совершивъ которые человекъ обращается въ нечистаго чуткура или шулму:

- 1) Убійство.
- 2) Развратъ.
- 3) Кража.
- 4) Пожъ.
- 5) Ссора.
- 6) Обиды, причиненныя другимъ.
- 7) Скверныя мысли.
- 8) Зависть.
- 9) Сплетни.
- 10) Невѣріе.

Кромѣ духовъ есть еще неземныя животныя. Есть Лу, о которомъ читатель уже знаетъ. Есть Мангытъ-Хай—нашъ Змѣй Горынычъ. Это существо о 15 головахъ, пожирающее все, что угодно, и желудокъ котораго можетъ вмѣстить въ себѣ хотя-бы цѣлую гору. Къ счастью, ихъ теперь на землѣ больше нѣтъ. Гэсуръ-ханъ побѣдилъ ихъ и заперъ въ подземной пещерѣ.

Есть звѣрь Асланъ, огромный, какъ гора; когда онъ идетъ, земля подъ нимъ проваливается. Есть птица Ханъ Гарди—отъ одного взмаха ея крыльевъ поднимается такой вѣтеръ, что сметаетъ все на землѣ. Къ намъ на землю они не приходятъ, а живутъ постоянно на горѣ Сумбуръ-Ула.

Царь звѣрей Арсланъ (левъ). Голова и ноги у него золотыя, сердце находится снаружи тѣла, въ лапѣ онъ держитъ шаръ изъ драгоцѣннаго камня—знакъ его достоинства. Царь рыбъ Чусрымъ. Онъ свободно глотаетъ корабли, а когда высовывается изъ воды, похожъ на гору. Царь змѣй Абургу-Могой—можетъ глотать даже слоновъ.

Изъ различныхъ источниковъ.

О сотвореніи міра.

Сначала на мѣстѣ нашей земли былъ галобъ (хаосъ). Потомъ поднялся до того сильный вѣтеръ, что онъ постепенно загустѣлъ. Тогда появился огонь, который высушилъ густой вѣтеръ, и, наконецъ, пошелъ дождь, который все смочилъ—и вотъ образовалась земля. Но она не была устроена. Бурханъ Бакши отправился тогда къ Хормусто-хану и просилъ его устроить землю. Ханъ тенгировъ до того силенъ, что всѣ желанія его моментально исполняются. И онъ принялся за землю. Въ серединѣ ея онъ поставилъ гору Сумбуръ-Ула и окружилъ ее 7-ю поясами морей и земель. Всего онъ создалъ 20 земель. На 4-хъ живутъ люди, на шести тенгиры—это небеса, 8 земель составляютъ царство Эрликъ-хана—это тама (адъ), одна земля принадлежитъ животнымъ и послѣдняя беритамъ.

Все на землѣ, и людей, и животныхъ, также сотворилъ Хормусто-ханъ. Люди рождались отъ цвѣтковъ, не знали грѣха, имѣли крылья и отъ нихъ исходилъ свѣтъ, который и освѣщалъ землю, такъ какъ тогда еще не было ни солнца, ни луны. Однажды люди нашли корень «земляную шкуру» и съѣли его. Отъ этого они узнали грѣхъ и потеряли и крылья и свѣтъ. На землѣ настала тьма. Тогда они стали умолять Хормусто-хана дать имъ свѣтъ. Тенгиръ внялъ ихъ мольбамъ и изъ горячаго стекла создалъ солнце, а изъ холоднаго луну.

Пока тенгиръ творилъ, Бурханы не вмѣшивались въ дѣла людей но когда между ними появились грѣхи, они дали имъ вѣру и назначили одного изъ своей среды завѣдывать адомъ. Выборъ ихъ палъ на Эрликъ Номунъ-хана. Теперешнюю вѣру людямъ далъ Бурханъ Бакши (Шагджі-Туби). До него люди вѣрили еще въ 3-хъ Бурхановъ. Послѣ-же него учить людей будутъ всѣ остальные 996 боговъ; когда-же они перестанутъ вѣрить и въ послѣдняго, настанетъ конецъ нашей земли.

Черезъ 170 лѣтъ вся земля объединится подъ властью Русскаго Хана. Тогда на лошадяхъ больше не будутъ ѣздить, вездѣ будутъ желѣзные дороги, пароходы и разныя машины. Народъ измельчаетъ и будетъ рано умирать. Тогда придетъ Бурханъ Майдари. Онъ обновитъ родъ людской и дастъ имъ новую вѣру.

Когда настанетъ время конца земли, появятся 6 солнцъ, которыя все сожгутъ на землѣ; потомъ будетъ 12 лунъ, которыя нашьютъ дожди, дожди все смоютъ и все сравниютъ. Наконецъ, поднимется вихрь, и онъ все размететъ и развѣетъ. Земля вся погибнетъ, грѣшники при

этомъ сгорятъ, а души праведныхъ будутъ взяты въ царство тенгировъ, гдѣ будутъ жить до сотворенія новой земли. Когда-же Хормусто-ханъ вновь ее создастъ, они спустятся на нее и будутъ такъ-же святы, какъ и первые люди.

При концѣ міра не погибнуть еще Бурханы и тенгиры. Сабдыки-же, лусуты, шулмы и чуткуры все погибнуть, и на новой землѣ будетъ рай и блаженство.

На ней-же будетъ 5 земель, которыя, благодаря своей святости, уцѣлѣютъ отъ уничтоженія.

Су-Чжису. Тангутъ лама Юндунгъ.

Какъ была сотворена земля.

Землю сотворилъ Бурханъ Шагджи-Туби. До сотворенія ея уже существовалъ океанъ, въ который Бурханъ бросилъ щепотку земли, принесенную имъ съ неба. Щепотка эта стала разрастаться и образовала нашу землю. Когда на ней выросла трава и появились звѣри, Шагджи-Туби принесъ на нее человѣка.

Первый человѣкъ былъ весь покрытъ волосами, и Богъ, которому это не нравилось, выщипалъ ихъ у него. Оставилъ онъ ему только волосы на головѣ, брови, усы и бороду. Затѣмъ онъ не могъ достать волосъ подъ мышками и между ногами, такъ какъ человѣкъ во время этой операціи сидѣлъ съжавшись. Потомъ Шагджи-Туби откуда-то принесъ женщину съ ребенкомъ, и отъ нихъ пошелъ родъ человѣческой. Первый человѣкъ согрѣшилъ, послушавшись Бога и сѣвъ что-то запрещенное, и Бурханъ за это его наказалъ. До того у человѣка ноги въ колѣняхъ были согнуты впередъ, и онъ бѣгалъ быстрѣ всякаго животнаго. За послушаніе-же его Шагджи-Туби сломалъ и согнулъ ихъ назадъ. Вотъ оттого-то человѣкъ такъ медленно теперь ходить.

Первые люди были очень высоки и жили страшно долго. Теперь они вырождаются, становятся все мельче и мельче, и съ каждымъ поколѣніемъ жизнь ихъ становится короче. Настанетъ, наконецъ, время, когда они будутъ жить всего 7лѣтъ и уже черезъ день послѣ рожденія будутъ способны работать. Ростомъ они будутъ не больше локтя, а лошади будутъ величиной съ зайца.

Тогда появятся 3 солнца, которыя все на землѣ сожгутъ, останутся только горы. Послѣ огня пойдетъ свинцовый дождь, который сравняетъ эти горы, и останется одинъ песокъ. Его смететъ вѣтеръ, и тогда освобо-

дятся два кита и лягушка, на которыхъ стоитъ земля. Кромѣ нихъ все превратится въ хаосъ.

Сколько времени онъ будетъ продолжаться, не извѣстно; но на конецъ придетъ Майдари, который и сотворитъ новую землю. Ее онъ поставитъ опять на тѣхъ-же китовъ и лягушку, которые поддерживаютъ и теперь нашу землю.

Урга. Монголь Зэнгэ Адыя.

О происхожденіи народовъ.

Однажды нѣсколько тенгировъ провинились передъ Хормусто-ханомъ и за это были сосланы на землю въ страну Джагаръ (Бирма и Сіамъ). Земныхъ людей тогда еще не было. Тенгиры при ссылкѣ лишились многихъ своихъ преимуществъ, но все-же были чистыми, безпорочными существами. Со звѣрьми они жили въ мирѣ, понимали ихъ языкъ и никогда ихъ не обижали. Питались тенгиры плодами, которые собирали ежедневно.

Но одинъ изъ нихъ полѣнился собирать себѣ пищу каждый день и сдѣлать себѣ запасъ сразу на два дня. Это ему понравилось, и онъ сталъ заготовлять плоды на болѣе долгій срокъ. Это замѣтили другіе тенгиры и послѣдовали его примѣру. Отъ этого произошло неравенство—одни дѣлали запасы на болѣе долгій срокъ, другіе не находили такого количества плодовъ; одни находили лучшую пищу, другіе похуже. Явилась зависть, потомъ начались ссоры и окончилось это враждой—произошло преступленіе. Тенгиры уже не жили, какъ раньше—они узнали грѣхъ, преступленіе, узнали стыдъ и различіе между мужчиной и женщиной. И стали тенгиры обыкновенными людьми.

Долго они ссорились между собой, жили безъ вѣры и хана. Видя, наконецъ, что продолжать такъ жить нельзя, они выбрали себѣ царя. Это былъ Мамбу-Гурба, первый ханъ на землѣ. Но не все люди подчинились этому выбору. Многіе ушли на западъ и образовали тамъ государство Пелиновъ (европейцы), на югъ ушли Бэ-Бэ (негры) и на востокъ образовался народъ Хара-Хитатъ (черные китайцы). На мѣстѣ остались Джагары. За это самовольное раздѣленіе Бурханы перепутали ихъ языкъ. Изъ Хара-Хитатъ образовались китайцы, чахары, солоны и манчжуры. Отъ быка Пелина и женщины Бэ-Бэ, пришедшихъ въ Монголію, произошли монголы. Отъ связи Бурхана Очирвани (онъ былъ воплощенъ въ женщину) съ Богдо-Гегэномъ произошли русскіе.

Самостоятельно произошли тибетцы. Родоначальниками ихъ были горный духъ Арьябало и обезьяна, которая была воплощеніемъ Дарэхэ. У нихъ было 100 дѣтей, которымъ скоро нечего стало ѣсть. Тогда родители отправились къ Бурханамъ и просили ихъ спасти дѣтей. Бурханы дали имъ горсть пшеницы, которую тибетцы посѣяли, и съ тѣхъ поръ они занимаются хлѣбопашествомъ. Народъ разросся, но долго еще оставался безъ царя и безъ вѣры.

Однажды у Джагарскаго хана родился сынъ, у котораго нижніе вѣки были до того велики, что онъ могъ смотрѣть только вверхъ. Ханъ испугался такого чудовища и велѣлъ его бросить въ рѣку. Ребенокъ не утонулъ, а былъ выловленъ добрыми людьми, которые и воспитали его. Но какъ только онъ научился ходить, онъ сбѣжалъ отъ нихъ. Долго шель онъ на сѣверо-западъ и наконецъ пришелъ въ Тибетъ. Тутъ его встрѣтили 4 человѣка, которые стали его спрашивать, кто онъ и откуда пришелъ. Царевичъ на это только показывалъ на небо. Тибетцы поняли, что онъ пришелъ съ неба, и рѣшили сдѣлать его своимъ царемъ. Посадивъ его къ себѣ на шею, они понесли его домой и скоро онъ всѣми былъ признанъ ханомъ Тибета. Назвали его Нати-Дзамба, что значитъ «садись на шею».

У Нати-Дзамба было 13 сыновей, которымъ онъ поровну раздѣлилъ свое царство, но потомъ эти княжества опять соединились и образовали три провинціи Тибета.

Но долго еще народъ пребывалъ въ темнотѣ. Только 26-ой ханъ Татеринъ-Нандзанъ принялъ настоящее ученіе, но ввести его въ народъ не былъ въ состояніи. Это, наконецъ, сдѣлалъ 32-ой ханъ Срондзонъ Гамбо, и онъ-же построилъ Лхасу; 38-ой царь Дэсэрэнъ-Дэцэнъ окончательно укрѣпилъ вѣру Бурхана Бакши. Послѣ него до настоящаго времени было еще 15—16 царей. Со времени-же Нати-Дзамба до нашихъ дней прошло больше 2,000 лѣтъ.

Цари происходятъ:

русскій—отъ Очирвани,

тибетскій—отъ Арьябало (Далай-Лама),

манчжурскій—отъ Мандзышира.

Остальные цари не божественнаго происхожденія.

Вѣру, законъ и возможность познать Бога людямъ далъ Шагджи-Туби, онъ-же Бурханъ-Бакши (Будда), Шигимини (Сакья-Муни), Дзунхава, Иисусъ Христосъ и Магометъ. Каждому народу онъ далъ особый законъ. Магометанамъ онъ указалъ воевать и убивать, но они забыли его законъ, и потому имъ теперь плохо. Монголамъ онъ велѣлъ жить

честно, молиться и никому не дѣлать зла, но они этого не исполняютъ и теперь они наказаны тѣмъ, что ихъ притѣсняютъ китайцы.

Монголамъ было дано 10 заповѣдей. Тѣ, которые ни разу ихъ не нарушаютъ, переродятся Гегэнами, Хубилганами или ханами. Праведные люди, но грѣшившіе, будутъ въ слѣдующей своей жизни обыкновенными людьми, еще болѣе грѣшные, но все-же чистые—станутъ нищими или калѣками. Изъ грѣшниковъ наиболѣе легкіе попадутъ въ адъ, болѣе тяжкіе будутъ Бериты, а самые отчаянные возродятся животными, начиная отъ слоновъ и кончая муравьями и вшами. Чѣмъ мельче животное, тѣмъ наказаніе строже, такъ какъ душѣ надо будетъ пройти черезъ перерожденія всѣхъ звѣрей до самаго крупнаго включительно, раньше чѣмъ получить прощеніе.

Г..Дзаинъ Хурэ. Габджи Церенъ Дорджи.

Сказаніе о Джабсынъ-Дамба-Хутухтѣ.

Почти 3 вѣка тому назадъ (180 лѣтъ) въ Монголіи жилъ святой лама Джабсынъ-Дамба, который научилъ монголовъ вѣрить въ истиннаго Бога, раньше-же они ни въ кого не вѣрили.

Для веденія домашняго хозяйства ламы была женщина, у которой былъ ребенокъ. Однажды она пошла за водой и попросила святого присмотрѣть за ея сыномъ. Но когда она ушла, ребенокъ убѣжалъ, потому что лама былъ слишкомъ занятъ своими книгами, чтобы слѣдить за нимъ. Замѣтивъ его исчезновеніе, онъ, чтобы не огорчить мать, сдѣлалъ изъ тѣста двойника мальчика и вдунулъ въ него душу. Женщина скоро вернулась, ведя своего настоящаго сына, и была очень удивлена, найдя второго такого-же мальчика.

Скоро по всей Монголіи прошелъ слухъ, что Дамба-Хутухта нарушилъ правила вѣры и прижилъ со своей служанкой ребенка. Дошелъ этотъ слухъ и до китайскаго императора, и онъ, раньше вѣрившій въ святость Хутухты, теперь рѣшилъ его наказать. По его приказанію китайское войско выступило, чтобы схватить святого; но когда оно пришло къ его жилищу, на его мѣстѣ оказалось только озеро—Джабсынъ-Дамба-Хутухта спасся на границу Халхи. Войска пошли слѣдомъ и скоро догнали его. Ученики святого, видя себя окруженными, очень испугались, но Хутухта велѣлъ имъ собрать побольше камыша. Когда они принесли цѣлыя охапки, онъ дунулъ и обратилъ ихъ въ солдатъ.

Произошелъ большой бой, и китайцы были разбиты. Послѣ этого императоръ не посмѣлъ больше трогать Хутухту; желтые-же люди, сдѣланные изъ камыша, ушли на сѣверъ и поселились рядомъ съ монголами—это и есть русскіе.

Джабсынъ Дамба Хутухта предсказалъ, что черезъ три вѣка (180 лѣтъ) желтые, сдѣланные изъ камыша, люди снова придутъ въ Монголію и освободятъ монголовъ отъ китайцевъ. Скоро приходитъ конецъ этого срока, и монголы съ нетерпѣніемъ ждутъ исполненія предсказанія.

Джабсынъ Дамба Хутухта—Чжебцунъ Дамба Хутухта—второе воплощеніе Богдо Гегэна въ Монголіи, другъ императора Канси (Ынхе Амогolonъ ханъ), имѣлъ огромное вліяніе на послѣдующую жизнь монголовъ Халха, такъ какъ уговорилъ ихъ поддаться манчжурскому императору. Въ то время манчжуры еще не смѣшались съ китайцами.

Монголь Халха на р. Дзапхынъ.

О происхожденіи русскихъ.

Давно, еще очень давно, на землѣ былъ всего одинъ ханъ—китайскій императоръ. У него было 108 женъ. Онѣ жили по двѣ, и къ нимъ было приставлено по одному еunuhу и по одной служанкѣ. Кромѣ этихъ лицъ царицы никогда никого не видали.

Одна изъ младшихъ царицъ страстно хотѣла имѣть ребенка, но ханъ уже давно не обращалъ на нее никакого вниманія. Тогда хатунъ (царица) стала принимать разныя лѣкарства, и черезъ годъ у нея дѣйствительно родился ребенокъ. Узнавъ объ этомъ, ханъ страшно разсердился и хотѣлъ ее казнить. Въ ужасѣ хатунъ обратилась за помощью къ Богдо Гегэну, и онъ посоветовалъ ей сказать, что она о ребенкѣ молилась Мандзыширу и онъ далъ ей его. Царица такъ и сдѣлала, но ханъ немного усомнился въ этомъ и приказалъ на необитаемомъ островѣ оставить на годъ живую корову и глянѣнаго быка. Если-бы за это время у коровы родился теленокъ, царица очистилась-бы отъ всякихъ подозрѣній. Теленокъ родился, но ханъ все-же удалилъ хатунъ отъ себя.

Также подвергся опалѣ и Богдо Гегэнь, который былъ ея другомъ. Помѣстили ихъ вмѣстѣ, и царица обратилась въ служанку Гегэна.

Жили они вмѣстѣ уже около года. Царица добросовѣстно исполняла свои обязанности, святой-же былъ всецѣло погруженъ въ свои книги.

Однажды хатунъ пошла за водой. Сынъ ея остался дома подъ при-
смотрѣмъ Гегэна, но скоро ему надоѣло сидѣть одному и онъ убѣждалъ.
Святому стало стыдно, что онъ не сумѣлъ его уберечь, и испугался,
какъ-бы съ нимъ чего не случилось. Чтобы не причинить царицѣ горя,
онъ слѣпилъ изъ тѣста мальчика и вдунулъ въ него душу. Но оказа-
лось, что настоящій не пропалъ, и вышло только то, что люди стали
обвинять и Гегэна и хатунъ въ сожительство. Узнавъ о появленіи
второго ребенка и китайскій императоръ и страшно разсердился на без-
нравственного ламу. Немедленно его войска выступили въ походъ,
чтобы наказать Гегэна и хатунъ. Когда-же они подошли, святой нарвалъ
травы и разбросалъ ее вокругъ себя. Трава эта обратилась въ людей,
которые и разбили китайское войско. Послѣ боя Гегэнъ поручилъ
царицѣ управлять этими людьми.

Они все были съ бѣлыми, красными или желтыми волосами—по
цвѣту травы, изъ которой Гегэнъ ихъ сотворилъ. Подъ предводительствомъ
своей царицы новые люди ушли на сѣверъ и образовали тамъ русскій
народъ.

Монголь Халха на р. Дзапхынъ.

Опредѣленіе характера человѣка.

(Монгольскій способъ).

Жили-были быкъ, 2 человѣка, орелъ, лисица и козелъ. Быкъ былъ
до того великъ, что требовалось 2 человѣка, чтобы ходить за нимъ. Въ
то время, когда одинъ давалъ ему кормъ, другой прибиралъ навозъ.
Нужно было быть двоимъ, потому что на то, чтобы пройти отъ головы до
хвоста быка, человѣку требовалось 3 дня. Случилось, что быкъ издохъ. Люди
его ободрали и тушу разрубили пополамъ. Въ это время прилетѣлъ
орелъ, схватилъ переднюю часть быка и унесъ ее въ поднебесье. Тамъ,
на воздухѣ, онъ раза 2—3 клянулъ добычу и, когда она ему не понрави-
лась, выпустилъ ее изъ когтей. Одинъ изъ людей въ это время какъ разъ
смотрѣлъ вверхъ—и туша попала ему прямо въ глазъ. Человѣкъ, не
ожидавшій ничего подобнаго, страшно испугался и бросился въ безо-
пасное мѣсто—подъ бороду козла. Послѣ этого вызвали лисицу, и она
3 дня ѣздила въ лодкѣ по глазу человѣка, отыскивая утонувшую
тамъ часть быка. Кто больше—быкъ, человѣкъ, орелъ, козелъ или
лисица?

Тотъ, кто отвѣтитъ:

быкъ	тотъ глупъ;
человѣкъ	» уменъ;
орелъ	» мастеръ;
козелъ	» Донъ-Жуанъ;
лисица	» хитеръ.

Г. Урга. Зенгэ Адья.

О происхожденіи верблюда.

Когда Абтай Сайнъ-ханъ везъ изъ Тибета Богдо Гегэна, на одномъ изъ горныхъ переваловъ Богъ приросъ къ скалѣ. Абтай-ханъ тогда обратился къ сопровождавшимъ его ламамъ и спросилъ, какую часть Бога легче сдѣлать. Ламы отвѣтили, что легче сдѣлать нижнюю, и ханъ разсѣкъ Бурхана пополамъ. Верхнюю часть онъ взялъ съ собой, нижняя-же осталась въ Тибетѣ. Ламы потомъ додѣлали обѣ части, но оттого, что онѣ составляютъ не одного человѣка, монгольскіе ламы теперь хотя и легко выучиваютъ науки, зато скоро все забываютъ—что выучать головой, то уходитъ черезъ задъ. Тибетскіе-же ламы не легко забываютъ то, что знаютъ, но зато науки даются имъ очень трудно.

За то, что Абтай Сайнъ-ханъ увезъ отъ нихъ Бога, тибетскіе ламы наслали на монголовъ джатку (порчу). Имѣла она видъ страшнаго звѣря и была сдѣлана изъ тѣста—это и есть верблюдъ. Во время пути шея животнаго отвисла, такъ какъ не успѣла еще затвердѣть, и оттого она у верблюда не такова, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ. Абтай-ханъ побѣдилъ джатку, разсѣкъ ей верхнюю губу и приказалъ ей служить людямъ.

Абтай Сайнъ-ханъ былъ воплощеніемъ Очирвани.

Дунсурунъ. Монголь Халха.

Отчего у верблюда нѣтъ роговъ и хвостъ короткій.

Было время, когда верблюдъ имѣлъ чудные рога, такіе, какіе теперь носить олень. Хвостъ у него тоже былъ длинный, густой.

Однажды онъ, гордый своей красотой, пришелъ къ рѣчкѣ пить. Но не столько онъ пилъ, сколько смотрѣлъ на свое отраженіе въ водѣ.

Подошелъ въ это время олень и сталъ жаловаться на свое безобразіе. «Мнѣ сегодня надо идти въ гости», говорилъ онъ: «но я такъ безобразенъ. Вотъ если-бы я имѣлъ твои рога, хотя-бы только на часъ! Знаешь что, верблюдь, одолжи ихъ мнѣ на сегодня!» Верблюдь взглянулъ на оленя, и онъ сталъ ему жалокъ своимъ безобразіемъ. Скинувъ свои рога, онъ отдалъ ихъ ему, но велѣлъ къ вечеру-же вернуться. Схвативъ чудное украшеніе, олень ускакалъ въ лѣсъ. Тутъ онъ встрѣтилъ коня, которому объяснилъ, отъ кого получилъ рога. Захотѣлось и коню имѣть что-нибудь красивое, и онъ отправился просить у верблюда хвостъ. Добродушный верблюдь согласился и на это, и они помѣнялись хвостами. Прошло нѣсколько дней, но верблюдь не получилъ ни свои рога, ни свой хвостъ. Когда-же онъ напомнилъ своимъ должникамъ объ ихъ обѣщаніи, они только расхохотались, а олень еще добавилъ, что вернетъ рога, когда у него новый хвостъ доростетъ до земли. Пришлось остаться безъ своихъ украшеній, но верблюдь еще не потерялъ надежды получить хотя-бы только рога. Каждый разъ, что онъ теперь бываетъ у рѣки, онъ больше оглядывается, чѣмъ пьетъ—онъ ждетъ, что придетъ олень.

Г. Кобдо.

Отчего верблюдь катается въ золѣ.

Когда Богъ давалъ имена животныхъ 12-ти годамъ монгольскаго календаря, одиннадцать животныхъ онъ назначилъ сразу, на послѣднее-же мѣсто у него было 2 кандидата—верблюдь и мышь. Не желая никого обидѣть, онъ предоставилъ рѣшить этотъ вопросъ имъ самимъ.

Положено было, что назначенъ будетъ тотъ, кто первый увидитъ лучи восходящаго солнца. Верблюдь повернулся къ востоку и сталъ ждать, мышь-же сѣла лицомъ къ западу и все время смотрѣла на вершины горъ. Настало время восхода, и первые лучи солнца освѣтили вершины горъ на западѣ—и мышь первая увидѣла ихъ. Верблюдь разсвирѣпѣлъ, когда увидѣлъ, что проигралъ. Онъ бросился на мышь, чтобы ее убить, но она спряталась въ кучѣ золы.

И съ тѣхъ поръ, каждый разъ, что верблюдь видитъ кучу золы, онъ начинаетъ по ней кататься—онъ надѣется, наконецъ, уничтожить ненавистную мышь.

Дунсурунъ Монголь Халха.

Отчего сосна, кедръ и брусника вѣчно зелены.

Добрая ласточка однажды достала живой воды и во рту несла нѣсколько капель, чтобы окропить ими людей и дать имъ безсмертіе. Но злая оса узнала объ этомъ и, когда ласточка еще летѣла, больно укусила ее. Ласточка вскрикнула отъ боли и пролила живую воду. Капли ея упали на сосну, кедръ и бруснику, и оттого-то они теперь всегда зелены.

Ласточка-же, видя, что всѣ ея труды пропали даромъ, откусила осѣ языкъ, и съ тѣхъ поръ она уже не поетъ, какъ раньше, а только жужжить.

Г. Дзаниъ Хурэ. Сэдэ.

Отчего коршунъ ѣстъ змѣй.

Однажды царь птицъ Ханъ Гарди захотѣлъ узнать, мясо какого живого существа наиболѣе вкусно. Призвавъ ласточку и осу, онъ поручилъ имъ облетѣть всю землю и отвѣдать крови всѣхъ животныхъ и людей. Посланные отправились, но въ то время, когда оса добросовѣстно жалила и кусала всѣхъ, ласточка только наслаждалась природой и летала по поднебесью.

Наконецъ настало время возвращенія, и оба посланца встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ. Тутъ ласточка спросила осу, чье-же мясо она нашла наиболѣе вкуснымъ, чья-же кровь оказалась горячѣе и слаще всего. «Конечно человѣкъ самое тонкое блюдо, развѣ ты не согласишься со мной?» сказала оса. Ласточка тогда попросила объяснить, какъ это ей удалось испробовать крови живого человѣка. «О, да вѣдь это очень легко: я только вонзала въ него свое жало, а потомъ пробовала вкусъ языкомъ», объяснила оса. Но ласточка не успокоилась на этомъ объясненіи, а просила осу еще показать свой языкъ и, когда та его высунула, откусила его. Вотъ отчего оса теперь только невнятно жужжить, а не поетъ, какъ пѣла раньше.

Ханъ Гарди уже не могъ понять, что говорила ему оса, и положился въ выборѣ своей пищи на ласточку. Она-же сказала, что самое вкусное мясо—змѣиное, и Ханъ Гарди сталъ ѣсть змѣй. Родъ-же человѣческій благодаря ласточкѣ былъ спасенъ еще отъ одной страшной опасности.

Теперь на землѣ изъ рода Хана Гарди остался одинъ только коршунъ и онъ, такъ-же какъ и его царь, любитъ ѣсть змѣй.

Дунсурунъ Монг. Халха.

Отчего соколъ не ѣсть людей.

Когда было сотворено все живое на землѣ, соколъ спросилъ Бога, позволяетъ-ли Онъ ему ѣсть людей. «Если ты въ состояніи разбить человѣческій черепъ, то, пожалуй, ѣшь ихъ, но лучше сначала испробуй свою силу на мертвомъ черепѣ», отвѣтилъ Богъ и, положивъ на землю человѣчью голову, предложилъ тутъ-же произвести испытаніе.

Соколь взвился вверхъ, и Богъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы замѣнить черепъ круглымъ камнемъ. Нацѣлившись сверху, соколъ стрѣлой бросился внизъ. Грудью налетѣлъ онъ на камень, разбилъ его вдребезги, но самъ лишился чувствъ. Тутъ Богъ опять положилъ рядомъ съ нимъ черепъ, а осколки камня убралъ.

Когда соколъ пришелъ въ себя и увидѣлъ, что черепъ цѣлъ, ему стало стыдно, и онъ навсегда отказался отъ мысли ѣсть людей.

Дунсурунъ Монг. Халха.

Отчего голубь стонетъ, а воробей чирикаетъ.

Однажды голубь и воробей сговорились вмѣстѣ слетать въ Тибетъ поклониться Далай-Ламѣ. Пролетая надъ горами и лѣсами, они увидѣли юрту, изъ которой раздавались стоны и чтеніе молитвъ. Они спустились къ юртѣ и увидѣли больную рождавшую женщину. Воробей только заглянулъ и полетѣлъ дальше—онъ торопился въ Тибетъ. Голубь-же остался, надѣясь хоть какъ-нибудь помочь больной. Когда-же женщина выздоровѣла, онъ уже не полетѣлъ дальше, а вернулся домой. Воробей-же благополучно побывалъ въ Тибетѣ, поклонился святымъ, послушался многихъ молитвъ и только тогда полетѣлъ обратно.

Стоны больной женщины навсегда остались въ памяти у голубя, и оттого-то онъ теперь такъ жалобно стонетъ: гуу-гуу. Воробей-же быстро чирикаетъ—это молитвы тибетскихъ ламъ не выходятъ у него изъ головы: чи-чи-чи-чи-чи-чи.

Дунсурунъ Монг. Халха.

О саксаулѣ.

Давно-давно въ Гоби росли всѣ породы деревьевъ, и на всѣхъ хватало и земли и воды. Но однажды они заспорили, кому принадлежитъ земля, на которой они стоятъ. Споръ перешелъ въ драку, и наиболѣе сильнымъ оказался саксаулъ. Онъ выгналъ изъ Гоби всѣ остальные деревья, и они должны были удалиться въ горы, тогда какъ онъ одинъ остался въ ровной степи. Теперь всякое дерево, когда горитъ, трещить—это оно злится; одинъ саксаулъ горитъ тихо и безъ треска—онъ знаетъ свою силу и потому спокоенъ. И достаточно въ костеръ, составленный изъ любого дерева, положить хотя-бы одно полѣно саксаула, какъ онъ будетъ горѣть совсѣмъ безъ треска—до сихъ поръ еще деревья боятся возвышать свой голосъ въ его присутствіи.

Дунсурунъ Монг. Халха.

Сказка объ Ирембыль-тушмылѣ.

Однажды жилъ-былъ царь и у него былъ сановникъ по имени Ирембыль-тушмыль. У этого тушмыла была красавица жена. Сильно любилъ онъ ее и ревновалъ ко всѣмъ, ему непріятно было уже и то, что другіе люди видали ее и любовались ея красотой. Чтобы сохранить ее исключительно для себя, онъ выстроилъ домъ, окруженный девятью оградами, обставилъ его со всѣми удобствами, наполнилъ всякими запасами и заперъ въ немъ красавицу жену. Во всемъ домѣ она была одна, потому что никакихъ слугъ тушмыль не терпѣлъ. Уходя изъ дома, онъ запиралъ всѣ девять воротъ такими замками, что въ его отсутствіе никто туда проникнуть не могъ. Увѣренный, что теперь его жена принадлежитъ исключительно ему, онъ почти на цѣлый день уходилъ на службу, и все это время красавица оставалась одна, безъ дѣла и безъ развлеченій.

Скоро такая жизнь стала ей не въ моготу, и она начала придумывать средство, какъ-бы скрасить это унылое существованіе. Не долго она думала. Какъ всякая женщина, да еще молодая и красивая, она быстро нашла средство—прорыть подкопъ и въ отсутствіе мужа выходить изъ дома или принимать гостей у себя. И только она задумала это, какъ начала приводить свой проектъ въ исполненіе. Трудная была работа, но

времени у красавицы было много, а желаніе свободы большое. Насталъ наконецъ день, когда работа была окончена. Подкопъ оканчивался въ оврагѣ и, съ нѣкоторыми предосторожностями, принятыми женою тушмыла, былъ совершенно незамѣтенъ для посторонняго человѣка.

Первые дни молодая женщина просто выходила погулять, но скоро этого ей стало мало. Случай помогъ ей. Какъ-то гуляя, она встрѣтила молодого красиваго человѣка, заговорила съ нимъ, познакомилась и пригласила съ себѣ. Молодой человѣкъ, пораженный ея красотой, съ радостью согласился, и жена тушмыла провела его къ себѣ по подземному ходу. Вечеромъ, когда скоро уже долженъ былъ вернуться Иремель-тушмыль, красавица проводила своего гостя и, какъ ни въ чемъ не бывало, стала ждать мужа. Онъ скоро вернулся и, конечно, ни о чемъ не догадался. Какъ и всегда, на слѣдующее утро онъ опять ушелъ на службу, а жена его опять провела къ себѣ своего гостя.

Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Тушмыль ничего не замѣчалъ, жена его больше не скучала, а молодой человѣкъ блаженствовалъ.

Однажды тушмыль возвращался домой раньше обыкновеннаго. Уже подходя, онъ встрѣтилъ незнакомаго человѣка. То, что онъ шелъ какъ-будто отъ дома, немного удивило тушмыла. Онъ поздоровался и заговорилъ съ нимъ. Молодой человѣкъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и съ удовольствіемъ отвѣчалъ не только на вопросы, но много разсказалъ и отъ себя.

— Видите-ли,—объяснилъ онъ,—въ этомъ домѣ живетъ нѣкій Иремель-тушмыль. Каковъ онъ, я не знаю, но жена его, повѣрьте, прелестна. Каждый день, когда мужъ уходитъ на службу, являюсь я и очень весело провожу съ ней время.

— Вотъ какъ, а я-то не зналъ, что къ ней можно пройти,—сказалъ тушмыль:—она меня уже давно интересуеъ, но попасть къ ней я до сихъ поръ не могъ. Не объясните-ли вы мнѣ, какъ вы это дѣлаете?

— Отчего-же не услужить вамъ? Вотъ въ этомъ оврагѣ начинается подземный ходъ, который ведетъ въ спальню красавицы.

Тушмыль, несмотря на бѣшенство, которое имъ овладѣло, вѣжливо поблагодарилъ молодого человѣка и направился къ дому. Войдя къ женѣ, онъ нашелъ ее привѣтливой и любезной, какъ всегда. Теперь, когда онъ зналъ все, такое безстыдство поразило его до того сильно, что онъ не нашелся, что ей сказать. За ночь-же, обдумавъ все дѣло, онъ рѣшился на слѣдующій день обо всемъ доложить хану и просить его примѣрно наказать невѣрную жену.

Всю ночь тушмыль не сомкнулъ глазъ, придумывая наказаніе для невѣрной жены. Утромъ чуть свѣтъ онъ всталъ и пошелъ къ хану.

Было холодно. Плотнo закутавшись въ шубу, тушмыль подходилъ ко дворцу, когда замѣтилъ чью-то женскую фигуру, украдкой выходящую изъ него. Въ этой фигурѣ онъ къ удивленію своему узналъ молодую царицу. Желая знать, что будетъ, онъ притаился за кустомъ и сталъ ждать. Хатунъ была въ одномъ платьѣ и, видно, страдала отъ холода. Она то и дѣло безпокойно оглядывалась по сторонамъ, какъ-будто поджидая кого-то. Никого не было видно.

Наконецъ появился скотъ, который гнали въ лѣсъ. Сзади на быкѣ ѣхалъ грязный, оборванный, рябой и далеко уже не молодой скотникъ. Увидя его, царица бросилась къ нему и стала укорять: «Что ты дѣлаешь со мной? Я здѣсь жду уже страшно долго, я вся промерзла, тебѣ-же, видно, до этого нѣтъ никакого дѣла, безсовѣстный!» Но скотникъ, видно, не былъ въ настроеніи выслушивать бабьи жалобы. Онъ довольно рѣзко вытянулъ хатунъ кнутомъ по спинѣ и грубо отвѣтилъ, что она должна быть рада и тому, что онъ вообще-то пришелъ. И, странное дѣло, царица сразу успокоилась. Сильный ударъ кнутомъ, повидимому, не сдѣлалъ ей больно, а былъ ей только пріятенъ, такъ какъ она послѣ него стала ласкаться къ скотнику.—«Милый, дорогой,—говорила она:—приходи опять вечеромъ, но не заставляй себя такъ долго ждать, пожалуйста приходи!»

Подивился тушмыль, что царица молодая, красивая и имѣющая выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ мужа, увлеклась какимъ-то безобразнымъ скотникомъ. Войдя въ помѣщеніе хана, Ирембыль-тушмыль нашелъ царицу уже тамъ, и по виду ея никто-бы не могъ догадаться, что она только-что гдѣ-то бѣгала.

Ханъ въ это время какъ разъ вставалъ. Случайно, одѣвая шубу, онъ рукавомъ задѣлъ свою жену по лицу, и тушмыль остолбенѣлъ—царица расплакалась и, горько жалуясь, что ей сдѣлали больно, ушла изъ комнаты. Странно стало Ирембылу—вѣдь она только-что безъ жалобы перенесла ударъ кнутомъ, а тутъ плачетъ изъ-за пустяка.

И такъ ему стало смѣшно, что онъ громко расхохотался. Сначала ханъ только съ удивленіемъ смотрѣлъ на него, но когда смѣхъ продолжался, потребовалъ его объясненія.

— Не сердись, великій царь,—отвѣтилъ тушмыль,—то, что я видѣлъ, дѣйствительно смѣшно. Только-что наша хатунъ, твоя молодая супруга расплакалась, когда ты задѣлъ ее по лицу, а передъ тѣмъ

я видѣлъ, какъ ее билъ скотникъ и она молчала. Если не вѣришь, осмотри ея спину, на ней навѣрно остался слѣдъ отъ удара кнутомъ. У меня тоже есть молодая жена, я ее держалъ подъ девятью замками, чтобы къ ней не могъ проникнуть ни одинъ мужчина, и все-же она нашла способъ завести себѣ любовника. Вотъ женская хитрость меня и заставила такъ разсмѣяться. Скажи-же, великій ханъ, что намъ теперь дѣлать съ нашими женами?

Мудрый ханъ задумался.

— Нѣтъ, за вѣрностью нашихъ женъ намъ все равно не услѣдить,— сказалъ онъ:—не будемъ-же ихъ стѣснять, пусть онѣ дѣлаютъ, что хотятъ. Такъ будетъ лучше и имъ и намъ самимъ.

Тушмыль низко склонился передъ мудрымъ рѣшеніемъ царя и въ своей дальнѣйшей жизни всегда такъ и поступалъ. Не принимая къ сердцу шалостей жены, онъ всегда былъ счастливъ и, умирая, завѣщалъ своимъ сыновьямъ никогда не вѣрить женщинамъ, но также никогда имъ ни въ чемъ не препятствовать.

Монголы все до сихъ поръ придерживаются этого мудраго правила и живутъ болѣе счастливо, чѣмъ люди другихъ народностей.

Г. Карашаръ. Монг. Торгоутъ.

Сказка о сынѣ хана и сынѣ тушмыла.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, у хана и у его тушмыла одновременно родилось по сыну. Воспитывались они вмѣстѣ и, конечно, очень подружились. Но сынъ тушмыла былъ уменъ, а сынъ хана глупъ.

Когда имъ исполнилось двадцать лѣтъ, сынъ тушмыла однажды подслушалъ разговоръ двухъ людей изъ народа.

— Нашъ царевичъ глупъ, бѣда будетъ, когда умретъ старый ханъ и править нами будетъ онъ. Надо его теперь-же убить, а потомъ просить хана, чтобы своимъ наслѣдникомъ онъ назначилъ сына тушмыла,—говорилъ одинъ.

— Да,—отвѣчалъ другой,—это необходимо, такъ думаемъ не мы одни, а весь народъ, и надо это привести въ исполненіе возможно скорѣе.

Сынъ тушмыла не сталъ больше слушать, а побѣжалъ къ своему другу и все ему рассказалъ.

Сынъ хана совершенно упалъ духомъ, но товарищъ подбодрилъ его и сказалъ, что не все еще пропало, если немедленно бѣжать. Обсудивъ все дѣло, друзья собрались въ путь. Сборы были коротки, такъ какъ надо было уйти незамѣтно, лошадей также невозможно было достать, и вѣтъ темной, бурной ночью друзья пѣшкомъ покинули свой родной городъ, чтобы искать если не счастья, то хоть какой-нибудь уголъ, гдѣ-бы можно было прожить, не опасаясь за свою жизнь.

Долго шли они.

Однажды днемъ они увидѣли на дорогѣ толпу дерущихся мальчишекъ. Подойдя къ нимъ, сынъ тушмыла спросилъ, кто они и изъ-за чего ссорятся. Мальчишки объяснили, что они дѣти чуткуровъ и не знаютъ, какъ подѣлать шапку.

— Да стоитъ ли вамъ драться изъ-за какой-то шапки?—спросилъ сынъ тушмыла.

— О, да, вѣдь это шапка-невидимка,—отвѣтили чуткуры.

Сынъ тушмыла быстро обдумалъ все дѣло и предложилъ быть судьей въ ихъ спорѣ.

Тотъ, кто первый добѣжитъ воть до того дерева, а потомъ вернется сюда, тому шапка и достанется. Чуткуры съ восторгомъ согласились и по знаку сына тушмыла бросились бѣжать. Только этого онъ и ждалъ. Прикрывъ себя и сына хана однимъ плащомъ, онъ одѣлъ шапку-невидимку. Когда-же дѣти чуткуровъ прибѣжали, они не нашли ни шапки, ни судьи.

Друзья между тѣмъ продолжали свой путь. Какъ-то они опять увидѣли толпу, состоящую на этотъ разъ изъ дѣвочекъ, тоже дерущихся изъ-за чего-то. Сынъ тушмыла подошелъ къ нимъ и спросилъ, кто онѣ и не можетъ-ли онѣ ихъ примирить. Дѣвочки объяснили, что онѣ шулмы и спорятъ изъ-за обладанія золотыми и серебряными башмаками, башмаки-же эти не простые, а при помощи ихъ можно летать. Сынъ тушмыла предложилъ имъ бѣжать взапуски съ тѣмъ, чтобы башмаки достались двумъ выигравшимъ. Когда шулмы побѣжали, сынъ тушмыла далъ одну пару туфель сыну хана, другую одѣлъ самъ, затѣмъ они накрылись шапкой-невидимкой и улетѣли.

Цѣлый день летѣли оба друга и вечеромъ опустились на землю въ лѣсу. Ночевать они устроились около большихъ черного и бѣлаго камней. Царевичъ немедленно уснулъ, а сынъ тушмыла всю ночь не сомкнулъ глазъ.

Около полуночи пришел какой-то человек, который стал рыть землю около камней. Потом пришли еще три человека, которые спросили первого: «ну что-же, нашел что-нибудь?»—«Нѣтъ еще,—отвѣчалъ первый—но кладъ долженъ быть здѣсь, старики не могли ошибиться». Всѣ четверо продолжали работу, но настало утро и они еще ничего не нашли. Тогда они ушли, рѣшивъ опять вернуться вечеромъ.

Сынъ тушмыла не сталъ медлить, а разбудилъ своего друга и они вдвоемъ продолжали работу незнакомыхъ людей. Имъ посчастливилось больше, чѣмъ ночнымъ искателямъ, и скоро подъ бѣлымъ камнемъ они нашли массу серебра и серебряную рыбу. Продолжая работу, они подъ чернымъ камнемъ нашли золото и золотую рыбу. Восторгу друзей не было конца. Но времени терять нельзя было, могли прійти ночные люди и все отнять. Забравъ все, что только могли, они отправились дальше.

Черезъ нѣкоторое время они встрѣтили нѣсколькихъ человекъ. Накрывшись шалкой-невидимкой, они пропустили ихъ мимо себя и слышали при этомъ весь ихъ разговоръ. «Ну, врядъ-ли намъ удастся найти человека, котораго вырвало-бы золотой или серебряной рыбой»,—говорилъ одинъ.—«Да, трудно,—отвѣчалъ другой—но вѣдь не можемъ же мы остаться безъ царя, а это необходимое условіе для того, кто хочетъ имъ быть».

Идя дальше, друзья наконецъ подошли къ большому городу. Тутъ имъ объяснили, что въ городѣ ищутъ хана. Это долженъ быть человекъ, котораго-бы вырвало рыбой. Друзьямъ предложили также попытать счастья. Они согласились и незамѣтно для всѣхъ проглотили найденныя ими рыбы.

Придя на площадь, они увидѣли большой бассейнъ, кругомъ котораго сидѣли люди и давились. Друзья также сѣли рядомъ съ ними, и скоро имъ удалось выплюнуть драгоценныя рыбы. Сначала народъ остолбенѣлъ, но потомъ съ криками радости подхватилъ ихъ на руки и понесъ во дворецъ. Тутъ имъ обоимъ предложили быть царями, но сынъ тушмыла отказался.

Ханомъ былъ выбранъ царевичъ, другъ-же его остался при немъ въ качествѣ тушмыла и совѣтника. Новому хану вмѣстѣ съ царствомъ досталась также и вдова прежняго царя, на которой онъ женился. Она была молода и удивительно красива, но какая-то странная, напр., она никогда не причесывалась ни при мужѣ, ни при его другѣ.

Новый ханъ зажилъ счастливо и спокойно. Дѣла у него было немного, такъ какъ онъ поручилъ все своему тушмылу. Этотъ-же не только

управлялъ государствомъ, но слѣдилъ и за семейнымъ благополучіемъ своего друга. Уже скоро послѣ свадьбы хана онъ сталъ замѣчать, что его молодая жена по ночамъ куда-то уходитъ. Не говоря ничего своему другу, тушмыль рѣшилъ ее прослѣдить и узнать, что она по ночамъ дѣлаетъ. Ночью онъ сѣлъ около выхода изъ дворца, одѣлъ шапку-невидимку и сталъ ждать. Въ полночь вышла хатунъ и, взвившись на воздухъ, куда-то полетѣла. Тушмыль поспѣшилъ одѣть туфли-самолеты и полетѣлъ слѣдомъ за ней. Онъ сейчасъ-же догадался, что царица шулма, и рѣшилъ не выпускать ее изъ виду. Хатунъ опустилась у большой горы и вошла въ пещеру. Тушмыль за ней.

Въ пещерѣ сидѣлъ большой чернобородый мужчина. Царица подбѣжала къ нему и стала ласкаться, но черный мужчина остановилъ ее:

— Сначала разкажи дѣло,—сказалъ онъ,—а поласкаю я тебя уже потомъ. Ну, каковъ-же твой мужъ?

— Видала я дураковъ, но такого, какъ онъ, еще ни разу. Онъ не способенъ ни на что, всѣ дѣла поручилъ своему тушмылу. Я у него передъ носомъ продѣлываю все, что мнѣ угодно, каждую ночь улетаю, а онъ, конечно, никогда и не догадается, кто я такая.

— Хорошо, такого даже не жаль, и ты, я думаю, будешь только рада, когда я его черезъ три дня задую.

— О да, да, конечно, вѣдь ты знаешь, что для меня мои мужья ничего не значать, а этого дурака и тѣмъ болѣе не жаль.

Затѣмъ они стали играть въ шашки. Во время игры черный мужчина какъ-то ошибся, и хатунъ, не желая этимъ пользоваться, сказала ему: «Дамба Дарджи, вѣдь ты ошибся.

Игра продолжалась еще нѣкоторое время, а потомъ до утра Дамба Дарджи и хатунъ занимались такимъ дѣломъ, о которомъ и писать и говорить срамно. Тушмыль только плюнулъ и улетѣлъ домой.

Утромъ на зарѣ вернулась и царица и немедленно легла спать. Тогда тушмыль разбудилъ хана и сталъ его учить, какъ дѣйствовать:

— Предложи женѣ играть въ шашки и во время игры возможно чаще упоминай имя хана чуткуровъ Дамба Дарджи. При этомъ говори, что онъ навѣрно играетъ гораздо хуже, чѣмъ ты.

Ханъ удивился, но такъ какъ онъ привыкъ во всемъ безпрекословно подчиняться своему другу, то такъ и сдѣлалъ. Пока они играли, ханъ то и дѣло говорилъ о Дамба Дарджи. Царица была поражена, волновалась и все время проигрывала.

Въ продолженіе всего дня она была неспокойна и, какъ только стемнѣло, полетѣла въ пещеру къ своему другу. Тушмыль, какъ и наканунѣ, послѣдовалъ за ней. Въ пещеру она не вошла, а влетѣла и стала рассказывать черному о томъ, какъ провела день:

Утромъ мой мужъ предложилъ играть въ шашки; игралъ онъ очень хорошо, я все время проигрывала; но что наиболѣе странно, это то, что онъ все время называлъ тебя и смѣялся надъ тобой. Должно быть онъ уже не такъ глупъ, какъ я думала.

— Ну, ну, не бойся его, хатунъ. Какъ бы-онъ ни былъ уменъ, все равно черезъ два дня я его задушю,—успокоилъ ее ханъ чуткуровъ.

Потомъ опять началось то же, что и наканунѣ, и тушмыль отправился домой. Назарѣ вернулась и хатунъ и, какъ наканунѣ, легла спать.

Тушмыль далъ ей улечься, но затѣмъ, какъ только взошло солнце, разбудилъ хана, далъ ему въ руки хорошую нагайку и посовѣтовалъ немедленно-же хорошенько отколотить жену, чтобы отучить ее такъ поздно вставать.

Ханъ въ точности исполнилъ это указаніе и, колотя жену, приговаривалъ: «не валяйся такъ долго, учись вставать раньше!» Хатунъ вскочила и убѣжала на дворъ. Тамъ, забившись въ сарай, она плакала весь день и, какъ только солнце закатилось, полетѣла къ Дамба Дарджи. За ней, какъ всегда, слѣдовалъ тушмыль.

Когда она влетѣла въ пещеру, ханъ чуткуровъ былъ пораженъ ея видомъ. Хатунъ бросилась къ нему, но долго еще не могла ничего сказать. Наконецъ, она немного успокоилась и сквозь слезы рассказала, какъ грубо съ ней поступилъ ея мужъ.

— Сколько у меня было мужей и до сихъ поръ ни одинъ никогда не смѣлъ меня даже тронуть, а этотъ, какой-то мужикъ, дуракъ, и посмѣлъ меня бить, какъ какую-нибудь простую бабу. Дамба Дарджи, милый мой, дорогой, освободи меня отъ него поскорѣе,—жаловалась и просила она.

Ханъ чуткуровъ былъ возмущенъ: какой-то простой смертный смѣлъ обидѣть его дорогую, любимую любовницу.

— Ну, не долго онъ будетъ издѣваться надъ тобой, завтра днемъ я его удавлю,—сказалъ онъ и сталъ ласкать и утѣшать царицу.

Тумшмыль хотѣлъ остаться до утра, но зрѣлище было настолько не эстетично, что онъ предпочелъ отправиться домой.

Утромъ онъ одѣлъ шашку-невидимку, взялъ острую саблю, сѣлъ на крышѣ царской юрты и сталъ ждать. Около полудня поднялся силь-

ный вѣтеръ, и въ верхнее отверстіе юрты опустилась желѣзная петля. Тушмыль ударилъ по ней саблей, и отрубленный конецъ ея упалъ въ юрту. Ханъ чуткуровъ громко выругался и улетѣлъ.

Вечеромъ тушмыль слѣдомъ за царицей полетѣлъ въ пещеру чернаго человѣка.

Ханъ чуткуровъ встрѣтилъ свою любовницу ругательствами и проклятіями:

— Гдѣ у тебя были глаза, когда ты увѣряла меня, что твой мужъ глупъ? Только срамишь меня. Развѣ по твоимъ словамъ я могъ ожидать, что онъ такъ ловко перерубить мою петлю? Здорово ты меня подвела, нечего сказать.

Но потомъ, успокоившись, добавилъ:

— Завтра я обращусь въ орла, прилечу къ вашей юртѣ и посмотрю, какъ его легче можно будетъ уничтожить.

— О, спасибо, спасибо, милый мой. Правда, я виновата передъ тобой, но вѣдь я и сама ошиблась, считая его глупымъ. Но теперь ты знаешь, каковъ онъ, и я очень прошу тебя, убей его,—говорила хатунъ.

Тушмыль, услышавъ этотъ разговоръ, немедленно улетѣлъ домой и, разбудивъ хана, велѣлъ ему заготовить побольше дровъ и сала, чтобы съ утра поддерживать въ юртѣ очень большой огонь. Ханъ и на этотъ разъ не сталъ спрашивать, а исполнилъ то, что ему говорилъ его другъ. Когда-же стало свѣтло, тушмыль одѣлъ шапку-невидимку и сѣлъ на крышѣ юрты, а ханъ разложилъ въ ней большой костеръ.

Около полудня поднялась буря, и вдругъ на крышу юрты опустился громадный орелъ. Тушмыль схватилъ его и бросилъ въ костеръ. Орелъ, который и былъ Дамба Дарджи, упалъ прямо въ огонь и жестоко опалилъ себѣ перья, но спасла его хатунъ, которая схватила его щипцами и выбросила вонъ изъ юрты. Съ трудомъ только удалось ему улѣтѣть домой.

Вечеромъ тушмыль опять отправился за хатунъ.

Въ пещерѣ онъ увидѣлъ Дамба Дарджи всего обожженного, лицо его было все въ пузыряхъ. Онъ былъ страшно сердитъ и, когда увидѣлъ царицу, набросился на нее:

— Какъ ты смѣла, проклятая баба, связаться съ такимъ мужемъ? Ты, должно быть, просто смѣешься надо мной. Смотри, на что я теперь похожъ.

Тутъ тушмыль не выдержалъ и расхохотался. Ханъ чуткуровъ подумалъ, что надъ нимъ смѣется хатунъ, и развирѣпѣлъ:

— А, ты еще смѣешься! Погоди-же, я покажу тебѣ, какъ надо мной можно издѣваться! Вонъ отсюда!

Царица пробовала объяснить, что она и не думала смѣяться, но Дамба Дарджи не хотѣлъ ничего слушать и только больно прибилъ ее. Наконецъ, видя ея покорность, онъ немного успокоился.

Тогда она стала умолять его о прощеніи:

— Дамба Дарджи, не гони меня, прости. Вспомни, какъ я любила тебя! Неужели ты могъ подумать, что я все это сдѣлала нарочно? Вѣдь ты дороже мнѣ всѣхъ моихъ мужей...

Долго упрашивала она, и ханъ чуткуровъ наконецъ немного успокоился. Все-же совершенно простить онъ не могъ и потому позволилъ ей приходить къ нему только одинъ разъ въ мѣсяцъ. Тяжело было хатунъ, но все-же это было лучше, чѣмъ совершенно потерять любимаго человѣка, и пришлось быть благодарной даже и за одно свиданіе въ мѣсяцъ. Вернувшись домой, хатунъ стала совсѣмъ иной по отношенію къ мужу. Теперь она только разъ въ мѣсяцъ проводила ночь внѣ дома—это она летала на свиданіе съ ханомъ чуткуровъ. Все-же остальное время она была покорной, вѣрной и нѣжной женой своего мужа. Ханъ, который такъ и не узналъ, кто была его жена, былъ страшно счастливъ, а другу его стало одной большой заботой меньше.

Каждый мѣсяцъ на небѣ луна близко подходитъ къ Плеядамъ—это встрѣчаются хатунъ и Дамба Дарджи. Первая въ этотъ день находится на Плеядахъ, второй на лунѣ. Потомъ, когда на слѣдующій день они опять расходятся, царица снова возвращается на землю и до слѣдующаго свиданія живетъ, какъ обыкновенная женщина.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Тибетская молитва.

ॐ ཨུམ་མཐ་མུམ་ཨུམ་

Ум Ма Ни Пад Ме Хум

Ум означаетъ—вселенная.

Пад означаетъ—спасеніе.

Ма » мать.

Ме » огонь.

Ни » все живое.

Хум » скоро.

«Скорѣ спаси все живущее отъ всего сквернаго».

Сказка о тигренкѣ и теленкѣ.

Однажды жили тигрица и корова, и у каждой изъ нихъ было по сыну. Гуляя по лѣсу, тигренокъ познакомился съ теленкомъ и очень сдружился съ нимъ. Они стали встрѣчаться каждый день, играли вмѣстѣ, и съ каждымъ разомъ укрѣплялась ихъ дружба. На ночь они разставались, и каждый возвращался къ своей матери.

Какъ-то вечеромъ тигрица принесла убитую ею корову. Недоброе предчувствіе явилось у ея сына, и чуть свѣтъ онъ поспѣшилъ къ своему другу теленку. Его онъ засталъ въ слезахъ: наканунѣ мать его была убита какой-то злой тигрицей. Тигренокъ, какъ могъ, постарался утѣшить своего друга и обѣщалъ отомстить. Вечеромъ онъ взялъ старыя ножницы и въ то время, когда мать его кормила, ими распоролъ ей животъ.

Тигрица издохла, тигренокъ поспѣшилъ къ своему другу, и съ тѣхъ поръ они стали жить вдвоемъ. Тигренокъ дѣлалъ все для своего друга, стараясь дать ему спокойное и пріятное существованіе. Найдя однажды колокольчикъ, онъ навѣсилъ его на шею теленка и сказалъ: «Если когда-нибудь тебѣ будетъ грозить опасность, звони—гдѣ-бы я ни былъ, я прибѣгу».

Однажды тигренокъ ушелъ въ лѣсъ на охоту, а теленокъ остался на своей полянѣ и щипалъ зеленую травку. Вдругъ тигренокъ услышалъ отчаянный звонъ колокольчика и сломя голову бросился на помощь къ теленку. Влетѣвъ на поляну, онъ увидѣлъ его спокойно пасущимся. «Кто-же тебя обижалъ, гдѣ враги?»—спросилъ онъ. Теленокъ рассказалъ, что ему на носъ сѣла муха, которой онъ очень испугался. Тигренокъ пожурилъ своего друга, объяснивъ, что вѣдь это не опасность, и просилъ впредь не дѣлать ложныхъ тревогъ.

Черезъ нѣсколько дней тигренокъ, находясь на охотѣ, услышалъ звонъ колокольчика, но, не довѣряя уму теленка, не обратилъ на это вниманія. Вернувшись вечеромъ домой, онъ нашелъ охотниковъ, которые, заблудившись въ лѣсу и не имѣя никакой пищи, убили теленка и уже варили его мясо. Жаль стало тигренку своего друга. Онъ горько заплакалъ и сказалъ охотникамъ: «Вы убили моего единственнаго друга, такъ убейте же и меня, потому что жить одинъ я больше не хочу. Прошу васъ, заройте мои кости вмѣстѣ съ костями моего друга, шкуру-же и мясо возьмите себѣ».

Охотники такъ и сдѣлали. Шкуру его они потомъ продали и хорошо на этомъ заработали, кости-же, какъ просилъ тигренокъ, зарыли въ одну могилу.

Прошелъ годъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ были зарыты кости обоихъ друзей, выросли два красивыхъ дерева. Каждый день изъ одного изъ нихъ выходилъ золотой мальчикъ, а изъ другого серебряный. Выходили они утромъ на восходѣ солнца, играли до полудня и затѣмъ опять исчезали въ своихъ деревьяхъ. Дѣти эти были воплощеніями душъ тигренка и теленка. Золотой мальчикъ—Алтанъ-Ху былъ воплощеніемъ тигренка, серебряный—Мунгунъ-Ху теленка.

Когда они играли, ихъ нѣсколько разъ видѣлъ старый пастухъ, который служилъ у хана. Каждый разъ онъ собирался доложить хану о чудесныхъ дѣтяхъ, но всегда забывалъ это сдѣлать.

Однажды пастухъ опять увидѣлъ дѣтей, и до того они были милы, когда играли подъ деревьями, что старикъ не вытерпѣлъ. Бѣгомъ бросился онъ къ своему табуну, вскочилъ на перваго попавшагося коня и поскакалъ во дворецъ хана.

Ханъ страшно разсердился, когда увидѣлъ его, потому что онъ прискакалъ на конѣ, который былъ посвященъ богамъ. Никто, даже самъ ханъ не смѣлъ на него садиться, а тутъ его чуть не загналъ простой пастухъ. Но старикъ бросился передъ грознымъ царемъ на колѣни и сказалъ:

— Не казни меня, великій ханъ, но выслушай. Я-бы никогда не посмѣлъ сѣсть на коня, посвященнаго богу, если-бы мнѣ не надо было тебѣ поскорѣе рассказать о томъ чудѣ, которое я видѣлъ.

Ханъ выслушалъ его рассказъ о чудесныхъ дѣтяхъ и заинтересовался ими.

— Хорошо,—сказалъ онъ пастуху:—я оставлю тебѣ жизнь, но ты долженъ привести мнѣ этихъ необыкновенныхъ дѣтей. Если-же ты не сумѣешь этого сдѣлать, то не взыщи, быть тебѣ безъ головы.

Пастухъ низко поклонился грозному царю и ушелъ, надѣясь какъ-нибудь спасти свою голову.

На слѣдующее утро еще до восхода солнца онъ засѣлъ за кустомъ около деревьевъ, съ которыхъ спускались чудесные мальчики, и сталъ ждать. Взошло солнце, и въ вѣтвяхъ появились дѣти. Затѣмъ они спустились и начали играть. Пастухъ выждалъ, когда одинъ изъ нихъ подошелъ къ кусту, за которымъ онъ сидѣлъ, и вдругъ схватилъ его. Пойманный былъ Мунгунъ-Ху. Алтанъ-Ху не пробовалъ бѣжать. видя своего

брата въ плѣну, а подошелъ къ пастуху и просилъ взять и его. Взявъ дѣтей на руки, пастухъ отнесъ ихъ во дворецъ.

Ханъ, у котораго не было дѣтей, былъ очарованъ ими и взялъ ихъ къ себѣ. Мальчики росли и воспитывались, какъ царевичи.

Прошло двадцать лѣтъ. Алтанъ-Ху сталъ сильнымъ, рѣшительнымъ молодымъ человѣкомъ, который любилъ войну и все военное. Братъ его, наоборотъ, былъ очень хрупокъ и нѣженъ. Онъ предпочиталъ спокойную жизнь волненіямъ войны. Тихій и не особенно далекій, онъ любилъ природу и часто уходилъ куда-нибудь въ лѣсъ, гдѣ часами наблюдалъ жизнь птицъ и животныхъ. Когда братья подросли, ханъ сталъ имъ давать разные порученія.

Однажды сосѣднее государство объявило хану войну, и волна непріятельскихъ войскъ вторглась въ предѣлы его владѣній. Не теряя времени, Алтанъ-Ху собралъ войско и повелъ его навстрѣчу врагу. Передъ отъѣздомъ онъ только просилъ, чтобы съ Мунгунъ-Ху обращались ласково и хорошо.

— Если-же кто-нибудь его обидитъ,—прибавилъ онъ,—то лучше бы такому человѣку и не родиться на свѣтѣ, такъ какъ месть моя будетъ ужасна.

И къ Мунгунъ-Ху всѣ относились привѣтливо и ласково.

Но война затянулась дольше, чѣмъ можно было ожидать. Мунгунъ-Ху сталъ скучать.

Ханъ, который его очень любилъ, видя, что онъ тоскуетъ, захотѣлъ найти ему какое-нибудь дѣло. Позвавъ его, онъ сказалъ ему:

— Ты уже не мальчикъ, пора тебѣ жениться. Поѣзжай въ царство Харакчи-Хуна, говорятъ, что дочь его удивительная красавица. Она для тебя будетъ самой подходящей женой. Поѣзжай, мой мальчикъ.

Мунгунъ-Ху уже давно слыхалъ о необычайной красотѣ дочери Харакчи-Хуна и потому съ радостью согласился на предложеніе своего пріемнаго отца. Сборы были не долги. Въ одинъ прекрасный день, простившись со всѣми, кто ему былъ дорогъ, серебряный царевичъ отправился въ путь.

Долго ѣхалъ онъ. Наконецъ, онъ однажды встрѣтилъ стараго-пре-стараго сгорбленнаго старика.

— Куда ты ѣдешь, серебряный князь?—спросилъ его этотъ старикъ.

Мунгунъ-Ху рассказалъ, что ѣдетъ въ царство Харакчи-Хуна, чтобы взять себѣ его дочь въ жены. Затѣмъ онъ ласково спросилъ встрѣчнаго, не можетъ-ли онъ быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ.

— Нѣтъ, мой мальчикъ, мнѣ ничего не надо,—отвѣтили старикъ:—но отъ меня возьми вотъ эту палку, когда-нибудь она, можетъ быть, пригодится тебѣ,—и съ этими словами онъ далъ Мунгунъ-Ху обломокъ палки.

Царевичъ вѣжливо поблагодарилъ его, принялъ подарокъ и поѣхалъ дальше.

Скоро онъ встрѣтилъ еще старика, еще болѣе стараго, еще болѣе сгорбленнаго, чѣмъ первый. Этотъ тоже спросилъ его, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Съ обычной своей привѣтливостью Мунгунъ-Ху разсказалъ ему о своихъ намѣреніяхъ. Тогда старикъ далъ ему двѣ кости.

— Береги ихъ, когда-нибудь онѣ пригодятся тебѣ, ну, а теперь поѣзжай, тебѣ впереди еще много предстоитъ пережить,—напутствовалъ онъ серебрянаго царевича.

Черезъ нѣкоторое время царевичъ встрѣтилъ третьяго старика, еще болѣе стараго, еще болѣе сгорбленнаго, чѣмъ оба первыхъ. Этотъ тоже спросилъ его, куда онъ ѣдетъ, и, при разставаніи, подарилъ ему уголекъ.

— Кто знаетъ, что еще случится,—сказалъ онъ.

Послѣ этой встрѣчи Мунгунъ-Ху ѣхалъ уже безъ задержекъ. Долго еще пришлось ему ѣхать, наконецъ онъ вдали увидѣлъ дворецъ Харакчи-Хуна. Тогда онъ остановился въ лѣсу и подождалъ наступленія ночи. Когда-же стало темно, онъ пошелъ во дворецъ, гдѣ надѣялся найти царевну.

Тутъ на него напали свирѣпыя собаки Асаръ и Васаръ, и если-бы онъ не вспомнилъ о костяхъ, которыя ему далъ второй старикъ, и не бросилъ ихъ имъ, онѣ-бы его разорвали въ клочки. Но собаки занялись ими, и Мунгунъ-Ху прошелъ. По какой-то счастливой случайности, ему не пришлось долго искать.

Въ первомъ помѣщеніи, въ которое онъ вошелъ, онъ увидѣлъ царевну. Много приходилось серебряному царевичу слышать о ея красотѣ, но то, что онъ увидѣлъ, превзошло всѣ его ожиданія. Пораженный, онъ остановился въ дверяхъ и только любовался ею.

Наконецъ, царевна сама увидѣла его. Сначала она тоже смотрѣла на пришельца съ удивленіемъ, но, видя его такимъ молодымъ, такимъ сильнымъ, такимъ прекраснымъ, бросилась къ нему. Все-же онъ былъ чужой, и царевна чуть не пожалѣла о своемъ движеніи. Но онъ былъ такой странный со своей серебряной кожей, такой не похожій на обыкновенныхъ людей, что она не стала больше раздумывать и съ крикомъ радости бросилась къ нему на шею.

— Милый, вѣдь ты пришелъ за мной? Вѣдь ты будешь моимъ мужемъ? Какъ ты прекрасенъ, серебряный царевичъ,—говорила она, цѣлуя его.

Мунгунъ-Ху былъ въ восторгѣ. Онъ и раньше зналъ, что онъ красивъ, но никогда не ожидалъ, что произведетъ такое впечатлѣніе на красавицу-царевну. Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ и цѣловалъ, цѣловалъ безъ конца. Но наконецъ она опомнилась:

— Что мы дѣлаемъ! Вѣдь каждую минуту сюда можетъ кто-нибудь войти, и мой отецъ, если узнаетъ, что ты здѣсь, велитъ тебя убить. Намъ надо скорѣе бѣжать. Идемъ! Идемъ-же, милый,—просила она.

Тутъ Мунгунъ-Ху тоже понялъ, что оставаться дольше нельзя. Онъ схватилъ царевну на руки и бросился съ ней бѣжать. На дворѣ Асаръ и Васаръ все еще были заняты костями и не тронули ихъ. Мунгунъ-Ху благополучно добѣжалъ до лѣса, вскочилъ на своего коня, посадилъ царевну впереди себя и помчался прочь отъ опасныхъ мѣстъ.

Ѣхали они всю ночь и весь слѣдующій день и остановились только вечеромъ.

Утромъ, когда они проснулись, они увидѣли себя окруженными войсками Харакчи-Хуна. Начальникъ отряда выступилъ впередъ и потребовалъ, чтобы царевна добровольно возвратилась къ своему отцу, въ противномъ-же случаѣ грозилъ взять ее силой, а похитителя ея казнить. Мунгунъ-Ху растерялся совершенно и уже готовъ былъ начать бой одинъ противъ тысячи, чтобы только не отдать свою невѣсту. Но царевна удержала его отъ этого безумства и спросила, какія вещи у него имѣются. Тутъ только серебряный царевичъ вспомнилъ о подаркахъ стариковъ и отдалъ своей невѣстѣ обломокъ палки, полученный отъ перваго изъ нихъ. Та схватила его, махнула имъ надъ головой—и преслѣдователи всѣ до послѣдняго упали мертвыми, какъ пораженные молніей. Мунгунъ-Ху остолбенѣлъ, но прекрасная царевна не дала ему раздумывать, а заставила поскорѣе ѣхать дальше.

Опять они ѣхали до самой ночи и только тогда остановились на ночлегъ. И опять утромъ, когда они проснулись, они увидѣли себя окруженными людьми Харакчи-Хуна, и опять спаслись благодаря царевнѣ. Она взяла у Мунгунъ-Ху уголекъ и бросила его въ нападавшихъ. Какъ только уголекъ упалъ на землю, онъ обратился въ огонь, который, распространяясь со страшной быстротой, уничтожилъ все войско Харакчи-Хуна.

Съ грустью смотрѣлъ Мунгунъ-Ху на гибель столькихъ людей и задумался о томъ, что съ третьимъ войскомъ имъ, пожалуй, не справиться. Но, какъ-бы угадывая его мысли, царевна сказала:

— Ну, довольно смотрѣть на это грустное зрѣлище. Теперь намъ пора ѣхать дальше и отыскать себѣ какой-нибудь уголъ, гдѣ мы могли-бы жить спокойно и счастливо. Погони за нами больше не будетъ, я знаю своего отца, онъ не пошлетъ больше людей на вѣрную гибель. Ёдемъ-же, царевичъ.

И они поѣхали.

Долго-ли, мало-ли они ѣхали—не извѣстно.

Наконецъ, въ одномъ темномъ глухомъ лѣсу они нашли домъ. Никого въ немъ не оказалось, но для того, чтобы жить въ немъ, онъ былъ еще довольно хорошъ. Мунгунъ-Ху и царевна поселились въ немъ. Тутъ они справили свою свадьбу. Правда, они при этомъ обошлись безъ ламы и безъ чтенія священныхъ молитвъ, но имъ всего этого и не нужно было: они были счастливы, любили другъ друга, и ни одинъ человѣкъ не могъ помѣшать ихъ блаженству. Только птицы имъ пѣли пѣсни любви, да звѣри изъ чащи любовались ихъ красотой.

Беззаботно и счастливо жили они. Мунгунъ-Ху ходилъ по утрамъ на охоту, а жена его въ это время работала по хозяйству. Вечеромъ они сажались гдѣ-нибудь на полянѣ, слушали пѣнiе птицъ, слѣдили за яркими звѣздами и шептали другъ другу слова любви. Такъ прошло нѣсколько недѣль.

Но вотъ Мунгунъ-Ху сталъ замѣчать, что жена никогда не распускаетъ своихъ волосъ, пока онъ дома. Это его заинтриговало. Сначала онъ старался побороть свое любопытство, увѣряя себя, что ничего сквернаго въ этомъ быть не можетъ, но, наконецъ, не утерпѣлъ. Однажды, сказавъ женѣ, что идетъ, какъ всегда, на охоту, онъ вышелъ и спрятался въ лѣсу около своего жилища. Прождавъ въ засадѣ нѣкоторое время, онъ быстро вернулся домой. То, что онъ увидѣлъ, поразило и восхитило его: его жена сидѣла передъ зеркаломъ съ распущенными волосами и тщательно причесывала ихъ. Она была прекрасна со своими густыми черными волосами, но, что особенно прибавляло ей красоты, это одна прядь чисто золотыхъ волосъ, перемѣшанная съ остальными, черными, какъ ночь. Царевичъ стоялъ и любовался прелестной женой, но та, наконецъ, его замѣтила и залилась слезами.

— О, зачѣмъ ты это сдѣлалъ! Развѣ я мало любила тебя, что тебѣ понадобилось слѣдить за мной? Теперь намъ придется много, много еще

страдать изъ-за этого. О, отчего ты не вѣрилъ мнѣ... — такъ жаловалась она, ломая руки.

Мунгунъ-Ху пробовалъ ее утѣшить.

— Не плачь, дорогая, сквернаго съ нами случиться не можетъ. Но ты больше не прячь отъ меня своихъ дивныхъ волосъ.

Такъ говорилъ онъ, и, слушая его, дочь Харакчи-Хуна понемногу успокоилась и перестала плакать. Тогда она вырвала у себя одинъ изъ золотыхъ волосъ и, отдавая его мужу, сказала:

— На, возьми его, если эти золотые волосы такъ нравятся тебѣ. Но только никому ихъ не показывай и никому не говори, что они у меня имѣются.

Мунгунъ-Ху былъ въ восторгѣ отъ этого подарка и, конечно, обѣщаль исполнить ея просьбу.

Однажды, находясь на охотѣ, онъ вынулъ чудесный волосъ и разглядывалъ его, держа на ладони. Вдругъ налетѣлъ вихрь и вырвалъ его у него изъ рукъ. Мунгунъ-Ху бросился за нимъ, но волосъ попалъ въ ручей и быстрымъ теченіемъ его унесло куда-то. Долго еще стоялъ царевичъ на берегу ручья, не зная, что дѣлать, и, наконецъ, тихо побрелъ домой.

Золотой волосъ, между тѣмъ, принесло къ хану чуткуровъ. Онъ какъ разъ гулялъ вдоль ручья и, видя, что плаваетъ что-то блестящее, велѣлъ это выловить. Когда-же ему принесли волосъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что велѣлъ найти его обладательницу и привести ее къ себѣ. Но никто не могъ ему указать, кто имѣетъ такіе волосы. Только послѣ долгихъ разспросовъ нашелся одинъ захудалый чуткуръ, который зналъ, что этотъ волосъ принадлежитъ женѣ серебрянаго царевича. Тогда ханъ чуткуровъ собралъ 30,000 своихъ подданныхъ и приказалъ имъ убить мужа красавицы, а ее привести къ нему, такъ какъ онъ самъ хотѣлъ на ней жениться.

Войско чуткуровъ скоро окружило жилище Мунгунъ-Ху. И мужъ и жена въ это время были дома. Чуткуры ворвались къ нимъ, и начался бой. Многихъ искрошилъ серебряный царевичъ, но, наконецъ, онъ былъ побѣжденъ и связанъ. Но какъ ни старались чуткуры, убить его они не могли. Тогда жена его сказала чуткурамъ:

— Подождите, я помогу вамъ. Онъ мнѣ надоѣлъ, и я рада избавиться отъ него. Возьмите у него ножъ и положите его въ очагъ, и онъ умретъ.

И только чуткуры это сдѣлали, какъ Мунгунъ-Ху упалъ мертвый. Жена его только упростила чуткуровъ разрѣзать веревки, которыми онъ

былъ связанъ, чтобы онъ хоть мертвый лежалъ спокойно. Затѣмъ она послѣдовала за людьми Дамба-Дарджи. Только выходя изъ дома, она махнула правой рукой надъ правой половиной двери, а лѣвой рукой надъ лѣвой. Чуткуры не обратили на это никакого вниманія, только окружили ее и повели къ своему хану.

Но теперь пора вернуться къ Алтанъ-Ху. Долго воевалъ онъ. Побѣды слѣдовали одна за другой, и, наконецъ, ему удалось взять въ плѣнъ непріятельскаго хана. Закованнаго въ цѣпяхъ онъ привелъ его въ столицу своего пріемнаго отца.

Встрѣча, которую устроили побѣдителямъ, была необычайна, но Алтанъ-Ху первымъ дѣломъ спросилъ, гдѣ его братъ. Когда-же ему сказали, что уже около года назадъ онъ уѣхалъ искать невѣсту и до сихъ поръ еще не вернулся, онъ вскочилъ на коня и отправился въ путь.

Долго ѣхалъ онъ, вездѣ спрашивая, не видалъ-ли кто Мунгунъ-Ху. Но никто не видалъ его. Наконецъ, Алтанъ-Ху потерялъ надежду когда-нибудь найти любимаго брата. Сѣвъ на камень, онъ закрылъ лицо руками и задумался. Вывелъ его изъ этого состоянія его конь, который уже много лѣтъ дѣлилъ съ нимъ всѣ опасности боевой жизни. Онъ вдругъ громко заржалъ и бросился по направленію на западъ. Потомъ онъ вернулся, сталъ около своего хозяина и, какъ-бы уговаривая его ѣхать дальше, сталъ тереться къ нему. Алтанъ-Ху понялъ, что онъ что-то почувалъ, и довѣрился ему.

Засѣлавъ коня, онъ сѣлъ на него, и вѣрный другъ стрѣлой понесъ его. Пріѣхали они въ густой лѣсъ, и скоро конь остановился на полянѣ, на которой стоялъ одинокій, уже полуразвалившійся домъ. Алтанъ-Ху снѣшился и вошелъ въ него. Все было въ безпорядкѣ, покрыто пылью и затянута паутиной. Среди всего этого безпорядка золотой царевичъ увидѣлъ мертвое тѣло своего брата. Горько заплакалъ онъ—вѣдь это лежало тѣло единственнаго дорогого ему человѣка. Но вдругъ его взглядъ упалъ на правую сторону двери, и на ней онъ прочелъ: «вынь изъ очага ножъ, и онъ оживетъ». Какъ сумасшедшій бросился Алтанъ-Ху къ очагу, пошарилъ въ немъ и выхватилъ изъ него ножъ. И только онъ вынулъ его, какъ Мунгунъ-Ху поднялся на ноги.

— Какъ долго я спалъ,—сказалъ онъ, протирая глаза, но въ это время увидѣлъ своего брата и бросился къ нему на шею. Радость встрѣчи была очень велика. Скоро, однако, Мунгунъ-Ху вспомнилъ о томъ, что лишился любимой жены, и въ свою очередь заплакалъ. Братъ пробовалъ его утѣшить, но безуспѣшно. Вдругъ онъ увидѣлъ лѣвую сто-

рону двери, на которой появилась надпись: «Спасите меня. Поѣзжайте къ хану чуткуровъ, и пусть Мунгунъ-Ху поздно вечеромъ проѣдетъ передъ его дворцомъ верхомъ на быкѣ и вымазанный сажей». Увидя эту надпись, Мунгунъ-Ху сразу воспрянулъ духомъ.

— Ёдемъ, ёдемъ скорѣе,—заторопилъ онъ брата:—вѣдь она въ плѣну и вѣроятно мучается и страдаетъ. Ёдемъ скорѣе!

И они поѣхали.

Много еще пришлось имъ пережить раньше, чѣмъ они добрались до своей цѣли—дворца хана чуткуровъ.

Однажды они дошли до большого моря. Тутъ они построили корабль, но когда они хотѣли уже сѣсть на него, изъ воды высунулась огромная рыба, которая хотѣла ихъ проглотить. Алтанъ-Ху выстрѣлилъ въ нее, но не могъ убить. Тогда онъ второй стрѣлой срѣзалъ вершину ближайшей горы и ею загкнулъ глотку ужасной рыбѣ. После этого они благополучно переплыли море. Но только они высадились, какъ на нихъ напалъ *Мангытъ-Хай о пятинадцати головахъ*. Мунгунъ-Ху выстрѣлилъ въ него и отсѣкъ ему сразу всѣ пятнадцать головъ. Наконецъ, преодолевъ еще огромныя горы и страшныя лѣса, оба царевича подошли къ дворцу хана чуткуровъ. Тутъ они спрятались.

Вечеромъ, когда уже стало темнѣть, Мунгунъ-Ху вымазался сажей, одѣлъ какія-то лохмотья, сѣлъ на быка и поѣхалъ ко дворцу. Онъ нѣсколько разъ проѣхалъ подъ его окнами и опять уѣхалъ къ себѣ въ лѣсъ.

Со времени плѣненія дочери Харакчи-Хуна чуткурами прошло уже три года. За все это время она ни разу не разсмѣялась, ни разу не сказала ни одного слова. Дамба-Дарджи дѣлалъ все, что могъ, чтобы развеселить ее, такъ какъ она страшно нравилась ему, но всѣ его труды пропадали даромъ: прекрасная плѣнница не обращала на него вниманія и была, какъ всегда, молчалива и грустна.

Но вотъ однажды вечеромъ подъ окнами дворца верхомъ на быкѣ проѣхалъ какой-то оборванецъ, весь вымазанный сажей,—и, странное дѣло, царевна разсмѣялась. Ханъ чуткуровъ былъ въ восторгѣ. На слѣдующій день онъ также вымазался сажей, сѣлъ на быка и сталъ ѣздить подъ окнами своей плѣнницы, надѣясь ее опять разсмѣшить. Этого только она ждала. Пользуясь тѣмъ, что онъ ее не видитъ, она убѣжала изъ дворца и скоро была въ объятіяхъ своего мужа.

Скоро, однако, Дамба-Дарджи увидѣлъ, что его провели. Къ утру онъ уже собралъ 70,000 своихъ чуткуровъ и во главѣ ихъ погнался за

бѣглецами. Наконецъ, онъ настигъ ихъ, но братьямъ стоило пустить только по одной стрѣлѣ—и всѣ 70,000 враговъ были убиты. Спасся только одинъ ханъ. Онъ поспѣшилъ въ свою столицу и уже на слѣдующій день съ новыми 70,000 чуткурами догналъ дочь Харакчи-Хуна. Но братья опять выстрѣлили по одному разу, и всѣ нечистые были убиты. Самого-же Дамба-Дарджи поймалъ Алтанъ-Ху и убилъ его сырымъ осиновымъ коломъ.

Послѣ этого побѣдители вернулись въ царство чуткуровъ, изгнали изъ него всѣхъ нечистыхъ и стали править всей этой огромной страной. Всѣ дѣла, собственно говоря, дѣлалъ Алтанъ-Ху, братья-же его и его прелестная жена зажили спокойно подъ его охраной.

Много лѣтъ жили они еще, наслаждаясь счастьемъ и взаимной любовью, и подъ старость имѣли утѣшеніе видѣть вокругъ себя нѣсколько стройныхъ сыновей и красавицъ дочерей, какъ двѣ капли воды похожихъ на мать. Алтанъ-Ху никогда не женился, но семья брата была и его семьей, и большего ему ничего не надо было.

Дунсурунъ Монг. Халха.

Сказаніе о происхожденіи табака и опиума.

Много лѣтъ назадъ въ одномъ монастырѣ былъ одинъ быкъ, которымъ ламы пользовались для всѣхъ работъ, и одна коза, молокомъ которой ламы бѣлили свой чай.

Настало время, и коза околѣла. Всѣ монахи помолились за нее. Богъ услышалъ ихъ молитву и далъ козѣ хорошее перерожденіе. Умеръ, наконецъ, и быкъ, но о немъ никто не молился. Это страшно разсердило его душу, и она упросила Бога наслатъ на земной скотъ падежи. Богъ исполнилъ эту просьбу, но душѣ быка и этого было мало.

Возродилась она въ слѣдующей своей жизни въ монаха. Лама этотъ поселился въ томъ-же монастырѣ, гдѣ его прежнее перерожденіе такъ жестоко обидѣли, и ежедневно мстилъ своимъ товарищамъ за ихъ несправедливость: каждое утро находили кого-нибудь изъ ламъ задушеннымъ или зарѣзаннымъ. Но настало время—и жестокий лама умеръ. Товарищи его вздохнули съ облегченіемъ. Но не кончились еще ихъ мученія, жажда мести у души быка не была еще утолена.

Въ слѣдующемъ своемъ перерожденіи онъ былъ большимъ военнымъ начальникомъ и до самой своей смерти всячески преслѣдовалъ и уничтожалъ ламъ. Много жестокостей онъ совершилъ, и когда, наконецъ, онъ

умеръ, злоба его была насыщена. Но ламы съ его смертью не успокоились, а со страхомъ ждали, во что онъ еще возродится, такъ какъ не смѣли надѣяться, что месть его кончилась.

Но вотъ въ одной богатой семьѣ родилась дѣвочка—это опять было воплощеніе души быка.

Прошло лѣтъ четырнадцать, и уже стало ясно, что дѣвочка эта отмѣчена печатью Бога. Красота ея была необычайна, и не было мужчины, который-бы не влюбился въ нее. Доброта ея тоже была какая-то особенная. Она никѣмъ не гнушалась, а принимала всѣхъ—и богатыхъ и бѣдныхъ, красивыхъ и калѣкъ, сильныхъ и слабыхъ. Для каждаго она находила ласковое слово, нѣжный взглядъ и очаровательную улыбку. Все больше и больше людей влюблялось въ нее: старые и молодые, свирѣпые воины и жадные купцы, знаменитые мастера и простые рабочіе—всѣ приходили, чтобы хоть только взглянуть на нее и отдать этой дивной красавицѣ и себя и все свое имущество. Но она ничего не принимала, ей довольно было и того, что людямъ она могла дать блаженство, счастье и любовь.

Когда красавицѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, она ушла изъ дома, чтобы ходить по всей странѣ и дать возможно большому количеству людей счастье видѣть ее. И повсюду, куда она только ни шла, за ней слѣдовали тысячи людей. Но не долго она такъ ходила. Черезъ годъ ея уже не стало.

Передъ смертью она собрала всѣхъ своихъ поклонниковъ и сказала имъ:

— Скоро меня не станетъ. Не плачьте и не страдайте изъ-за этого, вѣчно съ вами оставаться я-бы все равно не могла. Но я хочу оставить вамъ память о себѣ. Когда я умру, заройте меня въ могилу и стерегите девять дней. По истеченіи этого срока разройте могилу и вмѣсто меня вы найдете нѣчто, что въ тяжелыя минуты жизни будетъ вамъ давать, если не полное, то хоть временное забвеніе. Помните-же, что я вамъ сказала, а теперь оставьте меня. Прощайте-же, мои дорогіе, и не забывайте свою маленькую любимицу.

И люди отошли, а прекрасная ихъ любимица, оставшись одна, горячо помолилась за всѣхъ ихъ Богу и тихо отошла въ вѣчность, чтобы больше уже не перерождаться въ этомъ мірѣ горя и страданій. Люди исполнили ея волю: съ горькимъ чувствомъ опустили они тѣло красавицы въ могилу и девять дней стерегли ее.

На десятый день, исполняя ея волю, они разрыли могилу и въ ней нашли какой-то порошокъ. Понюхали его—и у всѣхъ стало какъ-то весело на душѣ: это былъ нюхательный табакъ.

Еще въ могилѣ нашли какіе-то листья—это былъ табакъ. Нѣкоторые люди попробовали его курить, и на душѣ у нихъ стало такъ тихо и спокойно, какъ будто вмѣстѣ съ дымомъ уходили всѣ волненія, вся горечь жизни.

Послѣдніе изъ влюбленныхъ попробовали закурить какую-то густую замазку, которая оказалась еще на мѣстѣ тѣла красавицы. И что съ ними сдѣлалось! Все, все перестало для нихъ существовать. Каждому казалось, что онъ остался одинъ на свѣтѣ, одинъ со своей дорогой красавицей, что она любитъ его страстно и жарко цѣлуетъ безъ конца. То, что курили эти люди, былъ опиумъ.

И съ тѣхъ поръ, когда людямъ скучно, когда у нихъ есть непріятности, или они страдаютъ, они курятъ табакъ или опиумъ и всегда находятъ въ нихъ развлеченіе, утѣшеніе и даже мечты о страсти и любви.

Гор. Урга. Зенгэ Адыя.

Сказка о Буджинъ-Дава-ханѣ.

Давно-давно, когда земля только недавно еще была сотворена, жилъ царь Буджинъ-Дава. У него была чудесная лошадь, которая въ одинъ день обносила его три раза вокругъ земли. Еще у него была птица Начинъ и собака Хасаръ, которыхъ онъ отправлялъ на охоту, и онѣ всегда приносили ему все, что только можно было пожелать. Царство Буджинъ-Дава было велико и могуче, и никто изъ сосѣдей не смѣлъ обидѣть его подданныхъ. Но въ семейной жизни ханъ не былъ счастливъ. Правда, у него было 500 женъ, но ни одна изъ нихъ за много лѣтъ не родила ему ребенка, котораго онъ страстно желалъ имѣть.

Однажды ханъ опять отправилъ на охоту Хасара. Собака на этотъ разъ отправилась на югъ, но охота не была удачна. Не желая возвращаться домой ни съ чѣмъ, она бѣжала все дальше и дальше.

Вдругъ она увидѣла большой домъ. Подбѣжавъ къ нему, она заглянула въ окно и увидѣла старуху и трехъ дѣвицъ. Двѣ изъ нихъ были безусловно красавицы, но красоту младшей трудно было-бы даже описать. Ничего подобнаго Хасаръ никогда не видѣлъ и остановился очарованный. Казалось, какое-то сіяніе исходило отъ младшей дѣвицы, и глаза ея, синіе, какъ небо, то были глубоки, какъ море въ тихую погоду, то блестѣли, какъ вечерняя звѣзда. Пораженный Хасаръ подошелъ еще ближе и сталъ слушать.

— Ну, дочери мои, — говорила старуха: — пусть теперь каждая из васъ расскажетъ, чему она научилась.

— Для простыхъ людей я не знаю ничего, — отвѣтила старшая: — но если-бы Буджинъ-Дава-ханъ взялъ меня въ жены, я-бы для него и его свиты въ 500 человѣкъ въ одно мгновеніе изъ одного яйца пригото-вила-бы обѣдъ изъ девяти блюдъ.

— А я, — сказала вторая дѣвица: — если-бы ханъ взялъ меня въ жены, соткала-бы ему въ одинъ мигъ коверъ, на которомъ хватило-бы мѣста и ему и всей его свитѣ. И весь коверъ былъ-бы сдѣланъ изъ шерсти всего одного козла. Ну что-же, — добавила она: — развѣ я не достойна была-бы быть царицей?

Младшая сестра долго молчала, но, наконецъ, сказала:

— Я ничему не научилась, и если мнѣ суждено выйти замужъ за простого человѣка, я-бы осталась женщиной, какъ и всякая другая. Но если-бы меня взялъ въ жены Буджинъ-Дава-ханъ — о, тогда я навѣрно знаю, что я родила-бы ему золотого сына и серебряную дочь. Но вѣдь ханъ никогда не женится на мнѣ, — добавила она довольно печально.

Этихъ словъ было достаточно для Хасара. Услыхавъ ихъ, онъ по-мчался домой.

Когда онъ явился къ хану, тотъ былъ очень удивленъ и недово-ленъ, что вѣрный слуга его вернулся съ пустыми руками.

— Не сердись, великій ханъ, — сказалъ Хасаръ: — выслушай то, что я расскажу тебѣ, и ты меня простишь.

И затѣмъ онъ рассказалъ о трехъ сестрахъ и о томъ, что онѣ гово-рили. Когда-же онъ описалъ красоту младшей и передалъ ея слова, ханъ вскочилъ и немедленно приказалъ выѣхать свитѣ въ 500 человѣкъ, чтобы сопровождать его въ поѣздкѣ на югъ.

Когда ханъ еще только подъѣзжалъ къ дому старухи, дочери ея замѣтили его. Прошло всего нѣсколько минутъ, и ханъ уже входилъ въ домъ. И уже вторая изъ дѣвицъ успѣла соткать коверъ. Царь и вся свита его усѣлись на этомъ коврѣ, и еще осталось свободное мѣсто. Когда всѣ усѣлись, старшая сестра уже принесла обѣдъ изъ девяти блюдъ, сдѣлан-ныхъ изъ одного только яйца. Всѣ ѣли очень много, и отъ обѣда осталось еще порядочно. Наконецъ, царь велѣлъ показать третью изъ сестеръ. Ей, которая ничего не умѣла дѣлать, стыдно было предстать передъ своимъ повелителемъ, и ее пришлось отвести къ хану почти насильно. Буджинъ-Дава былъ очарованъ ею и, не долго думая, объявилъ ей, такъ же какъ и ея двумъ сестрамъ, что беретъ ихъ всѣхъ себѣ въ жены.

Черезъ три дня, когда ханъ вернулся домой, всѣ три сестры стали царицами, мать-же ихъ поселилась во дворцѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Двѣ старшія сестры, какъ и всѣ прежнія царицы, остались безплодными, младшая-же изъ сестеръ уже давала увѣренность, что принесетъ своему мужу и повелителю хотя-бы одного ребенка. Ея дивная красота вмѣстѣ съ этой берѣменностью сдѣлала то, что для Буджинъ-Дава всѣ его остальные жены совсѣмъ перестали существовать, а все свое вниманіе, всю свою нѣжность и любовь онъ перенесъ на нее.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и скоро уже должно было настать для младшей царицы время родовъ. Остальныя 502 жены хана, въ томъ числѣ обѣ сестры беременной хатунъ, выходили изъ себя отъ злости. Наиболѣе энергичныя изъ нихъ собрали тогда ихъ всѣхъ и изложили имъ все дѣло: если у младшей хатунъ будетъ ребенокъ, имъ всѣмъ 502-мъ придется примириться съ потерей всякаго значенія, потому что ханъ еще сильнѣе станетъ любить ту, которая будетъ матерью его ребенка. Долго между собой говорили царицы по этому поводу и рѣшили привлечь на свою сторону Цокъ-Гырыль тушмыла, который состоялъ при нихъ въ качествѣ главнаго евнуха. Цокъ-Гырыль не долго колебался, потому что и самъ не особенно любилъ хатунъ, и, когда царицы прямо заявили ему, что онъ ждуть отъ него убійства будущаго ребенка хана, онъ обѣщалъ это исполнить.

Настало для молодой царицы время родить. Цокъ-Гырыль уговорилъ хана уѣхать на этотъ день, самъ-же остался при царицѣ, чтобы принять ребенка. Сначала на свѣтъ появилась серебряная дѣвочка, а потомъ мальчикъ съ золотой кожей. Цокъ-Гырыль взялъ дѣтей къ себѣ, вмѣсто нихъ-же положилъ около царицы двухъ новорожденныхъ щенятъ.

Когда ханъ вернулся и узналъ, что его любимая жена вмѣсто дѣтей родила щенятъ, онъ страшно разсердился. Немедленно-же онъ приказалъ живыми закопать въ одну могилу и молодую хатунъ и ея щенятъ. Приказаніе это Цокъ-Гырыль поспѣшилъ исполнить, и царица была зарыта на перекресткѣ трехъ дорогъ. Настоящихъ-же дѣтей тушмыль положилъ въ золотой ящикъ, который, въ свою очередь, положилъ въ серебряный, затѣмъ въ мѣдный, желѣзный и деревянный и, наконецъ, все зашилъ въ кожу. Потомъ ночью, когда никто не могъ его увидѣть, онъ отнесъ этотъ ящикъ къ рѣкѣ, сѣлъ въ лодку и, когда доѣхалъ до глубокаго мѣста, бросилъ пакетъ съ дѣтьми въ воду. Послѣ этого онъ такъ-же незамѣтно вернулся домой.

На этой-же рѣкѣ, но значительно ниже, жилъ старый рыбакъ со своей старухой-женой. Они были страшно бѣдны и существовали только тѣмъ, что удавалось поймать. Если-же уловъ былъ плохъ, они вовсе ничего не ѣли.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Цокъ-Гырыль бросилъ въ воду царскихъ дѣтей, старикъ опять закинулъ неводъ. Ловля была неудачная, и онъ хотѣлъ ее уже прекратить, какъ вдругъ почувствовалъ, что въ неводъ попало что-то очень тяжелое. Вытащить эту добычу онъ одинъ не могъ и принужденъ былъ позвать свою жену, и только, когда та помогла ему, удалось это сдѣлать. Въ неводѣ, къ отчаянію старухи, оказалась не рыба, а какой-то ящикъ, зашитый въ кожу. Жена рыбака съ досады хотѣла его уже бросить обратно въ рѣку, но ее остановилъ мужъ, который сказалъ: «Не надо его бросать. Кожа послужитъ намъ для починки сапогъ, а внутри онъ, вѣроятно, деревянный, и это дерево пригодится намъ, какъ дрова». Съ этими словами онъ распоролъ кожу и разломалъ деревянный ящикъ, въ которомъ оказался еще такой-же, но желѣзный. Старуха предложила выкинуть и его, но старикъ отвѣтилъ, что желѣзо можно продать кузнецу, — все-таки хоть что-нибудь онъ за него да дастъ. Вскрывъ желѣзный ящикъ, онъ увидѣлъ мѣдный, и этимъ уже заинтересовалась и старуха. Когда-же они вскрыли и его, у нихъ затряслись руки—они увидѣли серебряный ящикъ. Съ трудомъ сдерживая свое волненіе, они вскрыли и его и нашли золотой. Тутъ старики должны были сѣсть—отъ волненія ноги ихъ больше не держали. Когда-же они, наконецъ, вскрыли золотой ящикъ, у нихъ вырвался крикъ удивленія и восторга—они увидѣли серебряную дѣвочку и золотого мальчика.

Жена рыбака взяла ихъ на руки и вдругъ у нея—73-хъ лѣтней старухи, изъ грудей потекло молоко, которое младенцы и стали сосать. Въ это время отъ юрты стараго рыбака до самаго неба протянулась трехцвѣтная радуга. Видя это знаменіе, старикъ понялъ, что спасенные имъ дѣти необыкновенныя, и потому рѣшилъ скорѣе уходить и скрыть ихъ гдѣ-нибудь подальше.

Не долго собирались старики и пустились въ далекій путь. Долго шли они. Гдѣ-бы они ни останавливались на ночлегъ, имъ съ неба спускался и домъ и лучшая ѣда. Наконецъ, они дошли до границы царства Буджинъ-Дава-хана. Перейдя ее, они остановились и рѣшили тутъ жить.

Мирно и тихо жили они, дѣти подросли и хорошѣли съ каждымъ годомъ. Прошло одиннадцать лѣтъ, дѣвочкѣ тогда уже

исполнилось тринадцать лѣтъ, а мальчику двѣнадцать (они были близнецы) *).

Въ этомъ году старуха умерла.

Черезъ нѣкоторое время старикъ, чувствуя себя плохо, призвалъ золотого мальчика и сказалъ ему: «Скоро я умру. Тѣло мое ты отнеси на гору и тамъ зарой. Послѣ этого приходи къ моей могилѣ три первыхъ утреннихъ зари и свисти».

Вскорѣ затѣмъ старикъ умеръ, и пріемный сынъ его въ точности исполнилъ его указанія. Когда на третье утро онъ свистнулъ, съ востока вдругъ появился чудный сѣрый конь, посѣдланый и нагруженный оружіемъ, доспѣхами и богатой одеждой. Обрадовался мальчикъ чудному подарку—вѣдь съ конемъ, оружіемъ и доспѣхами ему не были страшны никакіе враги. Но враговъ пока еще не было, и золотой мальчикъ занялся только охотой.

Благодаря своему оружію, онъ ежедневно приносилъ домой что-нибудь. То это были лучшіе куски мяса, то цѣнныя шкуры пушныхъ звѣрей, то дѣтеныши разныхъ дикихъ животныхъ, то красивыя перья птицъ — и все это онъ складывалъ у ногъ своей серебряной сестры. Такъ проходило время.

Однажды золотой царевичъ на охотѣ встрѣтилъ старика, у котораго борода была до колѣнъ, а усы до локтей. Сидѣлъ онъ на какой-то удивительной лошади. Это былъ Буджинъ-Дава-ханъ. Старикъ удивился, увидя его—кто-же могъ быть этотъ золотой мальчикъ? Но на вопросъ его, тотъ ничего не могъ отвѣтить. Тогда ханъ пригласилъ его къ себѣ въ гости, но мальчикъ отказался.

Вернувшись домой, ханъ загрустилъ. Ему вспомнилось, что его младшая жена, которую онъ велѣлъ зарыть живой, когда-то обѣщала подарить ему такого-же сына. Отчего она этого не исполнила, а дала ему двухъ какихъ-то щенятъ? И чѣмъ больше думалъ ханъ, тѣмъ тоскливѣе становилось у него на душѣ и тѣмъ меньше онъ находилъ отвѣта на свой вопросъ.

Но тоска хана встревожила его женъ—вѣдь онъ въ концѣ-концовъ могъ вызвать къ себѣ чудесныхъ дѣтей, и тогда все-бы, пожалуй, открылось. Старшая хатунъ Мани-Дара была шулма, и она взяла на себя

---

*) По исчисленію монголовъ, ребенокъ при рожденіи имѣетъ уже одинъ годъ. Если-же родились близнецы, то появившійся на свѣтъ первымъ имѣетъ въ первый же день уже 2 года; второй-же сохраняетъ свое обычное старшинство въ одинъ годъ.

устроить все дѣло. Поручивъ остальнымъ царицамъ занять хана, она обратилась въ старуху и отправилась къ серебряной дѣвочкѣ.

Царевна въ это время была одна. Сидя у окна, она глядѣла куда-то въ даль и мечтала. О чемъ она мечтала? О прекрасномъ царевичѣ, который-бы пріѣхалъ и взялъ ее въ жены, о богатствѣ и роскоши, о красивыхъ нарядахъ, которые-бы сдѣлали ее еще болѣе прекрасной, о томъ, какъ всѣ молодые царевичи и могучіе богатыри будутъ склоняться передъ ней?...

Но кто можетъ знать, о чемъ въ тишинѣ лѣса мечтаетъ молодая своевольная красавица, когда и сама она, пожалуй, не знаетъ, чего ей хочется...

Въ это время тихо подошла Мани-Дара и ласково заговорила съ ней. Царевна очнулась отъ своихъ мечтаній, но это не разсердило ее, наоборотъ, она рада была приходу человѣка. Вѣдь до сихъ поръ, кромѣ своихъ пріемныхъ родителей и брата, она никогда никого не видала. Поговоривъ о томъ, о другомъ, Мани-Дара, наконецъ, сказала:

— Вѣдь тебѣ скучно одной, прекрасная царевна! Твой братъ постоянно на охотѣ, и ты его почти и не видишь. Попроси его привезти одну только вѣтку дерева сайханъ-сагларъ, которое находится на востокъ. Эту вѣтку вамъ стоитъ будетъ только посадить — и отъ дерева, которое изъ нея вырастетъ, вы будете получать все, что вамъ надо, такъ что брату твоему уже не надо будетъ ходить на охоту. Если-же онъ все-таки будетъ уходить, тебѣ стоитъ только влѣзть на дерево и ты всегда его увидишь. Не правда-ли, это было-бы хорошо? Скажи ему объ этомъ, но не говори, что это я тебѣ посоветовала.

Странными показались дѣвицѣ слова старухи, и, когда та уже ушла, она долго еще думала о нихъ.

Но вотъ вернулся братъ и нашелъ ее задумчивой.

— Что съ тобой, сестра,—спросилъ онъ,—о чемъ ты задумалась?

— Ахъ, дорогой братъ,—отвѣтила она,—достань мнѣ вѣтку отъ де-сайханъ-сагларъ. Съ ней намъ будетъ такъ хорошо.

Золотой царевичъ не сталъ даже спрашивать, для чего ей эта вѣтка, а только сказалъ: «хорошо, завтра достану».

На слѣдующее утро, когда онъ сталъ сѣдлать коня, тотъ его спросилъ, куда онъ собирается ѣхать. Царевичъ рассказалъ о просьбѣ сестры.

— Не ѣзди туда,—пробовалъ его отговорить сѣрый конь,—я знаю это дерево, его стерегутъ три Мангытъ-Хая о 15, 25 и 35 головахъ. Не вернутся тебѣ живымъ оттуда.

Но царевичъ отвѣтилъ:

— Все равно, я обѣщаю достать, и поѣду. Лучше погибнуть, чѣмъ не исполнить обѣщанія.

Сѣрый конь послѣ этого подставилъ спину, царевичъ вскочилъ въ сѣдло, и они понеслись на востокъ.

Какъ вихрь летѣлъ конь и вдругъ остановился.

— Теперь уже близко,—сказалъ онъ,—возьми поводья въ лѣвую руку и зажмурь глаза, правой-же рукой хватай, что только въ нее попадетъ, можетъ-быть я пронесу тебя.

Царевичъ исполнилъ это, конь опять понесся. Вдругъ золотой царевичъ почувствовалъ что-то въ рукѣ и крѣпко сжалъ ее—оказалось, что онъ сорвалъ вѣтку чудеснаго дерева.

Мангытъ-Хаи бросились за нимъ, но догнать не могли, и одинъ изъ нихъ тогда бросилъ имъ вслѣдъ свою палку, кѣторой отсѣкъ сѣрому коню хвостъ. Все-же царевичъ былъ спасенъ и къ утру былъ дома.

Вечеромъ они посадили драгоцѣнную вѣтку около своего дома и утромъ увидѣли на ея мѣстѣ огромное дерево. Оно стало давать имъ все, что они только желали, а съ вѣтвей его царевна всегда могла видѣть своего брата.

Но о благополучіи ихъ узнала злая шулма Мани-Дара и, выбравъ время, когда брата опять не было, въ видѣ старухи пришла къ серебряной царевнѣ. На этотъ разъ царевна обрадовалась ей еще больше.

— Вотъ видишь, дитятко, какъ я хорошо посоветовала достать вѣтку чудеснаго дерева,—сказала шулма.—Но тебѣ все-таки скучно одной. Брату твоему надо жениться, тогда его жена всегда будетъ дома, и ты никогда не будешь одна. На востокѣ живетъ Дзанданъ-тенгиръ, его дочь Сайханъ-Саранъ была-бы самой подходящей женой для твоего брата.

Поговоривъ еще, шулма ушла.

Когда вернулся царевичъ, сестра стала его просить, чтобы онъ женился.

— Я слышала, что у Дзанданъ-тенгира дочь красавица,—говорила она,—пожалуйста, дорогой, привези ее и женись на ней.

— Хорошо,—только отвѣтилъ братъ,—завтра поѣду.

Когда на слѣдующее утро онъ сталъ сѣдлать своего коня и тотъ узналъ, куда его хозяинъ собирается ѣхать, онъ попытался его отговорить:

— Этого тебѣ не сдѣлать, только зря пропадешь. Намъ сначала придется проѣхать мимо трехъ Мангытъ-Хаевъ, потомъ черезъ лѣсъ, въ которомъ все живое обращается въ дерево, затѣмъ черезъ гору, на которой всякій человѣкъ каменѣетъ, и, наконецъ, черезъ огненное море. Не ѣзди, царевичъ, на вѣрную гибель.

Но ничего не могло измѣнить рѣшенія, которое онъ принялъ, и сѣрый конь, видя это, сказалъ:

— Хорошо-же, поѣдемъ, но только не надо легкомысленно пускаться въ такой опасный путь. Возьми два мѣшка сладостей, два мотка жилъ, двѣ иглы и крѣпкую нагайку.

Когда царевичъ захватилъ все это, они пустились въ путь.

Не доѣзжая до Мангытъ Хаевъ, конь сказалъ:

— Когда мы съ ними поровняемся, развяжи мѣшки и высыпь сладости.

Царевичъ такъ и сдѣлалъ, и Мангытъ-Хаи вмѣсто того, чтобы броситься на него, стали подбирать и ѣсть сладости и еще сказали:

— Счастливый путь тебѣ, добрый человѣкъ.

Все дальше и дальше ѣхалъ царевичъ и конь вдругъ остановился.

— Тутъ скоро начинается заколдованный лѣсъ,—сказалъ онъ,—натяни посильнѣе свой лукъ и пусти стрѣлу прямо въ него, я-же попробую проскочить слѣдомъ за стрѣлой.

Веѣми силами натянулъ царевичъ свой лукъ, и, когда пустил стрѣлу, сѣрый конь рванулся за ней и благополучно пронесъ своего господина черезъ заколдованный лѣсъ.

Сѣрый конь все мчался на востокъ и вдругъ опять сталъ—показалась гора.

— Теперь поправь все свое снаряженіе, подшей подпруги у сѣдла, а потомъ, когда сядешь, бей меня нагайкой изо всѣхъ силъ, сѣки меня до кости, и, можетъ быть, мнѣ удастся перескочить черезъ гору. Если-же не удастся, мы погибнемъ,—училъ онъ своего хозяина.

Царевичъ все это исполнилъ и вѣрный конь, какъ птица, перелетѣлъ черезъ гору.

Опять продолжали они мчаться на востокъ, и, наконецъ, конь въ третій разъ остановился и сказалъ:

— Теперь начнется огненное море. Его мнѣ не переплыть. Сначала ноги мои, а потомъ и весь я буду расплавляться въ огнѣ. Больше двухъ третей моря я не проплыву. Когда ты увидишь, что огонь дошелъ уже до стремени, изо всѣхъ силъ три раза крикни: Сайханъ-

Саранэ! Если она услышитъ и поможетъ намъ, мы спасемся, если не услышитъ, мы погибли. Теперь ты знаешь, что тебя ожидаетъ, и потому въ путь.

И они поѣхали. Скоро конь уже плыть по огненному морю. Вотъ расплавились копыта, вотъ онъ таетъ все больше и больше, а берега все еще не видно.

Наконецъ, раскаленная масса коснулась стремянъ. «Пора», подумалъ царевичъ и крикнулъ: «Сайханъ-Саранэ!» Но берегъ былъ далеко, отвѣта не было—вѣроятно, дочь тенгира не слыхала.

Во второй разъ царевичъ крикнулъ: «Сайханъ-Саранэ!!!»—и опять не было отвѣта.

Въ третій разъ позвалъ онъ, и казалось, что это крикнулъ не человекъ, а какое-то неземное существо—до того громко раздался призывъ: «Сайханъ-Саранэ!!!»

Сайханъ-Саранэ жила окруженная только женщинами, такъ какъ отецъ ея тщательно охранялъ ее отъ мужчинъ. Онъ зналъ, что до добра это ее не доведетъ. Чтобы никто изъ земныхъ людей не могъ къ ней проникнуть, онъ поставилъ трехъ Мангытъ-Хаевъ, заколдовалъ и лѣсъ и гору и окружилъ ея жилище огненнымъ моремъ.

Сайханъ-Саранэ была небесная жительница, но все-же женщина. Когда она услышала призывъ молодого царевича, сердце ея сильно-сильно забилося. Забывъ предупрежденія отца, она вскочила, схватила флаконъ съ жидкостью и приказала своей служанкѣ скорѣе бѣжать и вылить ее въ море. Та поспѣшила исполнить волю свой любимой госпожи, и только капли жидкости попали въ море, какъ пламя погасло—золотой царевичъ былъ спасенъ.

Когда онъ предсталъ передъ Сайханъ-Саранэ, и онъ и она сразу почувствовали другъ къ другу непреодолимое страстное влеченіе. Вѣдь дочь тенгира никогда еще не видала земного мужчину, а этотъ къ тому-же даже и между небесными духами могъ считаться красавцемъ. А онъ могъ-ли остаться равнодушнымъ при видѣ красоты Сайханъ-Саранэ? Развѣ могли ея чудные глаза, черные какъ смоль волосы и молодой гибкій станъ оставить его холоднымъ? И они бросились другъ другу въ объятія...

Прошло три дня сплошного праздника, три дня любви и упоенія.

Все это время Сайханъ-Саранэ прятала гостя отъ своего отца. Но такъ не могло продолжаться.. Тенгиръ могъ узнать, что земной мужчина

добрался до его дочери, и навѣрно убилъ-бы его. И Сайханъ-Саранэ рѣшилась бросить отца и послѣдовать за любимымъ человѣкомъ. Для этого она совершенно излѣчила сѣраго коня и даже приставила ему его хвостъ, который ей доставили Мангытъ-Хаи. Затѣмъ ночью, когда всѣ спали, царевичъ вскочилъ на коня, посадилъ ее поперекъ сѣдла, и они пустились въ путь. Когда замѣтили ихъ отсутствіе, они были уже далеко, и никакая погоня не была имъ страшна.

Проѣзжая около заколдованной горы, дочь тенгира дунула на нее, и всѣ камни обратились въ людей. Тутъ были и прекрасные царевичи, и знаменитые богатыри, и купцы, и простые люди. Всѣ они подошли къ Сайханъ-Саранэ и ея жениху и поклонились имъ, прося, чтобы они взяли ихъ въ свое подданство. Царевичъ согласился, и они послѣдовали за ними.

Около заколдованнаго лѣса Сайханъ-Саранэ опять дунула, и всѣ деревья обратились въ людей, которые также послѣдовали за ними.

Мимо Мангытъ-Хаевъ они проѣхали благополучно, потому что тѣ, узнавъ свою госпожу, только поклонились ей.

Вскорѣ затѣмъ они достигли своего дома, гдѣ ждала ихъ серебряная царица. Тихо и мирно потекла ихъ жизнь.

Новые подданные золотого царевича расселились вокругъ него и образовали сильное государство. Серебряная царица скоро вышла замужъ за знатнаго богатыря, который выдѣлялся изъ своихъ товарищей умомъ, силой, красотой и нѣжной преданностью своей новой госпожѣ.

Однажды золотой царевичъ опять поѣхалъ на охоту и встрѣтилъ Буджинъ-Дава-хана, который опять пригласилъ его къ себѣ въ гости. Царевичъ не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ, но, вернувшись домой, рассказалъ объ этой встрѣчѣ женѣ.

— Къ нему еще не ѣзди,—посоветовала Сайханъ-Саранэ,—но поѣзжай въ его царство и отыщи на перекресткѣ 3-хъ дорогъ старую могилу. Разрой ее, и ты найдешь человѣчьи кости вмѣстѣ съ собачьими. Собачьи оставь, а человѣчьи привези сюда.

Царевичъ въ точности исполнилъ ея указанія и привезъ кости. Сайханъ-Саранэ сложила ихъ въ порядкѣ и махнула надъ ними хадакомъ *)—кости срослись. Махнула второй разъ, и кости покрылись мясомъ

---

*) Хадакъ—шарфъ изъ шелка, служить приношеніемъ.

и кожей. Въ третій разъ—и въ тѣло вошла душа хатунъ, младшей жены Буджинъ-Дава-хана.

Какъ отъ долгаго сна поднялась она и была такъ-же молода, такъ-же свѣжа и прекрасна, какъ и раньше. Съ удивленіемъ оглянулась она по сторонамъ, но въ это время Сайханъ-Саранъ подвела ей ея двухъ дѣтей. Какъ только хатунъ увидѣла ихъ, разразилась гроза, а изъ груди ея потекло молоко, которое ея дѣти бросились пить *). Счастье матери при видѣ своихъ дѣтей нельзя описать.

Однажды золотой царевичъ встрѣтилъ снова своего отца, и старый ханъ опять сталъ звать его къ себѣ и опять получилъ уклончивый отвѣтъ. Но на этотъ разъ Сайханъ-Саранъ посовѣтовала мужу ѣхать и научила его, что дѣлать и говорить въ гостяхъ.

Взявъ свиту въ 500 человекъ, золотой царевичъ поѣхалъ. Старый ханъ былъ страшно обрадованъ гостямъ и задалъ въ ихъ честь небывалый пиръ. Нѣсколько дней гуляли они, какъ однажды ханъ вспомнилъ, что у лошадей его гостей, пожалуй, нѣтъ больше сѣна, и велѣлъ Цокъ-Гырылу позаботиться объ этомъ. Но золотой царевичъ замѣтилъ на это, что его кони сѣна не ѣдятъ, и просилъ дать имъ по мѣшку камней. Всѣ были поражены странными словами. Цокъ-Гырылъ не выдержалъ и сказалъ:

— Да развѣ возможно, чтобы лошади ѣли камни?

— А развѣ возможно, чтобы отъ человѣка родились собаки?—отвѣтилъ царевичъ, и послѣ этихъ словъ и онъ и вся его свита немедленно уѣхали домой.

Буджинъ-Дава-ханъ также приказалъ сѣдлать коней и поѣхалъ слѣдомъ за нимъ. Когда-же онъ пріѣхалъ и увидѣлъ свою младшую хатунъ, онъ все понялъ. Со слезами на глазахъ сталъ онъ у нея просить прощенья, и молодая царица, столь-же добрая, какъ и прекрасная, съ радостью простила его.

Теперь надо было наказать виновныхъ, и Буджинъ-Дава приказалъ казнить Цокъ-Гырыла и всѣхъ 502 царицъ. Но Сайханъ-Саранъ упросила хана отдать ей всѣхъ приговоренныхъ; когда-же ихъ привели, она взяла горсть золы, дунула на нее и бросила на тушмыла и царицъ. Цокъ-Гырылъ обратился въ кабана, а всѣ хатунъ въ дикихъ свиней—и съ хрюканіемъ все стадо убѣжало въ лѣсъ.

---

*) По понятіямъ монголовъ, грѣхъ, если мать совершенно не кормитъ своего ребенка.

Послѣ этого дали большой пиръ, пили и ѣли много дней подрядъ и во время него Буджинъ-Дава показалъ, что онъ еще не старъ, несмотря на свою сѣдую голову. Это-же узнала и прекрасная хатунъ, которая убѣдилась, что ея старый мужъ способенъ еще на сильныя чувства.

Г. Карашаръ. Монг. Торгоутъ.

Сказка о происхожденіи Большой Медвѣдицы.

Жили однажды три брата. Два младшихъ были лѣнтяи и только кутили, пока старшій работалъ. Хотя братъ никогда и не укорялъ ихъ въ безпутной жизни, имъ все-таки было неловко передъ нимъ, да и завидно, что онъ пользуется всеобщимъ почетомъ. И они рѣшили погубить его. Узнавъ, что на одной горѣ водятся страшные звѣри, они уговорили его пойти туда, такъ какъ тамъ, по ихъ словамъ, можно-бы было сразу разбогатѣть. Ничего не подозрѣвая, старшій братъ пошелъ, но видно его хранили небеса, потому что онъ не встрѣтилъ ни одного звѣря. Не найдя также богатствъ, онъ задумался и понялъ наконецъ, что братья хотѣли его гибели. Тогда онъ рѣшилъ больше не возвращаться домой, а пойти искать по свѣту добрыхъ людей. И вотъ онъ пошелъ, куда глаза глядятъ.

Вскорѣ онъ увидѣлъ человѣка, который лежалъ, приложивъ ухо къ землѣ, и будто къ чему-то прислушивался.

— Что это ты слушаешь?—спросилъ онъ его.

— Да вотъ слушаю, что подъ землей говорятъ грѣшники. Очень интересно,—отвѣтилъ тотъ.

Поговорили еще и пошли дальше уже вмѣстѣ, условившись дѣлить и радости и горе.

Немного дальше они увидѣли человѣка, который пасъ дзереновъ (антилопъ). Старшій братъ спросилъ его, какимъ образомъ стадо у него не разбѣгается, и человѣкъ отвѣтилъ:

— Ну, отъ меня не убѣгутъ, я ихъ всегда могу догнать.

Тогда ему предложили вступить въ компанію, и онъ согласился.

Еще дальше 3 товарища увидѣли человѣка, который, лежа на спинѣ, смотрѣлъ на небо. Спрошенный о томъ, что онъ ищетъ на небѣ, этотъ человѣкъ отвѣтилъ, что онъ пустилъ въ небо стрѣлу и теперь ждетъ ея возвращенія вмѣстѣ съ нѣсколькими звѣздами. И дѣйствительно, когда

черезъ нѣкоторое время стрѣла упала на землю, на нее было нанизано нѣсколько звѣздъ. Товарищи предложили ему вступить въ компанію къ нимъ. Онъ согласился, и дальше они пошли вчетверомъ.

Въ первомъ лѣсу они увидѣли человѣка, который изъ-подъ самки ворона вынималъ яйца и клалъ ихъ опять обратно безъ того, чтобы птица это замѣтила.

— Что ты дѣлаешь?—спросили его друзья.

— Видите-ли,—отвѣчалъ тотъ,—я воръ. Уже отецъ мой могъ все украсть, но только одного не могъ—стащить у самки ворона ея яйца. Я же теперь добился и этого.

Друзья сочли необходимымъ имѣть товарищемъ такого рѣдкаго знатока столь важнаго дѣла и предложили ему примкнуть къ нимъ, на что воръ охотно согласился.

Еще дальше друзья увидѣли человѣка, который громоздилъ гору на гору—оказалось, что онъ только пробуетъ свою силу. И онъ присоединился къ компаніи. А еще дальше они взяли къ себѣ человѣка, который могъ проглотить цѣлое море и выплюнуть его обратно, продержавъ въ себѣ хотя-бы нѣсколько дней.

Тогда они рѣшили выбрать себѣ начальника, и имъ сталъ тотъ, который ихъ всѣхъ собралъ—старшій изъ трехъ братьевъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Начальникъ товарищей узналъ, что его братья стали ханами, и захотѣлъ ихъ повидать. Вся компанія пустилась въ путь. Не доходя до столицы хановъ, человѣкъ съ тонкимъ слухомъ легъ и сталъ слушать, о чемъ они говорятъ. Оказалось, что они были очень встревожены приближеніемъ брата. Не принять его они не смѣли, а потому рѣшили его отравить. Чтобы не спутать ядовитое вино съ хорошимъ, они отравленное вино поставили съ правой стороны парадной юрты. Когда объ ихъ замыслѣ узналъ ихъ братъ, онъ приказалъ своему товарищу-вору ночью переставить вино, и тотъ это исполнилъ такъ, что никто не замѣтилъ подмѣны.

На слѣдующій день всѣ семь товарищей пришли къ ханамъ въ гости. Тѣ приняли ихъ страшно любезно и стали угощать виномъ. Никто не отказался, и всѣ, хозяева и гости, пили его, но только разное. И вдругъ у обоихъ хановъ сдѣлались судороги, и вскорѣ одинъ изъ нихъ умеръ, другого-же кое-какъ спасли.

Черезъ нѣсколько дней ханъ, который уже поправился, предложилъ гостямъ принять участіе въ разныхъ состязаніяхъ. Этимъ онъ хотѣлъ узнать ихъ силу.

Сначала устроили борьбу. Ханъ выставилъ борца страшной силы, но что могъ онъ подѣлать противъ того, кто ворочалъ горы? Потомъ устроили бѣга. Ханъ пустилъ 700 своихъ лучшихъ коней, но всѣ они остались далеко сзади прибѣжавшаго первымъ человѣка, который раньше пасъ дзереновъ.

Тогда ханъ рѣшилъ извести своего брата иначе. Для него и его товарищей онъ построилъ дворецъ, весь подвалъ котораго былъ наполненъ порохомъ. Затѣмъ устроилъ большой пиръ, послѣ котораго, когда ханъ удалится, должны были взорвать весь дворецъ. Но объ этомъ узналъ человѣкъ съ тонкимъ слухомъ и какъ только ханъ ушелъ, тотъ изъ товарищей, который могъ вмѣстить въ себѣ массу воды, выплюнулъ ее въ подвалъ и затопилъ весь порохъ. Но это покушеніе вывело друзей изъ терпѣнія, и, по приказанію своего начальника, стрѣлокъ въ одно мгновеніе перебилъ всѣхъ людей этого царства, въ томъ числѣ и хана.

Послѣ этого семеро товарищей удалились на большую гору, гдѣ построили монастырь. Тутъ, вдали отъ злыхъ людей, начальникъ обучилъ ихъ всѣмъ наукамъ. Когда они научились даже летать, они оставили нашу землю и улетѣли на небо, гдѣ образовали семь звѣздъ Большой Медвѣдицы.

Въ то время было очень холодно, такъ какъ въ созвѣздіи Мичить (Плеяды) было шесть звѣздъ. Товарищи отобрали у нихъ одну звѣзду, и съ тѣхъ поръ стало гораздо теплѣе на землѣ.

Звѣзда, которую они взяли, и есть та маленькая, которая находится около второй звѣзды хвоста Большой Медвѣдицы.

Дунсурунь. Монг. Халха.

Сказка объ Онохоръ-Турлектѣ ханѣ.

Жилъ-былъ однажды царь Онохоръ-Турлектѣ. Царство его было велико и богато. Никогда въ немъ не было зимы, люди никогда не умирали, а оставались вѣчно молодыми, потому что у хана было 500 докторовъ, которые не только излѣчивали всѣ болѣзни, но умѣли сохранять молодость и даже воскрешать людей, если они успѣвали умереть до пріѣзда врача.

Въ благодатной странѣ всегда была весна, всегда все цвѣло, всегда пѣли чудныя птицы. Еще въ ней была чудесная гора Очиръ-Хылбырь-Ула, которая приносила людямъ счастье и покой.

Жизнь подданных Онохорь-Турлектэ-хана была сплошнымъ праздникомъ—пѣніе, музыка, пляска и очень много любви, потому что женщины и дѣвушки въ этой странѣ всѣ были прекрасны, какъ лучи весенняго солнца, и имѣли жаркую страстную кровь. Дѣвушки-же кромѣ того часто не прочь были пошутить и пошалить съ молодыми людьми. Всѣ жили счастливо и мирно, потому что безопасность всего государства охраняли 500 богатырей, которымъ не страшно было никакое войско.

Онохорь-Турлектэ былъ женатъ на царицѣ Буинь-Гырыль. Даже въ этомъ царствѣ красоты, любви и доброты она была первая во всѣхъ отношеніяхъ. Ханъ отъ нея души не чаялъ, она-же была счастлива, что подарила ему двухъ дѣтей—мальчика Уйчихытъ-Хань-Хобунъ и дѣвочку Эрдени-Абха-Хухынъ-Цицикть.

Это счастье вызвало зависть шульмъ, и 500 изъ нихъ собрались, чтобы обсудить, какимъ образомъ можно въ эту благодатную страну внести горе и страданіе. Долго совѣщались онѣ и ни къ чему не могли прійти. Наконецъ встала самая младшая изъ нихъ и сказала:

— Я знаю средство. Во-первыхъ, надо удалить хатунъ Буинь-Гырыль. Мнѣ кажется, что лучше всего будетъ накинуть на нее одну изъ нашихъ невидимыхъ удавокъ. Когда она умретъ, хану станетъ скучно, и онъ навѣрно опять женится. Вѣдь вы знаете, что я въ обыкновенное время живу на землѣ и по красотѣ со мной можетъ поспорить только хатунъ. Когда-же ея больше не станетъ, ханъ, очевидно, возьметъ меня въ жены. Ну, а разъ я буду царицей, можете быть увѣренными, что черезъ нѣсколько лѣтъ вся страна будетъ разорена. Предоставьте мнѣ это дѣло, и я ручаюсь за успѣхъ.

Шульмы были въ восторгѣ отъ ея предложенія и поручили ей привести его въ исполненіе.

Вскорѣ послѣ этого совѣщанія Буинь-Гырыль какъ-то гуляла у себя въ саду. Вдругъ она почувствовала, будто что-то обвилось вокругъ ея шеи и стало ее душить. Хатунъ не могла понять, что это значить, такъ какъ удушье продолжало усиливаться даже тогда, когда она разстегнула воротникъ. Тогда она вернулась домой, и было призвано 250 докторовъ, но никто изъ нихъ не могъ понять болѣзни. Между тѣмъ Буинь-Гырыль дѣлалось все хуже и хуже, и на третій день стало ясно, что ей не остаться въ живыхъ. Тогда она созвала всѣхъ служащихъ хана и сказала имъ:

— Помните, что я жестоко отомщу тому изъ васъ, кто посмѣетъ обидѣть моихъ дѣтей.

Къ вечеру она умерла.

Онохоръ-Турлектэ былъ безутѣшенъ—вѣдь онъ страстно любилъ свою красавицу-жену. Нѣсколько мѣсяцевъ ходилъ онъ, какъ помѣшанный, и если-бы не его вѣрный старый тушмылъ Буинъ-Аилга, онъ навѣрно сошелъ бы съ ума или наложилъ-бы на себя руки.

Но время дѣлаетъ много, успокоился и ханъ. Постепенно онъ опять сталъ заниматься государственными дѣлами, но они у него шли какъ-то плохо, и онъ почувствовалъ, что ему не хватаетъ близкаго человѣка, который-бы ему помогалъ въ нихъ. Тогда онъ рѣшилъ снова жениться.

Призвавъ своего друга, тушмыла Буинъ-Аилга, онъ велѣлъ ему объѣхать всю страну и найти дѣвушку, которая-бы по своей красотѣ и доброму сердцу могла сдѣлаться достойной замѣстительницей Буинъ-Гырыль. Въ товарищи къ старому тышмылу онъ назначилъ одного изъ своихъ служащихъ по имени Сонинъ-Ергачи.

Буинъ-Аилга поклонился хану и поѣхалъ. Семь дней ѣздилъ онъ по царству вмѣстѣ со своимъ товарищемъ и не нашелъ ни одной дѣвушки, которая могла-бы стать царицей. Много видѣли они красавицъ, но тѣмъ и труденъ былъ выборъ, что всѣ были красивы и добры. Для хана нужна была жена, которая-бы выдѣлялась своей красотой даже отъ красавицъ и добротой даже отъ бесконечно добрыхъ.

Вдругъ Сонинъ-Ергачи вспомнилъ о дочери ханскаго скотника, которая была необыкновенно красива, и предложилъ Буинъ-Аилга поѣхать посмотреть ее.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ,—я даже не хочу ее видѣть. Не можетъ отъ скотника родиться что-нибудь порядочное, она навѣрно шулма.

Но Сонинъ-Ергачи очень хотѣлось отличиться передъ ханомъ, и потому, не слушая стараго тушмыла, онъ поѣхалъ къ скотнику. Увидѣвъ его дочь, онъ пришелъ въ полный восторгъ и поспѣшилъ вернуться къ Буинъ-Аилга, *чтобы затѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ хану. Но тотъ и на этотъ разъ отказался.*

— Не хочу я губить нашего добраго хапа, лучше, чтобы онъ остался вдовцомъ, чѣмъ женился-бы на такой низкой женщинѣ,—отвѣтилъ онъ и тихо поѣхалъ дальше. И опять Сонинъ-Ергачи не послушался его и поспѣшилъ впередъ, чтобы еще до его приѣзда рассказать хану о необыкновенной красавицѣ.

Когда онъ предсталъ передъ Онохоръ-Турлектэ и тотъ его спросилъ, какъ онъ справился съ даннымъ ему порученіемъ, онъ отъ волненія съ трудомъ могъ рассказать о дочери скотника.

— Никогда еще я не видалъ такой красоты,—сказалъ онъ,—даже наша прекрасная хатунъ Буинъ-Гырылъ не могла-бы сравниться съ ней. Съ чѣмъ ее сравнить, не знаю—видъ ея жжетъ, какъ солнечный лучъ, ласкаетъ, какъ тихое сіяніе луны, голосъ ея нѣженъ и мелодиченъ, какъ пѣніе лѣсныхъ птичекъ, она стройна, какъ молодая сосна, а кожа ея до того тонка и нѣжна, что кажется, будто ее всю насквозь видно. А сердце, развѣ можетъ таиться хоть какая-нибудь злая мысль въ такомъ чудномъ тѣлѣ? Ты только посмотри на нее, великій ханъ, и ты согласишься со мной, что только она и больше ни одна дѣвушка или женщина въ мірѣ достойна стать твоей женой.

Восторгъ Сонинъ-Ергачи подѣйствовалъ на хана, и когда пріѣхалъ старый тупмыль и доложилъ, что подходящей невѣсты для него не нашлось, онъ спросилъ его:

— Какъ-же это ты не сумѣлъ найти, когда Сонинъ-Ергачи отыскалъ дѣвушку, которая по красотѣ равняется, если не превосходитъ нашу покойную Буинъ-Гырылъ?

— Что она красива,—отвѣтилъ Буинъ-Аилга,—я знаю. Она, пожалуй, даже красивѣе нашей доброй Буинъ-Гырылъ, но она дочь скотника. Я уже справлялся о ней и узналъ, что она шулма, которая приняла образъ красавицы, чтобы погубить и тебя и все твое царство. Берегись ея, ханъ, женись на комъ хочешь, но только не на ней.

Но Онохоръ-Турлектэ не повѣрилъ словамъ стараго тупмыля, и только посмѣялся надъ нимъ:

— Ты становишься уже старъ, мой другъ, теперь ты уже не можешь отличить обыкновенной женщины отъ шулмы. Раньше ты хорошо служилъ мнѣ, но теперь, видно, уже плохо соображаешь. Иди-же домой, старикъ, и отдыхай, твои услуги мнѣ больше не нужны.

Тяжело было Буинъ-Аилга слышать эти слова, но онъ на нихъ ничего не отвѣтилъ и тихо побрелъ домой.

Ханъ-же велѣлъ разукрасить бѣлаго слона, возсѣлъ на него и въ сопровожденіи большой свиты поѣхалъ къ скотнику.

При приближеніи его отецъ красавицы-шулмы совершенно растерялся, но дочь его сказала ему:

— Нашъ ханъ дѣлаетъ тебѣ великую честь. Я понравилась ему, и онъ хочетъ на мнѣ жениться. Иди-же встрѣчать его и вынеси все, что можешь ему предложить.

Скотникъ послушался ее и встрѣтилъ своего повелителя съ молокомъ и кумысомъ. Онохоръ-Турлектэ ласково поблагодарилъ его и поже-

лалъ видѣть его дочь, которая тѣмъ временемъ охорашивалась, чтобы произвести на него возможно болѣе сильное впечатлѣніе. Когда-же она предстала передъ нимъ, ханъ сразу увидѣлъ, что она дѣйствительно шулма и что старый тушмылъ былъ правъ. Но она была такъ прекрасна, такъ мила въ своемъ простенькомъ, но чистомъ платьѣ, она такъ скромно стояла передъ своимъ господиномъ, что онъ не устоялъ и объявилъ ей о великой чести, которую дѣлаетъ ей—береть ее себѣ въ жены.

Черезъ нѣсколько дней сыграли и свадьбу, во время которой дочь скотника держала себя съ такимъ достоинствомъ, что ханъ совершенно забылъ, кто она. Послѣ свадьбы жизнь пошла своимъ чередомъ. Новая хатунъ держала себя по отношенію къ Онохоръ-Турлектѣ нѣжной, любящей женой, а по отношенію къ подданнымъ—доброй царицей. Ханъ былъ безконечно счастливъ и на мѣсто уволеннаго въ отставку Буинъ-Аилга назначилъ тушмыломъ Сонинъ-Ергачи.

Но старый тушмылъ отлично зналъ настоящій характеръ новой хатунъ и потому еще до ея появленія во дворцѣ взялъ дѣтей хана къ себѣ и помѣстилъ ихъ въ уединенномъ домѣ, гдѣ жилъ и самъ.

Три мѣсяца все шло хорошо. Ханъ, влюбленный въ жену, вовсе не интересовался своими дѣтьми, она-же думала, что они совершенно покинули страну.

Но вотъ однажды царица увидѣла ихъ и, какъ шулма, конечно, узнала. «Плохо мнѣ будетъ», подумала она: «если эти дѣти останутся живыми. Правда, страну я все-таки погублю, но зато когда они вырастутъ, они отомстятъ мнѣ. Надо ихъ убить».

Вернувшись съ этими мыслями домой, она представилась больной и очень страдающей. Ханъ былъ очень встревоженъ ея болѣзнью и призвалъ 250 изъ своихъ докторовъ, но ни одинъ не могъ даже понять ея болѣзни, и нѣкоторые даже рискнули сказать, что хатунъ совсѣмъ здорова. Онохоръ-Турлектѣ разсвирѣпѣлъ и сталъ рубить докторовъ. Только убивъ многихъ изъ нихъ, онъ немного успокоился. Между тѣмъ хатунъ продолжала стонать и метаться въ постели. Наконецъ, она какъ-будто немного успокоилась и сказала:

— Не наказывай ни въ чемъ неповинныхъ докторовъ, мой дорогой мужъ и повелитель. Имъ не помочь моей болѣзни. На меня наслали порчу, и я могу поправиться только когда мнѣ дадутъ съѣсть сердца и легкія твоихъ дѣтей. Но я не хочу убить ихъ и потому умру. Прощай-же, мой дорогой!

Но Онохорь-Турлектэ былъ уже до того влюбленъ въ нее, что не задумался для ея спасенія пожертвовать собственными дѣтьми. Немедленно же онъ призвалъ Сонинъ-Ергачи и приказалъ ему убить Уйчихытъ-Хобуна и Эрдени-Цициктъ, сердца-же ихъ и легкія принести во дворецъ.

Тяжело было Сонинъ-Ергачи, но онъ не смѣлъ ослушаться или хотя-бы возражать хану. Придя къ Буинъ-Аилга, онъ передалъ ему царское приказаніе и сказалъ:

— Не хотѣлось-бы мнѣ губить молодыя жизни, но ослушаться я не смѣю. Ты уже старъ, Буинъ-Аилга, и много знаешь. Посовѣтуй, какъ выйти изъ этого положенія.

Старый тушмыль подумалъ и сказалъ:

— Есть, можетъ быть, способъ, но онъ можетъ оказаться гибельнымъ для тебя, если хатунъ замѣтитъ обманъ. Рѣшай-же самъ, какъ дѣлать—убить-ли дѣтей, или вмѣсто ихъ сердца и легкихъ отнести царицѣ внутренности двухъ щенятъ.

Сонинъ-Ергачи съ радостью принялъ этотъ исходъ и, убивъ двухъ щенятъ, отнесъ ихъ сердца и легкія во дворецъ.

Хатунъ велѣла сварить ихъ и, какъ только съѣла этотъ супъ, объявила себя здоровой. Ханъ былъ въ восторгѣ. Онъ уже до того былъ подъ вліяніемъ своей жены, что нисколько даже не жалѣлъ своихъ дѣтей и съ радости, что любимая хатунъ опять здорова, богато наградила Сонинъ-Ергачи.

Прошло нѣсколько дней.

Хатунъ поѣхала въ городъ и около дома Буинъ-Аилга опять увидѣла дѣтей, тѣхъ самыхъ, чьи сердца она будто-бы недавно съѣла. Страшная злость взяла ее, но сама убить ихъ она не смѣла и потому, вернувшись домой, опять представилась больной. Опять были созваны докторы, опять они не сумѣли опредѣлить болѣзни, и опять ханъ сталъ ихъ рубить.

Тогда хатунъ слабымъ голосомъ, будто уже умирая, сказала:

— Не убивай ихъ, мой дорогой ханъ, они не могутъ мнѣ помочь, такъ какъ я должна умереть. Было средство меня спасти, но оно было жестоко, и ты былъ правъ, что не погубилъ невинныхъ младенцевъ ради меня. Вѣдь Сонинъ-Ергачи принесъ мнѣ внутренности двухъ собакъ. Конечно, онъ сдѣлалъ это по твоему приказанію, и онъ былъ правъ. Лучше пусть погибну я одна, чѣмъ двѣ молодыя жизни. Прощай, мой царь, мой дорогой мужъ, даже и послѣ смерти я не забуду всего, что ты сдѣлалъ для меня.

Затѣмъ молодая хатунъ еще болѣе ослабѣла, и казалось, что каждую минуту душа можетъ вылетѣть изъ этого чуднаго тѣла.

Внѣ себя отъ безпокойства за жизнь любимой жены, Онохоръ-Турлектъ велѣлъ второму своему тушмылу Дзамба-Ергачи убить дѣтей и принести ихъ внутренности.

Дзамба-Ергачи пришелъ къ Буинъ-Аилга и передалъ ему приказаніе хана.

— Дѣлай, какъ знаешь,—отвѣтилъ ему старый тушмылъ.

Въ эту минуту вышли дѣти, и дѣвочка сказала:

— Если тебѣ приказано насъ убить, прошу тебя, дѣлай это скорѣе.

И съ этими словами она легла. Братъ послѣдовалъ ея примѣру.

Дзамба-Ергачи отточилъ ножъ и уже занесъ его надъ дѣтьми, какъ вдругъ появилась черная туча, изъ которой была видна грудь женщины и раздался голосъ Буинъ-Гырыль: «Горе тому, кто обидитъ моихъ дѣтей».

Въ ужасѣ Дзамба-Ергачи отшатнулся и выронилъ ножъ. Со слезами на глазахъ бросился онъ на колѣни и умолялъ ихъ и Буинъ-Аилга помочь ему.

— Попробуй сдѣлать то-же самое, что сдѣлалъ Сонинъ-Ергачи. Можетъ быть твой обманъ не обнаружится,—посоветовалъ старикъ, и Дзамба-Ергачи такъ и сдѣлалъ.

Хатунъ опять съѣла собачьи внутренности и, увѣренная на этотъ разъ, что дѣти погибли, снова выздоровѣла.

Послѣ прихода Дзамба-Ергачи, старый тушмылъ не сталъ больше терять времени. Онъ зарѣзалъ быка и барана, высушилъ ихъ мясо, истолокъ его въ порошокъ и всыпалъ въ два мѣшочка. Когда это было готово, онъ взялъ Эрдени-Абха-Хухынъ, которой въ то время было шесть лѣтъ, и Уйчихытъ-Хана-Хобунъ, которому было пять лѣтъ и отвелъ ихъ на гору Очиръ-Хылбыръ-Ула. Здѣсь онъ сначала сотворилъ молитву, а затѣмъ сказалъ:

— Дѣти мои, я уже старъ и не могу идти съ вами. Трудно вамъ будетъ, но здѣсь остаться вы не можете. Идите не останавливаясь прямо на востокъ. Черезъ три года вы дойдете до святого человѣка—Цокъ-Цаганъ-Хутухты. Онъ васъ не оставитъ.

Затѣмъ онъ связалъ ихъ кушаки и велѣлъ всегда держаться за ихъ концы, чтобы не потерять другъ друга, далъ имъ сушеное мясо и, простившись съ ними, пошелъ домой. Дѣти-же, слѣдуя его указаніямъ, начали свое тяжелое и продолжительное путешествіе на востокъ.

Шли они, всегда держась другъ за друга, ночевали подъ открытымъ небомъ, питаясь только сушенымъ мясомъ. Утромъ чуть свѣтъ они уже были на ногахъ и, напившись ключевой воды, снова продолжали идти на востокъ.

Уже два года шли они. Запасъ сушеннаго мяса сталъ приходить къ концу, но они все шли и шли. Наконецъ, мясо все было съѣдено, но они продолжали идти. Вечеромъ они дошли до мѣста, гдѣ раньше жили какіе-то пастухи и тутъ нашли старыя кости. Они взяли ихъ съ собой и наваромъ, который получили отъ нихъ, питались семь дней. Но кончились и кости, а они все шли и шли.

Наконецъ, они совершенно ослабѣли отъ голода. Тогда они стали звать свою мать, и вдругъ съ неба къ нимъ упала масса всякой ѣды. Подкрѣпивъ свои силы и взявъ провизіи на дальнѣйшую дорогу, они опять пошли дальше.

Уже около трехъ лѣтъ были они въ пути, когда мальчикъ заболѣлъ. Нѣсколько дней шелъ онъ, но наконецъ легъ и просилъ сестру оставить его и дать ему покойно умереть.

Дѣвочка не знала, что дѣлать, но вдругъ увидѣла на востокѣ какое-то сіяніе. Понявъ, что это и есть жилище святого хутухты, къ которому они шли, она дала брату косточку, чтобы онъ могъ играть, и побѣждала впереди. Вдругъ она увидѣла двухъ свирѣпыхъ собакъ и очень испугалась ихъ. Но собаки подбѣжали къ ней, поласкались, а затѣмъ, схвативъ ее, понесли на востокъ къ хутухтѣ. Когда они донесли ее, силы окончательно покинули ее, и она только успѣла сказать: «тамъ сзади умираетъ братъ, спасите его...» и умерла.

Хутухта немедленно велѣлъ своимъ собакамъ принести царевича, который къ тому времени уже умеръ. Когда его принесли, святой окропилъ и его и его сестру живой водой, и они встали совершенно здоровыми.

Воскрешенныхъ имъ дѣтей хутухта принялъ, какъ своихъ. Мирно и счастливо жили они у него.

Когда Эрденъ-Хутынъ исполнилось тринадцать, а Уйчихытъ-хану двѣнадцать лѣтъ, онъ выдалъ царевну замужъ за своего племянника, а царевича женилъ на племянницѣ. Молодые не знали, какъ благодарить добраго хутухту, потому что во время своего дѣтства они успѣли узнать и полюбить другъ друга.

Прошло еще три года, и Уйчихытъ-Хобуномъ овладѣла какая-то непонятная тоска. Сначала онъ пытался разсѣять ее охотой и разными играми, но ничего не помогало. Замѣтила эту тоску и молодая жена его

и пыталась какъ-нибудь развлечь или направить его мысли на что-нибудь другое, но безуспѣшно. По цѣлымъ часамъ просиживалъ царевичъ на крышѣ своего дома и глядѣлъ въ даль, на западъ. Отчего онъ смотрѣлъ именно туда, онъ и самъ не зналъ.

Однажды, когда онъ по обыкновенію мечталъ, жена пристала къ нему съ разспросами, о чемъ онъ думаетъ. Долго онъ ничего не отвѣчалъ, но наконецъ сказалъ: «оставь меня въ покоѣ, не твое это дѣло». Но жена продолжала приставать, и онъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія, больно побилъ ее.

Вся въ слезахъ она пошла жаловаться на него своему дядѣ, но хутухта прогналъ ее, приказавъ прислать мужа.

Когда-же Уйчихыть-Хобунъ пришелъ, онъ сказалъ ему:

— Я знаю, отчего ты скучаешь: тебѣ пора ѣхать и освободить своего отца и его народъ отъ власти нечистой женщины. Поѣзжай-же!

Затѣмъ онъ далъ ему коня и саблю, научилъ молитвамъ и велѣлъ ѣхать съ закрытыми глазами до тѣхъ поръ, пока ему въ ухо не подуетъ вѣтеръ. Царевичъ не зналъ, какъ благодарить добраго хутухту. Попрощавшись съ нимъ, онъ пустился въ путь.

Долго онъ ѣхалъ съ закрытыми глазами, когда однажды почувствовалъ, что ему въ ухо дуетъ вѣтеръ. Одновременно съ этимъ онъ услышалъ голосъ, который говорилъ: «Неужели-же солнце стало вставать на сѣверѣ, или можетъ быть это сіяніе происходитъ отъ того, что вернулся домой Уйчихыть-Ханъ-Хобунъ?».

Царевичъ открылъ глаза и увидѣлъ стараго, уже совсѣмъ дряхлаго старика, у котораго сѣдая борода доходила до колѣнъ, а усы до локтей. Этотъ старикъ бросился къ царевичу и сталъ обнимать его дрожащими отъ старости и волненія руками. Старикъ этотъ былъ Буинъ-Аилга.

Первымъ дѣломъ Уйчихыть-Хобунъ спросилъ стараго тушмыла, въ какомъ положеніи находится Онохоръ-Турлектэ-ханъ и все его царство. Старикъ только грустно покачалъ головой.

Но наконецъ, собравшись съ силами, онъ началъ свой рассказъ:

— Отецъ твой, нашъ ханъ, еще живъ, если можно назвать жизнью его существованіе. Вскорѣ послѣ вашего ухода злая хатунъ совершенно перестала стѣсняться. Все, что было хорошаго въ нашей чудной странѣ, все погибло. Сначала казнили за разные пустяки всѣхъ нашихъ докторовъ, потомъ погибли и наши богатыри, которые всѣ влюбились въ хатунъ и изъ ревности перебили другъ друга. Чудныя птицы и тѣ не избѣгли

истребленія, такъ какъ по приказанію царицы ихъ всѣхъ перестрѣляли. Наконецъ, она объявила хана больнымъ и слишкомъ старымъ для управленія царствомъ и стала править единолично. Но что это было за правленіе! Бѣдный нашъ народъ, бѣдный нашъ ханъ! Зачѣмъ онъ не послушался меня, когда я совѣтовалъ ему не жениться на этой злой шулмѣ! Знаешь-ли ты, царевичъ, что она теперь дѣлаетъ? Ежедневно она убиваетъ по 500 человѣкъ и изъ ихъ сердца и легкихъ варитъ супъ, которымъ и кормитъ твоего отца. Вообще онъ весь день лежитъ безъ движенія, будто спитъ, и приходитъ въ себя только вечеромъ, когда хатунъ заставлятъ его ѣсть этотъ ужасный супъ. Отъ этой ѣды у него является очень много крови, а этого-то и нужно злой женщинѣ. Ночью она принимаетъ свой настоящій видъ, т. е. обращается въ безобразную женщину съ мѣдными губами и грудями, которыя до того велики, что ей приходится закидывать ихъ за плечи, и тогда высасываетъ кровь изъ твоего отца. Иногда Онохоръ-Турлектъ приходитъ въ себя на болѣе продолжительное время, и тогда онъ хочетъ освободиться отъ своей ненавистной жены; но что можетъ онъ сдѣлать, когда всѣ его вѣрные слуги погибли или прячутся въ лѣсахъ, а самъ онъ слабъ, какъ младенецъ? Поѣзжай, царевичъ, освободи отца и свою страну отъ этой ужасной женщины, поѣзжай скорѣе, потому что каждый день стоитъ 500 жизней.

Старикъ умолкъ и задумался.

Уйчихытъ-Хобунъ подошелъ къ нему, крѣпко обнялъ и поѣхалъ дальше со страстнымъ желаніемъ поскорѣе отомстить злой мачехѣ.

Въ столицу Уйчихытъ-ханъ пріѣхалъ въ то время, когда шулмы дома не было. Она въ это время рыскала по лѣсамъ и ущельямъ, ловя несчастныхъ людей, которыхъ убивала, чтобы добыть сердца и легкія.

Царевичъ прошелъ прямо во дворецъ, одѣлъ царское облаченіе, сѣлъ на тронъ и, махнувъ три раза саблей надъ огнемъ, сказалъ: «теперь все будетъ попрежнему». Въ это время очнулся и старый ханъ и сказалъ: «скоро царству будетъ покой». Затѣмъ онъ опять впалъ въ безсознательное состояніе. Тогда Уйчихытъ-Хобунъ вырылъ около его постели яму, въ которой и спрятался.

Вечеромъ пришла хатунъ. Разбудивъ хана, она заставила его сѣсть ужасный супъ. Какъ всегда, Онохоръ-Турлектъ пробовалъ отказать отъ обѣда, но что могъ онъ сдѣлать? Царица стала его бить, и онъ долженъ былъ подчиниться.

Когда-же онъ уснулъ, она приняла свой настоящій видъ—длинные, ужасныя мѣдныя губы, груди такія большія и отвислыя, что ихъ можно

было закинуть за плечи, и волосы длинные и растрепанные, среди которых сверкалъ одинъ чисто-золотой. Своими мѣдными губами она прильнула къ шеѣ хана и стала высасывать кровь. Царевичъ ясно видѣлъ, какъ заблестѣли ея глаза, съ какимъ удовольствіемъ, съ какимъ сладострастіемъ даже она сосала кровь, какъ желѣзные когти ея впились въ тѣло его несчастнаго отца. Она была до того отвратительна въ это время, что царевичъ даже плюнулъ. Онъ съ радостью тутъ-же убилъ-бы ее, но время еще не настало.

Когда она, наконецъ, напилась жаркой крови, она вновь приняла видъ хатунъ, и царевичъ не могъ не подивиться, какъ могло отвратительное существо, которое онъ только что видѣлъ, обратиться въ такую красавицу. Царица между тѣмъ раздѣлась и легла спать, и Уйчихытъ-Хобунъ невольно залюбовался ею. Она была до того прекрасна, до того казалось невѣроятнымъ, что она можетъ быть шулмой, что даже царевичъ, который видѣлъ ея превращеніе, сталъ колебаться.

Его вывелъ изъ этого состоянія стонъ, который издалъ старый ханъ. Тогда онъ вспомнилъ все зло, которое она принесла его отцу и всей странѣ, и рѣшительно вышелъ изъ своей засады.

Съ саблей въ рукѣ подошелъ онъ къ своей мачехѣ, которая, обнаженная и прекрасная, лежала, разметавшись въ постели. Отяжелѣвшая отъ выпитой крови, она не чувствовала приближенія царевича, онъ-же прочелъ молитву и съ одного удара разрубилъ ее пополамъ.

Хатунъ только успѣла открыть глаза и бросить на грознаго мстителя ужасный взглядъ, но сказать ничего не могла—святая молитва лишила ее силы. Черезъ нѣсколько мгновеній она умерла.

Тогда Уйчихытъ-ханъ сжегъ ея тѣло и пепелъ разбросалъ около норъ ядовитыхъ змѣй.

Потомъ онъ вышелъ въ лѣсъ и громкимъ голосомъ сталъ звать оставшихся въ живыхъ людей. Нѣсколько болѣе храбрыхъ вышли къ нему. Онъ разсказалъ имъ, что злая шулма погибла, и велѣлъ имъ собрать весь народъ. Когда-же все собрались и пришелъ также и Буинъ-Аилга, онъ объявилъ имъ, что поѣдетъ на западъ къ Цокъ-Цаганъ-Хутухтѣ и предложилъ всемъ идти вмѣстѣ съ нимъ. Народъ съ радостью согласился и, наскоро собравшись, пошелъ вслѣдъ за Буинъ-Аилга на западъ. Царевичъ-же, взявъ отца, поѣхалъ впередъ.

Однажды жена Уйчихытъ-хана увидѣла сонъ, что мужъ ея ѣдетъ назадъ, держа въ рукѣ завядшій цвѣтокъ, къ хвосту-же его лошади привязана гора Очиръ-Хылбыръ-Ула.

Проснувшись, она поспѣшила къ своей золовкѣ и рассказала ей свой сонъ. Эрдени-Абха страшно обрадовалась и бросилась ее обнимать:

— Ахъ, дорогая, развѣ ты не понимаешь, что завядшій цвѣтокъ— это отецъ, котораго нашъ Уйчихытъ везетъ домой, а гора, привязанная къ хвосту лошади, означаетъ, что весь народъ нашъ слѣдуетъ за нимъ.

И дѣйствительно, уже черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ царевичъ, а вскорѣ спустя пришелъ и весь народъ. Старый, старый тушмылъ велъ его. Когда онъ увидѣлъ Эрдени-Абха, онъ бросился передъ ней на колѣни и плакалъ и цѣловалъ ея руки.

Святой хутухта ласково принялъ всѣхъ и въ три недѣли совершенно вылѣчилъ стараго хана. Но послѣ всего пережитаго Онохоръ-Турлектэ больше не хотѣлъ царствовать и передалъ правленіе своему сыну.

При новомъ своемъ ханѣ всѣ зажили мирно и счастливо, и только старики иногда рассказывали внучатамъ о страшномъ времени самовластья злой шулмы.

Г. Карашаръ. Монг. Торгоутъ.

Сказка о трехъ братьяхъ.

Жилъ однажды бѣдный старикъ. У него было три молодыхъ здоровыхъ сына, но по бѣдности своей онъ не могъ дать имъ того образованія, которое-бы хотѣлъ.

Когда младшему исполнилось восемнадцать лѣтъ, отецъ почувствовалъ, что настало время помирать. Позвавъ тогда сыновей, онъ сказалъ имъ:

— Дѣти мои, я скоро умру. Оставить вамъ я ничего не могу, потому что ничего не имѣю. Но когда вы останетесь одни, идите куда-нибудь учиться. Чему-бы вы ни научились, вамъ отъ этого будетъ хорошо. Не откладывайте-же ученія, а какъ только я помру, приступайте къ работѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого старикъ умеръ. Братья похоронили его, срѣзали себѣ по палкѣ и пошли.

На перекресткѣ трехъ дорогъ они рѣшили разстаться. Здѣсь они обѣщали другъ другу вернуться на то-же мѣсто черезъ три года и ждать прибытія остальныхъ. Для того-же, чтобы первый вернувшійся зналъ о томъ, живы-ли остальные, всѣ воткнули свои палки въ землю около

перекрестка. Если-бы черезъ три года чья-нибудь палка засохла, это значило-бы, что хозяинъ ея погибъ. Если-же владѣлецъ палки достигъ чего-нибудь, она должна расцѣсти. Затѣмъ братья крѣпко обняли другъ друга и пошли въ разныя стороны искать знаній и счастья.

Старшій братъ пошелъ по средней дорогѣ, которая вела въ Тибетъ; средній пошелъ направо и добрался наконецъ до государства Балбынъ; младшій двинулся налѣво по дорогѣ въ Китай.

Прошло три года, и вотъ одновременно съ юга и запада къ перекрестку подошли старшій и средній братья. Младшаго-же все еще не было.

Поздоровавшись, братья первымъ дѣломъ подошли къ палкамъ, чтобы узнать, не случилось-ли съ ихъ младшимъ братомъ чего-нибудь сквернаго, но всѣ три палки пышно цвѣли. Тогда они построили себѣ шалашъ и стали ждать прибытія брата.

Наконецъ черезъ три мѣсяца пришелъ и онъ.

Когда первая радость встрѣчи немного улеглась, старшій изъ братьевъ просилъ каждаго рассказать, чему онъ научился, а потомъ и показать свое умѣніе на дѣлѣ.

— Я былъ въ странѣ Балбынъ,—сказалъ средній,—надо вамъ сказать, что тамъ удивительные мастера. Я поступилъ въ обученіе къ кузнецу, а потомъ, переходя отъ одного учителя къ другому, научился всѣмъ рѣшительно мастерствамъ. Если хотите знать, какъ я работаю, смотрите.

Съ этими словами онъ вынулъ ножъ и сталъ оттачивать его о голенище сапога, и вдругъ около перекрестка появилась кумирня съ золочеными крышами, съ бурханами и всѣми принадлежностями для богослуженія.

Братья похвалили его за такую работу, и началъ рассказывать старшій.

— Какъ вы уже знаете,—началъ онъ,—моя дорога вела въ Тибетъ. Долго мнѣ пришлось идти, но зато приняли меня очень хорошо. Я поступилъ ученикомъ въ одинъ изъ монастырей Лхасы и научился тамъ всему, что вообще есть въ книгахъ. Если хотите видѣть примѣръ того, что я знаю, извольте.

Взявъ тогда горсть земли, онъ прочелъ надъ ней особую молитву,—и вдругъ кумирня, построенная вторымъ братомъ, наполнилась ламами, которые, будто они и всегда тамъ были, начали церковную службу. Братья и ему выразили свое восхищеніе.

Теперь очередь дошла до младшаго, но показать своего умѣнія онъ или не могъ, или не хотѣлъ. Онъ только сказалъ, что въ Китаѣ, гдѣ онъ былъ, онъ до тонкости изучилъ колдовство и воровство.

Вернувшись на родину, братья занялись каждый своимъ дѣломъ.

Скоро слава о нихъ прошла по всей странѣ и дошла даже до хана. О нихъ такъ много говорили, такъ сильно восхищались ихъ знаніями, что онъ пожелалъ ихъ видѣть и приблизить къ себѣ. Это двухъ старшихъ, конечно, младшаго-же онъ хотѣлъ казнить, потому что нельзя было имѣть въ своемъ государствѣ такого вреднаго человѣка.

Когда братья пришли и двое старшихъ—ученый и мастеръ показали свое искусство, ханъ пожелалъ увидѣть работу младшаго.

— Твое знаніе опасно для другихъ людей, — сказалъ онъ ему, — но я хочу знать, насколько хорошо ты знаешь свое дѣло. Сегодня ночью ты долженъ украсть изъ моего дворца священный золотой сосудъ, который стоитъ передъ бурханами. Завтра-же я увижу, что съ тобой дѣлать.

Воръ только низко поклонился и удалился съ ясныхъ очей хана.

Къ вечеру были приняты мѣры. Кругомъ всего дворца на разстояніи десяти шаговъ другъ отъ друга стояли конные часовые, между ними и дворцомъ поставили цѣпь стрѣлковъ. У четырехъ входныхъ дверей дворца привязали свирѣпыхъ верблюда, быка, жеребца и собаку. Самое помѣщеніе, въ которомъ былъ священный сосудъ, ярко освѣтили. Въ немъ легли спать обѣ царицы, и всю ночь должны были дежурить два монаха, которымъ запрещено было даже дремать. При такихъ мѣрахъ предосторожности, думалъ ханъ, произвести кражу невозможно.

Въ полночь подошелъ колдунъ. Своими чарами онъ усыпилъ всѣхъ. Затѣмъ у спящихъ конныхъ часовыхъ онъ отобралъ лошадей и посадилъ ихъ всѣхъ на корзины, въ которыхъ хранятъ скотскій пометъ. У пѣшей стражи онъ отобралъ оружіе и вмѣсто него далъ всѣмъ палки. Затѣмъ онъ изъ ханскаго стада зарѣзалъ барана. Кишки и внутренности онъ взялъ съ собой, а мясо далъ собакѣ, которая за это его не тронула. Верблюду онъ далъ соли, а быку и лошади сѣна, и всѣ стали ласкаться къ нему. Войдя въ помѣщеніе, гдѣ хранился сосудъ, онъ баранье сало наматалъ на головы обоихъ ламъ, бараньи-же кишки положилъ между обѣими хатунъ. Затѣмъ онъ спокойно взялъ священный сосудъ, потушилъ свѣтъ и спокойно вышелъ.

Когда онъ миновалъ послѣднюю стражу, всѣ проснулись. Видя его уходящимъ, всадники хотѣли броситься за нимъ, но вмѣсто лошадей они сидѣли на грязныхъ корзинахъ. Стали звать стрѣлковъ, но у тѣхъ вмѣсто оружія были только гнилыя палки.

Въ самомъ дворцѣ дѣло чуть не дошло до драки. Проснувшись въ темнотѣ и почувствовавъ, что головы ихъ чѣмъ-то замотаны, ламы стали ругаться и обвинять другъ друга въ скверной шуткѣ.

Царицы, нащупавъ между собой въ темнотѣ чьи-то кишки, никакъ не могли понять, которая-же изъ нихъ родила: каждая приписывала это себѣ, такъ какъ обѣ хотѣли имѣть ребенка.

Наконецъ принесли свѣтъ. Хатунъ, увидя, что никакого ребенка нѣтъ, а есть только грязныя кишки, до того сконфузились, что не знали совершенно, что и сказать. Ламы-же, замѣтивъ пропажу сосуда, набросились на нихъ и обвиняли если не прямо въ воровствѣ, то по крайней мѣрѣ въ пособничествѣ. Царицы не остались въ долгу, и ругань навѣрно перешла-бы въ драку, если-бы въ это время не вошелъ ханъ. Кое-какъ онъ успокоилъ всѣхъ и вышелъ на дворъ.

Тутъ чуть не дошло до настоящаго побоища. Стрѣлки обвиняли всадниковъ, что они прозѣвали колдуна; тѣ спрашивали, гдѣ-же ихъ луки и стрѣлы. Оба отряда злились и готовы были броситься другъ на друга, когда вышелъ ханъ. Но и ему съ трудомъ удалось прекратить перебранку, да и то достигъ онъ успокоенія, только обѣщавъ жестоко наказать тѣхъ, кто будетъ ругаться.

Утромъ пришелъ колдунъ и принесъ украденный золотой сосудъ. Ханъ былъ до того пораженъ его ловкостью, что уже не думалъ его казнить. Въмѣсто этого онъ приблизилъ его къ себѣ такъ же, какъ и его братьевъ.

Прошелъ годъ. За это время старшіе братья оказали царю много услугъ, но младшій особенно. Въ каждомъ затруднительномъ случаѣ ханъ обращался къ нему и могъ быть увѣренъ, что дѣло будетъ сдѣлано хорошо и скоро. Старшіе братья были люди серьезные, колдунъ-же любилъ пожить и повеселиться.

Живя во дворцѣ, онъ часто встрѣчался съ прелестной дочерью хана и хотя былъ гораздо болѣе низкаго происхожденія, чѣмъ она, началъ ухаживать за ней. Царевна не осталась равнодушной къ молодому и лихому вору, и произошло то, что возможно въ такихъ случаяхъ—стало вѣроятнымъ появленіе на свѣтъ ребенка. Чтобы замять толки, хану пришлось согласиться на свадьбу дочери съ воромъ. Впрочемъ, онъ далъ это согласіе довольно охотно, потому что за годъ очень полюбилъ дѣятельнаго и всегда веселаго колдуна.

Понятно, что, ставъ зятемъ хана, молодой воръ зажилъ еще лучше. Онъ не забылъ своихъ братьевъ и добился у хана повышенія для нихъ.

Но вмѣсто благодарности они почувствовали къ нему только ненависть. Какъ! они, ученый и мастеръ, — и вдругъ обязаны своимъ повышеніемъ вору! И чѣмъ лучше относился къ нимъ младшій братъ, тѣмъ сильнѣе разрасталась ихъ злоба противъ него, и, наконецъ, они рѣшили его извести.

Однажды они пришли къ хану и рассказали ему, что колдунъ хвалился привести золотого жеребца Хормусто-Тенгира.

Ханъ задумался надъ этимъ. Правда, хорошо было-бы имѣть золотого жеребца, но вѣдь смѣльчакъ, который пойдетъ его добывать, почти навѣрно погибнетъ. Царь очень полюбилъ своего зятя, но также было очень заманчиво получить чудеснаго жеребца. Всю ночь думалъ онъ надъ этимъ и утромъ, призвавъ колдуна, велѣлъ ему ѣхать къ Хормусто-хану за золотымъ жеребцомъ. Не въ натурѣ вора было спорить, онъ поклонился и вышелъ. Въ тотъ-же день, попрощавшись съ женой, онъ пустился въ путь, самъ не зная хорошенько, какъ удастся справиться съ даннымъ порученіемъ. Долго ѣхалъ онъ и наконецъ увидѣлъ табунъ золотыхъ лошадей. Хозяинъ былъ тутъ-же. Разговорившись съ колдуномъ и узнавъ, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, онъ сказалъ ему:

— Если ты поможешь мнѣ, я достану тебѣ небеснаго жеребца. Каждый разъ, что у меня родится золотой жеребенокъ, прилетаетъ огромная птица, схватываетъ его и уноситъ на гору Сумбуръ-Ула. Убей ее и верни мнѣ моихъ жеребятъ, и золотой конь будетъ твоимъ.

Подумавъ, колдунъ отвѣтилъ, что до Сумбуръ-Ула ему врядъ-ли дойти, жеребца-же онъ лучше попытается самъ какъ-нибудь достать. Попрощавшись съ хозяиномъ табуна, онъ продолжалъ свой путь. Вскорѣ онъ увидѣлъ большого медвѣдя, который собирался съѣсть маленькаго. Колдуну стало жаль маленькаго медвѣдя, и онъ сказалъ:

— Не убивай его, если-же ты голоденъ, лучше съѣшь меня.

Но большой медвѣдь отвѣтилъ, что онъ не голоденъ, а хочетъ убить маленькаго оттого, что тотъ злое и гадкое существо. Затѣмъ онъ на глазахъ вора убилъ его и съѣлъ. Колдунъ пошелъ дальше и скоро увидѣлъ большого сѣраго волка, который собирался убить маленькаго волка. Добрый воръ и его просилъ оставить маленькаго въ живыхъ, но большой волкъ не обратилъ вниманія на его слова. Когда-же маленькій былъ растерзанъ, онъ объяснилъ, что это было необходимое наказаніе. Разспросивъ потомъ колдуна о цѣли его поѣздки, волкъ сказалъ:

— Одному тебѣ не справиться съ этимъ. Мнѣ тоже надо кое-что достать, но и я одинъ ничего не могу сдѣлать. Давай соединимся и будемъ

помогать другъ другу. Оставь здѣсь своего коня, садись на меня, и я не только отвезу тебя туда, куда надо, но и научу, какъ достать золотого жеребца. За это ты долженъ добыть для меня золотую юрту и золотую птицу.

Колдунъ охотно согласился и пересѣлъ на сѣраго волка.

Какъ только онъ усѣлся, волкъ побѣжалъ. Дикій это былъ бѣгъ. Равнины, горы, лѣса, рѣки, поля и моря мелькали подъ ногами сѣраго волка, и у колдуна отъ этой страшной быстроты невольно замиралъ духъ.

Наконецъ волкъ остановился и сказалъ:

— Теперь иди пѣшкомъ. Сначала ты увидишь золотую юрту. Возьми ее, но оставь золотой арканъ, которымъ она обвязана. Дальше ты увидишь золотое дерево и если засядешь на немъ, ты легко поймашь птицу, которая мнѣ нужна.

Колдунъ пошелъ одинъ и скоро увидѣлъ драгоцѣнную юрту, въ которой въ то время никого не было. Но онъ пока не взялъ ее, а пошелъ дальше и, дойдя до чудеснаго дерева, спрятался въ его вѣтвяхъ. Скоро прилетѣла золотая птица, и безъ особеннаго труда ему удалось ее поймать. Онъ спряталъ ее въ карманъ и пошелъ обратно. На этотъ разъ онъ взялъ юрту, но золотой арканъ такъ ему понравился, что онъ захватилъ и его. Но только онъ взялъ его, какъ откуда-то прибѣжали люди, которые жестоко избили его. Только съ большимъ трудомъ удалось ему бѣжать. Съ трудомъ дошелъ онъ до волка, и тотъ по его виду сразу понялъ, какъ было дѣло.

— Я-же говорилъ тебѣ не трогать аркана, — сказалъ онъ, — вотъ ты теперь и наказанъ за свое непослушаніе. Сейчасъ ее не достать, поэтому поѣдемъ за золотымъ жеребцомъ. Увести его очень легко, только не надо брать его узды.

Затѣмъ онъ посадилъ колдуна себѣ на спину и опять побѣжалъ.

На этотъ разъ бѣжалъ онъ не долго и скоро остановился. Узнавъ, куда надо идти, колдунъ пошелъ пѣшкомъ. Жеребца ему удалось поймать совсѣмъ легко, но, не зная, какъ его вести, онъ взялъ и уздечку. И опять не успѣлъ онъ пройти и десяти шаговъ, какъ его окружили пастухи, которыхъ до того времени не видно было ни одного, напали на него, избили и отвели въ тюрьму. Ночью ему удалось бѣжать, но когда онъ вернулся къ волку, онъ едва былъ въ состояніи говорить. Волкъ крѣпко выругалъ его, но такъ какъ онъ былъ очень слабъ, далъ ему два дня отдыха. На третій день онъ посадилъ его къ себѣ на спину и повезъ опять добывать юрту.

На этотъ разъ колдунъ уже не сталъ трогать аркана и благополучно унесъ ее. Придя на мѣсто, гдѣ онъ оставилъ волка, онъ не нашелъ его и сталъ поджидать. Этотъ-же тѣмъ временемъ дѣлалъ свое дѣло. Когда хозяева юрты вернулись домой, они не нашли уже своего дома, а вмѣсто него увидѣли огромнаго сѣраго волка, который съ раскрытой пастью бросился на нихъ. Перепуганные, они бросились бѣжать, а волкъ спокойно вернулся къ своему другу.

Взявъ у него юрту и птицу, онъ спряталъ ихъ въ свое огниво и повезъ колдуна опять къ небесному жеребцу. Теперь и съ этимъ дѣломъ воръ справился хорошо, такъ какъ уздечку не тронулъ. Никто не видѣлъ, какъ онъ сѣлъ на жеребца и поѣхалъ домой. И опять, когда пришли пастухи, ихъ встрѣтилъ большой волкъ, и при видѣ его они въ ужасѣ разбѣжались. Тогда волкъ побѣждалъ за своимъ товарищемъ.

Между тѣмъ колдунъ уже почти доѣхалъ до дому. Вдругъ въ темномъ лѣсу онъ встрѣтилъ своихъ двухъ братьевъ. Страшно обрадованный, онъ соскочилъ съ коня и обнялъ ихъ. Братья предложили ему закусить, говоря, что выѣхали нарочно, чтобы встрѣтить его. Это была правда, но не съ добрыми мыслями сдѣлали они это. Когда младшій братъ ихъ сѣлъ и сталъ ѣсть, одинъ изъ нихъ подошелъ къ нему сзади и трижды вонзилъ ножъ ему въ спину. Колдунъ упалъ мертвый, а братья, взявъ золотого жеребца, поѣхали къ хану.

Волкъ все бѣжалъ и бѣжалъ по слѣдамъ колдуна и, наконецъ, въ темномъ лѣсу нашелъ его тѣло. Заплакалъ сѣрый волкъ—онъ успѣлъ сильно привязаться къ своему другу и искренно его полюбить. Не зная, что дѣлать, онъ сѣлъ около трупа и задумался. Но вотъ прилетѣлъ коршунъ съ коршуненкомъ. Вдругъ волкъ вскочилъ и схватилъ коршуненка, который сѣлъ на мертвое тѣло.

Старый коршунъ умолялъ его отпустить сына.

— Лучше съѣшь меня,—говорилъ онъ,—но отпусти его.

— Ни тебя, ни сына твоего я не трону,—отвѣтилъ волкъ,—если ты принесешь мнѣ съ горы Сумбуръ-Ула живой воды. Лети скорѣе. Чѣмъ раньше ты вернешься, тѣмъ меньше твой сынъ будетъ въ плѣну.

Старый коршунъ не сталъ спорить и немедленно полетѣлъ. Ровно черезъ сутки онъ вернулся съ живой водой. Волкъ отпустилъ коршуненка, водой-же окропилъ тѣло своего друга, и тотъ всталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и только спросилъ, гдѣ-же золотой жеребецъ. Волкъ объяснилъ, какъ было все дѣло, и пригласилъ его къ себѣ въ гости,

обѣщавъ черезъ недѣлю помочь ему отомстить братьямъ. Колдунъ охотно согласился и на волкъ-же поѣхалъ къ нему въ гости.

Тутъ онъ прожилъ нѣсколько дней, и при немъ состоялась свадьба его друга, который женился на дочери одного хана. По окончаніи свадебныхъ пировъ волкъ, который у себя дома ходилъ въ видѣ красавца-царевича, далъ своему другу свиту въ 35 человѣкъ и отпустилъ домой.

Крѣпко обнявъ царевича-волка, колдунъ простился съ нимъ и пустился въ послѣдній разъ въ путь.

Еще по дорогѣ онъ узналъ, что братья привели золотого жеребца и рассказали, что онъ умеръ. Еще онъ узналъ, что въ этотъ день средній братъ его женится на дочери хана—его женѣ. Подѣхавъ ко дворцу, онъ слышалъ шумъ и музыку—это братья его пировали по случаю свадьбы.

Спрятавъ своихъ людей, колдунъ одинъ вошелъ во дворецъ. При видѣ его братья страшно смѣшались, но не такъ было съ царевной, которая только-что по доброй волѣ стала женой другого. Какъ настоящая женщина, она сумѣла принять радостный видъ и бросилась его обнимать, будто никогда и не думала ему измѣнять. Но колдунъ отстранилъ ее, подошелъ къ хану, громкимъ голосомъ разсказалъ про злодѣйство братьевъ и потребовалъ наказанія ихъ. Но тѣ успѣли оправиться, особенно когда увидѣли безстыдное и нахальное поведеніе царевны. Они также стали обвинять младшаго брата въ обманѣ и покушеніи на убійство, и ханъ сталъ колебаться. Тогда колдунъ крикнулъ своихъ людей. Всѣ 35 вопли, и вдругъ ихъ стало 1000. Они набросились на старшихъ братьевъ и въ одинъ мигъ изрубили ихъ на 500 кусковъ. Послѣ этого ихъ опять стало 35 человѣкъ.

Видя все это, ханъ повѣрилъ въ правоту колдуна и богато наградилъ его. Царевна тоже была возвращена мужу, который простилъ ее.

Злые языки говорили потомъ, что царевна должна была больше недѣли просидѣть дома, вѣрнѣе пролежать, потому что до примиренія супругъ познакомилъ нѣкоторыя части ся тѣла съ хорошей нагайкой. Возможно, впрочемъ, что слухъ этотъ былъ ложенъ, такъ какъ супруги послѣ того еще долго и счастливо жили вмѣстѣ.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Сказка о человѣкѣ, не хотѣвшемъ быть ханомъ.

Жилъ-былъ однажды парень по имени Бальджуши. Плохо жилось ему, и онъ задумалъ куда-нибудь уѣхать. Но у него не было ни лошади, ни верблюда, а такъ какъ у сосѣдей его былъ быкъ, то онъ и рѣшилъ его украсть. Ночью; когда всѣ спали, онъ пробрался къ юртѣ сосѣдей, нащупалъ въ темнотѣ животное, вскочилъ на него и погналъ прочь.

Каковъ-же былъ его ужасъ, когда на разсвѣтѣ онъ увидѣлъ, что подъ нимъ не быкъ, а тигръ. Соскочить не было возможности, потому что звѣрь страшно быстро бѣжалъ. Бальджуши попробовалъ ухватиться за дерево и повиснуть на немъ, но только вырвалъ его съ корнемъ. Какъ оружіе, онъ сохранилъ его, хотя въ вѣтвяхъ его находилась змѣя. Все дальше и дальше бѣжалъ тигръ, тоже обезумѣвшій отъ страха, и наконецъ остановился около большого города.

Это была столица государства, въ которомъ недавно умеръ ханъ, не оставившій наслѣдника. По гаданію, къ которому прибѣгли высшіе люди государства, вышло, что ханомъ долженъ быть человѣкъ, который пріѣдетъ верхомъ на тигрѣ, имѣя въ рукѣ дерево, въ вѣтвяхъ котораго будетъ находиться змѣя. Поэтому, какъ только изъ города увидѣли приближающагося Бальджуши, ему навстрѣчу выбѣжала цѣлая толпа народа и безъ особеннаго труда поймала перепуганнаго и уставшаго тигра. Освободивъ Бальджуши, его на рукахъ отнесли въ городъ и объявили ему, что отнынѣ онъ ихъ ханъ.

Парню вовсе не хотѣлось быть царемъ, но онъ былъ до того напуганъ всѣмъ происшедшимъ, что не посмѣлъ отказаться. Первое приказаніе, которое его просили отдать, было насчетъ того, что дѣлать съ тигромъ и змѣей. Новый ханъ велѣлъ тигру отрубить хвостъ и отпустить, а змѣю убить, и оба приказанія были немедленно исполнены.

Прошло нѣсколько дней. Бальджуши ужасно тяготился своимъ положеніемъ и рѣшилъ лучше покончить съ жизнью, чѣмъ быть царемъ противъ своего желанія.

Скоро онъ узналъ, что въ одномъ лѣсу водятся шесть тигровъ, которые каждый день пожираютъ по нѣсколько человѣкъ. «Вотъ,—подумалъ онъ, благовидный предлогъ покончить жизнь», и объявилъ всѣмъ, что поидетъ освободить страну отъ тигровъ. Тушмыль пробовалъ его отговорить, но ничего не помогло, и вечеромъ онъ одинъ и безъ оружія отправился въ лѣсъ.

Но ночью ему стало страшно, и онъ влѣзъ на дерево. На разсвѣтѣ онъ увидѣлъ тигровъ, но не шесть, а семь. Тигры тоже увидѣли его. Такъ какъ доскочить до него они не могли, то устроили лѣстницу—сначала около дерева сталъ одинъ изъ нихъ, на него влѣзъ другой, потомъ третій и т. д. Уже верхнему оставалось только протянуть лапу, чтобы схватить Бальджуши, когда онъ замѣтилъ, что у нижняго тигра нѣтъ хвоста. «Э, да вѣдь это тотъ, на которомъ я ѣздилъ верхомъ!» воскликнулъ онъ. Безхвостый тигръ, услыша эти слова, страшно испугался и бросился бѣжать. Остальные шесть всѣ, конечно, упали и разбились на смерть.

Бальджуши вернулся во дворецъ, но уже черезъ нѣсколько дней рѣшили отдѣлаться отъ царствованія, хотя-бы цѣной жизни.

Онъ узналъ, что въ пещерахъ одной горы живетъ трехъ-саженная лисица, которая ежедневно пожираетъ людей.

Взявъ лукъ и стрѣлы, ханъ пошелъ, чтобы убить ее, надѣясь, что на этотъ разъ не удастся вернуться. Придя къ горѣ уже подъ вечеръ, онъ увидѣлъ, что пещера имѣетъ три выхода. У одного онъ положилъ свою шапку, у другого стрѣлы и у третьяго лукъ. Затѣмъ онъ устроилъ себѣ постель, раздѣлся и легъ спать. Ночью лисица вышла по тому выходу, около котораго лежалъ лукъ. Не зная, что это за вещь, она перегрызла у него тетиву, и освобожденный лукъ со всей силы ударилъ ее въ грудь. Лисица упала мертвой.

На разсвѣтѣ изъ ближайшей деревни на пастбище вышелъ скотъ. При немъ была молодая, очень хорошенькая пастушка. Подходя къ горѣ, она увидѣла спящаго молодого человѣка—это былъ Бальджуши. Онъ былъ очень недуренъ собой и сразу понравился ей. Тихо подошла она и, склонившись надъ нимъ, нѣжными ласками разбудила его. Открывъ глаза, ханъ увидѣлъ надъ собой молодое хорошенькое личико, къ милости котораго не остался равнодушень...

Только послѣ полудня Бальджуши проснулся окончательно и пошелъ въ обходъ горы. У одного изъ входовъ въ пещеру онъ нашелъ убитую лисицу. Тогда онъ вернулся къ молодой пастушкѣ, взялъ ее съ собой и отправился во дворецъ, гдѣ и объявилъ ее своей хатунъ.

Послѣ этого Бальджуши бросилъ всякую мысль о самоубійствѣ и вполне примирился со своимъ положеніемъ, чему не мало способствовала его хорошенькая жена.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Сказка о трехъ лысыхъ.

Жилъ однажды молодой, красивый и очень богатый человѣкъ. Онъ былъ женатъ на прелестной и очень не глупой женщинѣ. Къ его несчастью, дѣла заставляли его часто уѣзжать изъ дома, чѣмъ уже вскорѣ послѣ свадьбы воспользовалась его жена, чтобы завести себѣ любовника.

Сначала она сошлась съ однимъ лысымъ, потомъ ей этого стало мало и, не прекращая съ первымъ знакомства, она завела второго, а потомъ и третьяго любовниковъ, которые по странной случайности тоже оказались лысыми. Скоро по всей округѣ разнесся слухъ о веселомъ поведеніи молодой женщины и о ея трехъ лысыхъ любовникахъ. Дошли эти слухи и до мужа, но онъ до поры до времени молчалъ.

Однажды вечеромъ, когда мужа опять не было дома, одинъ изъ лысыхъ пришелъ въ гости къ своей любовницѣ. Она очень обрадовалась его приходу, такъ какъ теперь у ней была возможность пріятно провести время. Первымъ дѣломъ она поставила на столъ два прибора и все, что было въ домѣ съѣдобнаго. Но только они успѣли сѣсть за столъ, какъ раздался стукъ у воротъ.

— Боже, это мужъ, — испугалась легкомысленная женщина: — скорѣе спрячься въ бочку, которая стоитъ въ сѣняхъ.

Не разсуждая, лысый исполнилъ ея желаніе, она-же пошла отворять ворота.

Сильно отлегло у нея отъ сердца, когда это оказался не мужъ, а тоже одинъ изъ ея лысыхъ любовниковъ. Шутя и смѣясь надъ сидящимъ въ бочкѣ, красавица повела второго лысаго въ столовую, гдѣ они и поужинали. Но только что второй лысый началъ послѣ ужина ухаживать за ней, какъ опять раздался стукъ въ ворота. Наскоро спрятавъ любовника въ ту-же бочку, въ которой сидѣлъ и первый, она поспѣшила открыть ворота — оказался опять лысый, ея любовникъ.

Опять у вѣтренной красавицы отлегло на душѣ, и уже черезъ нѣсколько минутъ она кокетничала съ гостемъ. Но не долго это продолжалось — опять раздался стукъ въ ворота. На этотъ разъ это могъ быть только мужъ, и третьему лысому пришлось влѣзть въ бочку, въ которой уже сидѣло два человѣка.

Красавица между тѣмъ открыла ворота и на этотъ разъ впустила мужа. Войдя въ столовую и видя два прибора, онъ спросилъ жену, кто у нея былъ. Та отвѣтила, что никого у нея не было, ужинъ-же она

поставила на столъ, ожидая его, но такъ какъ онъ долго не возвращался, она и поужинала одна. Мужъ не обратилъ вниманія на ея слова и какъ будто повѣрилъ, но черезъ нѣкоторое время потребовалъ топоръ, чтобы разбить бочку. Жена пробовала его отговорить, объясняя, что бочка имъ еще нужна, но онъ настаивалъ на своемъ.

— Бочку эту у меня просить столько народа, что мнѣ даже надѣло,—сказалъ онъ,—одному ее отдать я не могу, потому что остальные обидятся. Такъ чтобы они больше не приставали ко мнѣ, я лучше ее уничтожу.

Красавицѣ осталось только принести топоръ. Мужъ изрубилъ бочку и, найдя въ ней трехъ человѣкъ, безъ дальнихъ словъ убилъ ихъ. Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и уѣхалъ, оставивъ жену съ покойниками и предоставивъ ей отвѣчать передъ закономъ.

Легкомысленная красавица послѣ всего пережитаго только къ утру пришла въ себя. Тогда она обдумала положеніе и пришла къ убѣжденію, что надо какъ-нибудь избавиться отъ покойниковъ. Для этого она одного изъ нихъ положила на кровать мужа, другого поставила въ уголъ за дверью, а третьяго спрятала около воротъ. Затѣмъ она вышла на улицу и стала ждать.

Скоро подошелъ нищій. Когда онъ протянулъ руку за подаяніемъ, она спросила его, сколько онъ зарабатываетъ въ день, и когда тотъ отвѣтилъ, что въ хорошій день до двадцати чоховъ (двѣ копейки), сказала ему:

— Помоги мнѣ въ одномъ дѣлѣ, и я дамъ тебѣ шестьдесятъ чоховъ. Дѣло въ томъ что ко мнѣ недавно пріѣхалъ братъ, но вчера онъ у меня умеръ. Надо его похоронить; если ты это сдѣлаешь, то и получишь деньги. Только надо его хорошенько закопать, потому что у него скверная привычка гулять даже послѣ смерти.

Нищій съ радостью согласился, и красавица дала ему лопату, велѣвъ за платой прійти по окончаніи работы. Затѣмъ нищій взялъ съ кровати перваго мертвеца и понесъ его хоронить.

Когда онъ вернулся за платой, хитрая женщина хорошенько его напоила, а затѣмъ, какъ будто случайно обходя комнату, замѣтила второго лысаго.

— Да какъ-же ты зарылъ его?—спросила она нищаго,—онъ вѣдь опять пришелъ!

Полупьяный нищій подумалъ, что это тотъ-же самый покойникъ, тѣмъ болѣе, что и тотъ былъ лысый и также имѣлъ рану на головѣ.

Крѣпко обругавъ безпокойнаго мертвеца, онъ взвалилъ его себѣ на плечи и унесъ.

Когда онъ вернулся, хозяйка опять угостила его виномъ и спросила, хорошо-ли на этотъ разъ онъ зарылъ покойника.

— О, да,—отвѣтилъ нищій,—теперь онъ уже не вернется, я его бросилъ въ колодезь, который завалилъ камнями.

Но когда надо было платить, хозяйка предложила ему еще разъ обойти весь домъ и дворъ и удостовѣриться, не вернулся-ли опять мертвецъ. Нищій обошелъ все помѣщенія и у воротъ увидѣлъ третьяго покойника, тоже лысаго и тоже съ раной на головѣ.

Тогда онъ разсвирѣпѣлъ.

— Погоди-же,—говорилъ онъ,—я отучу тебя шлаться, все кости тебѣ переломаю.

И, схвативъ его, понесъ на ближайшую гору. Тутъ онъ подтащилъ его къ обрыву и сбросилъ внизъ.

Случилось, что какъ разъ въ это время подъ обрывомъ для известной нужды уѣлся человѣкъ, который по странной случайности тоже былъ лысъ. Вдругъ на него сверху свалилось чье-то мертвое тѣло. Страшно перепугавшись, лысый бросился бѣжать, не успѣвъ даже одѣть одну часть своего костюма и только придерживая ее руками.

Это бѣгство сверху увидѣлъ нищій и окончательно разсвирѣпѣлъ.

— Ахъ, подлецъ,—закричалъ онъ,—опять бѣгать? Ну нѣтъ-же, не позволю!

И бросился догонять убѣгавшаго. Лысый, видя, что за нимъ гонятся, побѣждалъ еще быстрее. Въ это время навстрѣчу шли два какихъ-то человѣка. Нищій издали сталъ имъ кричать: «держи его, держи!» Но встрѣчные, которые знали объ отношеніяхъ трехъ лысыхъ къ веселой дамѣ, и не подумали его задержать. Наоборотъ, когда съ ними поровнялся нищій, они остановили его и спросили о причинѣ этой погони.

— Да какъ мнѣ не гнаться за этимъ подлецомъ? Вѣдь мнѣ обѣщано шестьдесятъ чоховъ, чтобы закопать этого мерзавца. Два раза я его похоронилъ, на третій сбросилъ съ утеса, а онъ все бѣгаетъ. Если я его не догоню и не успокою наконецъ, мои шестьдесятъ чоховъ пропадутъ,—разсказалъ нищій.

— Ну, а не дали-ли тебѣ какого-нибудь орудія, чтобы рыть могилу?—спросили прохожіе.

— Дали лопату.

— А если ее продать, сколько за нее дадутъ?

— Да ценовъ пять, не меньше (65 коп).

— Ну такъ вотъ, милый человѣкъ,—посоветовали прохожіе:— вмѣсто того, чтобы гоняться за мертвецами и въ концѣ-концовъ ничего не получить изъ обѣщанныхъ денегъ, ты просто продай лопату и деньги возьми себѣ.

Нищій, конечно, съ радостью исполнилъ этотъ советъ и оставилъ лысыхъ въ покоѣ.

Какъ въ дальнѣйшемъ сложилась жизнь любившей развлечения красавицы, въ точности не извѣстно. Передъ закономъ ни ей, ни ея мужу отвѣчать не пришлось, развода также не было. Говорили потомъ, что послѣ этого случая она не стала монахиней, а мужъ только время отъ времени напоминалъ ей, что все-же онъ хозяинъ у себя въ домѣ, большей же частью не обращалъ вниманія на ея амуры.

Г. Карамаръ. Монг. Торгоутъ.

Сказка объ Ихэ-Алимъ.

Жили-были однажды двѣ сестры, и у каждой изъ нихъ было по сыну. Сына старшей звали Ихэ-Алимъ, сына младшей — Бага-Алимъ. Мальчики росли вмѣстѣ и были до того похожи другъ на друга, что даже ихъ собственныя матери часто путали ихъ.

Когда они подросли, Ихэ-Алиму захотѣлось узнать свѣтъ и поискать счастья. Объявивъ дома, что онъ уходитъ, онъ въ одинъ прекрасный день собрался и пустился въ путь.

Въ первую-же ночь онъ увидѣлъ сонъ—прибѣжалъ пѣгій конь и сталъ пить. На утро Ихэ-Алимъ не пошелъ дальше, а спрятался около воды и сталъ ждать. И дѣйствительно скоро появился чудный пѣгій конь, который сталъ пить. Въ это время Ихэ-Алимъ накинулъ на него арканъ, конецъ котораго обмоталъ вокругъ себя. Но конь не хотѣлъ такъ легко сдаться. Таща за собой Ихэ-Алима, онъ понесся по горамъ и долинамъ. Тамъ, гдѣ онъ ступалъ на гору, образовалась равнина, тамъ, гдѣ на равнину — озеро. Но Ихэ-Алимъ крѣпко держался за арканъ. Наконецъ, конь усталъ и остановился.

— Тебѣ удалось меня поймать,—сказалъ онъ,—такъ будь-же моимъ хозяиномъ, но только на мнѣ должна быть уздечка, которая стоила-бы не меньше пятидесяти ланъ, и сѣдло, каждое стремя котораго стоило-бы сорокъ ланъ. Достань ихъ, и я буду вѣрно служить тебѣ.

У Ихэ-Алима не было съ собой такого сѣдла. Онъ принужденъ былъ вернуться домой, и только на слѣдующій день, когда онъ его принесъ, конь подчинился ему окончательно. Посѣдлавъ коня, Ихэ-Алимъ сѣлъ на него и пустился въ путь, самъ хорошенько не зная куда.

Долго они ѣхали, наконецъ увидѣли чернаго старика, который пасъ стадо черныхъ верблюдовъ. Ихэ-Алимъ подѣхалъ къ нему и сталъ разспрашивать о дальнѣйшемъ пути.

— Не ѣзди туда, молодой человѣкъ, — сказалъ старикъ, — видишь, вонъ тамъ что-то чернѣетъ, это десяти-главый Мангыть-Хай, — не проѣхать тебѣ мимо него.

Ихэ-Алимъ поблагодарилъ старика, но все-таки рѣшился ѣхать дальше.

Скоро поднялся вѣтеръ, который перешелъ въ бурю. Молодой батуръ (богатырь) остановился и спросилъ коня, что это за буря и что надо теперь дѣлать.

— Это дышитъ Мангыть-Май, — отвѣтилъ конь. — Теперь назадъ идти уже поздно. Попробуй свой лукъ и, если тетива плоха, вырѣжь у меня ремень изъ спины и замѣни ее. Потомъ, когда ты выстрѣлишь, я попробую проскочить мимо звѣря.

Ихэ-Алимъ осмотрѣлъ тетиву и, когда она оказалась плоха, вырѣзалъ у коня изъ спины ремень, которымъ и замѣнилъ старую струну. Потомъ, натянувъ лукъ изо всѣхъ силъ, онъ пустилъ стрѣлу, и вѣрный конь слѣдомъ за ней пронесъ его мимо чудовища.

Вечеромъ Ихэ-Алиму удалось убить двухъ горныхъ козловъ. Такъ какъ у него не было мяса, онъ сталъ ихъ обдирать. Пока онъ былъ занятъ этимъ дѣломъ, къ нему подползла старая горбатая старуха, которая кромѣ костылей упиралась въ землю еще носомъ. Она попросила у молодого батурса мяса, и только онъ успѣлъ отвѣтить «хорошо», какъ она уже проглотила и его и его коня. Старуха эта была Мангыть-Хай.

Очутившись въ желудкѣ чудовища, Ихэ-Алимъ не растерялся. Находясь въ полной темнотѣ, онъ долженъ былъ ощупью отыскать все, что ему надо было. Послѣ довольно долгихъ поисковъ ему удалось найти сердце Мангыть-Хая. Тогда онъ вынулъ саблю, отточилъ ее и однимъ ударомъ разрубилъ желѣзную сердечную артерію звѣря, который немедленно же и умеръ. Распоровъ ему затѣмъ брюхо, Ихэ-Алимъ благополучно вмѣстѣ со своимъ конемъ вышелъ на свѣтъ Божій.

Сѣвъ опять на коня, Ихэ-Алимъ поѣхалъ дальше. Долго ѣхалъ онъ и увидѣлъ, наконецъ, сѣраго старика, который пасъ 10,000 сѣрыхъ

барановъ. На вопросъ Ихэ-Алима старикъ отвѣтилъ, что это стадо принадлежитъ Ирбисынъ-хану. Когда-же молодой батуръ высказалъ желаніе проѣхать къ этому хану, старикъ сказалъ:

— Нѣтъ, не проѣхать тебѣ туда. Во-первыхъ, живетъ онъ далеко. Три года надо ѣхать до него. Потомъ тутъ по дорогѣ есть птица. Если проѣхать передъ ней—сгоришь, если сзади—замерзнешь. Затѣмъ есть огненное море—переплыть нельзя, даже желѣзо въ немъ горитъ. Есть, наконецъ, и Хурдзынъ-батуръ, побѣдить котораго никто не можетъ. Не ѣзди туда, красавецъ, пожалѣй свою жизнь.

Но Ихэ-Алимъ рѣшилъ ѣхать, и никакія опасности не могли его остановить.

Простившись со старикомъ, онъ поѣхалъ. Но вотъ и птица. Уже издали пышетъ отъ нея жаромъ. Ихэ-Алимъ одѣлъ шубу и проѣхалъ передъ ней, только сказавъ: «тепловато». Скинулъ шубу и проѣхалъ сзади, сказавъ: «свѣжо».

Долго ѣхалъ онъ послѣ этого и, наконецъ, увидѣлъ огненное море. Оно все кипѣло, и отъ него поднимались ядовитыя испаренія. Противоположнаго берега даже и видно не было. Въ нерѣшительности Ихэ-Алимъ остановился. Тогда заговорилъ пѣгій конь:

— Надо испытать подпруги, а потомъ я постараюсь перепрыгнуть.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ большой прыжокъ—все подпруги сразу лопнули. Тогда онъ велѣлъ Ихэ-Алиму вырѣзать у него изъ спины десять ремней и изъ нихъ связать подпруги. Батуръ долго не соглашался на это—ему было жаль коня, но наконецъ согласился, такъ какъ тотъ настаивалъ. Когда все было готово, Ихэ-Алимъ сѣлъ на коня, и тотъ однимъ прыжкомъ перенесъ его черезъ огненное море.

Все дальше и дальше ѣхалъ батуръ и наконецъ увидѣлъ двѣ горы—одну черную, другую бѣлую. Пѣгій конь объяснилъ ему, что это лукъ Хурдзынъ-батурса. Вскорѣ поднялся сильный вѣтеръ, и конь опять объяснилъ, что это батуръ натягиваетъ свой лукъ, и добавилъ:

— Тебѣ его не побѣдить, но все-же начни бой.

Каждый пустилъ по три стрѣлы. Стрѣлы Ихэ-Алима пробивали только кожу врага, тогда какъ стрѣлы Хурдзынъ-батурса пробивали его насквозь, и раны отъ нихъ были велики, какъ ворота. Тогда Ихэ-Алимъ предложилъ перемиріе на три мѣсяца, и Хурдзынъ-батуръ согласился на это.

Въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ Ихэ-Алимъ лѣчилъ свои раны, и тутъ къ нему пріѣхала мать всѣхъ боговъ Ангиръ-Шара-Эмэ-

гәнъ. Онъ спросилъ ее, удастся-ли ему побѣдить врага, и когда она отвѣтила, что нѣтъ, далъ ей одну изъ своихъ стрѣлъ и сказалъ:

— Слѣди за этой стрѣлой. Если я убью батура, стрѣла останется чистой и блестящей, если-же онъ меня убьетъ, наконецникъ ея заржавѣетъ. Тогда приходи опять на землю и помоги мнѣ.

Старуха взяла стрѣлу и уѣхала на небо. Наконецъ срокъ перемирія кончился, и противники опять начали бой.

Первыми тремя стрѣлами оба промахнулись, четвертой-же Хурдзынъ-батуръ разсѣкъ Ихэ-Алима пополамъ. Молодой батуръ упалъ мертвымъ.

Побѣдивъ врага, Хурдзынъ-батуръ захотѣлъ поймать его коня, но пѣгій конь обратился въ дракона и улетѣлъ на небо.

Прошло пять лѣтъ. Однажды Ангиръ-Шара-Эмэгәнъ вспомнила объ Ихэ-Алимѣ и посмотрѣла на его стрѣлу—она вся была покрыта ржавчиной. Тогда она поспѣшила къ Эрликъ-хану и спросила его, не находится-ли у него душа Ихэ-Алима. Но Эрликъ-ханъ не помнилъ, и пришлось справиться въ книгахъ. Но въ нихъ также не нашлось указаній на то, что Ихэ-Алимъ умеръ. Тогда Ангиръ-Шара-Эмэгәнъ поѣхала къ Отконъ-Тенгиру. По просьбѣ старухи небесный духъ разложилъ гаданіе и вышло, что Ихэ-Алимъ убитъ, но что и тѣло его и душу можно найти на землѣ. Послѣ гаданія и Ангиръ-Эмэгәнъ и Отконъ-Тенгиръ поѣхали на землю, гдѣ вскорѣ и нашли тѣло батура, отъ котораго къ тому времени остались однѣ кости. Старуха сложила ихъ въ порядкѣ и бросила на нихъ горсть земли—кости покрылись мясомъ и кожей. Тогда Отконъ-Тенгиръ бросилъ на мертвое тѣло горсть земли, и въ него вошла душа Ихэ-Алима. Молодой батуръ всталъ совершенно здоровый и еще болѣе красивый и сильный, чѣмъ раньше. Поблагодаривъ своихъ спасителей, Ихэ-Алимъ спросилъ тенгира, какимъ образомъ можно побѣдить Хурдзынъ-батура, и тотъ ему разсказалъ, что если уничтожить средній изъ трехъ тополей, которые стоятъ за домомъ батура, онъ умретъ, такъ какъ въ этомъ деревѣ находится его душа. Затѣмъ небесный духъ и Ангиръ-Эмэгәнъ вернулись на небо, а Ихэ-Алимъ позвалъ своего коня, который немедленно-же прилетѣлъ къ нему съ неба. Тогда онъ одной удачно пущенной стрѣлой совершенно расщепилъ средній тополь, и Хурдзынъ-батуръ, даже не раненый, умеръ въ то-же мгновеніе.

Все дальше и дальше ѣхалъ Ихэ-Алимъ и наконецъ доѣхалъ до столицы Ирбисынъ-хана. Войдя во дворецъ и придя къ самому хану, онъ сказалъ ему:

— Я Ихэ-Алимъ и пріѣхалъ, чтобы тебя убить, а твое царство и жену взять себѣ. Хочешь-ли ты драться со мной?

Ханъ принялъ вызовъ, и на слѣдующій день состоялся поединокъ на лукахъ. Первыя двѣ стрѣлы съ обѣихъ сторонъ никому не принесли вреда, третьей-же Ихэ-Алимъ перебилъ своему противнику ногу. Тогда ханъ подозвалъ его и сказалъ:

— Мужчина долженъ уважать мужчину и не мучить его, поэтому лучше убей меня сразу. За моимъ дворцомъ есть золотой ящикъ, въ которомъ запертъ золотой архаръ (горный баранъ), и въ немъ-то находится моя душа. Убей архара, и я умру.

Ихэ-Алимъ такъ и сдѣлалъ, и, какъ только онъ убилъ барана, Ирбисынъ-ханъ испустилъ духъ.

Объявивъ себя царемъ и принявъ высшихъ должностныхъ лицъ, Ихэ-Алимъ спросилъ, гдѣ находится жена умершаго хана, и когда узналъ, что за моремъ, поѣхалъ ее добывать.

Скоро онъ доѣхалъ до моря, на берегу котораго увидѣлъ пастуха, который пасъ 10,000 телятъ. Оказалось, что телята принадлежать молодой вдовѣ Ирбисынъ-хана Шурунъ-Аа и что каждый день ихъ перегоняютъ черезъ море къ дворцу хатунъ.

— Да какъ-же ты ихъ перегонаешь черезъ море?—спросилъ Ихэ-Алимъ пастуха.

— Когда настанетъ время ихъ гнать, я просто говорю морю «разступись», и оно разступается. Когда-же всѣ телята пройдутъ, оно опять сходится.

— А много-ли васъ пастуховъ?

— Кромѣ меня никого у хатунъ больше нѣтъ.

— Какъ-же ты привязываешь 10,000 телятъ?

— Зачѣмъ ихъ привязывать? Я только говорю имъ «привяжитесь», и они всѣ сами лѣзутъ въ петлю.

Узнавъ все, что ему надо было, Ихэ-Алимъ убилъ пастуха и сталъ ждать. Когда насталъ вечеръ, онъ погналъ телятъ къ морю, которому и приказалъ разступиться. Вода раздѣлилась, обнаживъ морское дно, и все стадо благополучно переправилось по этому проходу. Съ нимъ-же вмѣстѣ на другой берегъ моря перешелъ и Ихэ-Алимъ. Тутъ онъ первымъ дѣломъ приказалъ телятамъ привязать себя, и всѣ 10,000 послушно полѣзли въ петли.

Между тѣмъ настала уже ночь. Молодая царица была уже въ постели, но еще не спала. Въ темнотѣ вдругъ открылась дверь, и кто-то вошелъ.

Увѣренная, что кромѣ ея мужа или пастуха никто войти не можетъ, Шурунъ-Аа не обратила на вошедшаго никакого вниманія и только, когда онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, увидѣла, что это какой-то совершенно незнакомый мужчина. Сначала она очень испугалась, но видя, что незнакомецъ молодъ и красивъ, скоро успокоилась. Ихъ-Алимъ—это былъ онъ—разсказалъ ей, что убилъ ея мужа и что отнынѣ она будетъ его женой. Шурунъ-Аа не заявила никакого протеста, и Ихъ-Алимъ сталъ ханомъ огромнаго царства и мужемъ очень красивой женщины.

Добившись такого положенія, онъ зажилъ тихой и спокойной жизнью и видѣлъ рожденіе не только своихъ внуковъ, но и пра-пра-внуковъ.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Сказка о Бага-Алимѣ.

(Продолженіе предыдущей).

Когда старшій братъ уѣхалъ, Бага-Алиму стало скучно. Нѣсколько дней онъ ни за что не могъ приняться, но, наконецъ, рѣшилъ взять себя въ руки и жить прежней жизнью. Съ этой цѣлью онъ пошелъ на охоту. Скоро онъ дошелъ до дремучаго лѣса, въ который до тѣхъ поръ ни ему, ни его брату проникнуть не удавалось. Подойдя къ нему, онъ изъ всѣхъ силъ натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу прямо въ лѣсъ, чтобы ею проложить себѣ дорогу—и вдругъ лѣсъ загорѣлся. Долго продолжался пожаръ, и Бага-Алимъ все стоялъ и смотрѣлъ на него. Когда-же онъ окончился, онъ прошелъ впередъ, чтобы посмотреть, что стало со всѣми звѣрями, бывшими въ лѣсу. Но только обгорѣлыя кости показывали, что еще такъ недавно въ дѣвственномъ лѣсу была жизнь. Грустно стало молодцу, когда онъ понялъ ужасъ и бессмысленность этого истребленія, и онъ глубоко задумался.

Долго стоялъ онъ и очнулся только тогда, когда настала ночь. Домой возвращаться было поздно, и потому спать онъ легъ тутъ-же. И во снѣ онъ увидѣлъ, что на югѣ есть гора, на которой пасутся три гнѣдыхъ коня, увидѣлъ все то, что надо сдѣлать, чтобы поймать средняго изъ нихъ, увидѣлъ и то, что гнѣдой конь потомъ помогъ ему достать красавицу Сарынъ-Хухынъ, дочь Нарынъ-хана.

Проснувшись утромъ, Бага-Алимъ немедленно пустился на югъ. Долго шель онъ и, наконецъ, на одной изъ вершинъ Алтая увидѣлъ трехъ чудесныхъ коней. Прочтя тринадцать молитвъ и девять разъ махнувъ хадакомъ, онъ смѣло направился къ конямъ, и средній изъ нихъ безъ всякаго сопротивленія далъ себя поймать и посѣдлатъ.

Долго ѣхалъ Бага-Алимъ. Наконецъ онъ увидѣлъ черную юрту, изъ которой при его приближеніи высунулся черный Мангытъ-Хай, имѣвшій четыре клыка. Бага-Алимъ не обратилъ на него никакого вниманія и поѣхалъ дальше.

Скоро онъ опять увидѣлъ юрту, и изъ нея вышла молодая, очень красивая женщина. На ея приглашеніе зайти, Бага-Алимъ, конечно, согласился. Красавица накормила и напоила его, но затѣмъ стала просить уѣхать, такъ какъ скоро уже долженъ былъ вернуться ея мужъ Мангытъ-Хай и его друзья—медвѣдь, тигръ и левъ. Но молодецъ рѣшилъ остаться, и тогда молодая женщина спрятала его. Скоро, дѣйствительно, вернулись хозяева и сразу-же замѣтили, что въ домѣ есть посторонній. Видя, что скрывается больше нечего, Бага-Алимъ показался и, когда звѣри бросились на него, двумя ударами кулака убилъ медвѣдя и тигра, а двухъ другихъ подмялъ подъ себя и связалъ. Затѣмъ, взявъ льва за хвостъ, онъ такъ швырнулъ его о скалу, что размозжилъ ему черепъ. Мангытъ-Хай-же онъ отвелъ въ лѣсъ и тутъ сначала прибилъ его гвоздями къ дереву, а потомъ и убилъ. Вернувшись въ юрту, онъ сталъ разспрашивать хозяйку, кто она и какъ попала въ эту компанію. Красавица рассказала ему, что она дочь одного тенгира. Мангытъ-Хай укралъ ее съ неба и сдѣлалъ своей женой, и теперь она не знала, какъ благодарить своего избавителя. Она предложила ему съѣздить въ страну тенгировъ, и Бага-Алимъ согласился. Теперь, когда надо было лѣзть на небо, онъ увидѣлъ, что это не совсѣмъ легко. Тогда небесная дочь посадила его къ себѣ на плечи и благополучно донесла до дома своихъ родителей.

Старый тенгиръ страшно обрадовался, когда увидѣлъ свою дочь, которую уже считалъ погибшей. Не зная, какъ отблагодарить ея спасителя, онъ усыновилъ его и предложилъ ему любую изъ своихъ дочерей въ жены. Но Бага-Алимъ отвѣтилъ, что женится онъ только на Сарынъ-Хухынъ, дочери Нарынъ-хана. Благодарный тенгиръ взялся устроить ему это и немедленно отправилъ къ Нарынъ-хану сватовъ, а также выкупъ за его дочь—тысячу бѣлыхъ рыбъ, тысячу бѣлыхъ слоновъ и тысячу бѣлыхъ драконовъ и кромѣ того разныхъ драгоценностей для невѣсты. Такому вліятельному свату Нарынъ-ханъ не посмѣлъ отказать

и въ обмѣнъ на подарки прислалъ свою дочь. Немедленно-же началась свадьба, потому что Сарынъ-Хухынъ въ дѣйствительности была еще въ тысячу разъ прекраснѣе того, чѣмъ ее видѣлъ во снѣ Бага-Алимъ.

Три года продолжалась свадьба, три года праздника, веселья и любви, во время которыхъ молодой мужъ былъ безконечно счастливъ. Но кончились и праздники, жизнь пошла своимъ обычнымъ порядкомъ, и скоро Бага-Алимъ сталъ чувствовать, что онъ чего-то еще не сдѣлалъ. Вспомнивъ, что ему хотѣлось повидать брата, онъ въ одинъ прекрасный день обнялъ жену, объявилъ ей, что уѣзжаетъ на неопредѣленное время, и пустился на своемъ вѣрномъ конѣ въ путь по новымъ невѣдомымъ странамъ.

Однажды онъ увидѣлъ степной пожаръ. Вспомнивъ про пожаръ лѣса, онъ немедленно сталъ тушить его, и послѣ довольно большой работы это ему удалось. Сдѣлавъ это доброе дѣло, онъ уже хотѣлъ ѣхать дальше, когда услышалъ голосъ, который его звалъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ огромную змѣю, одинъ бокъ которой былъ сожженъ.

— Ты спасъ меня,—сказала змѣя:—безъ твоей помощи я бы сгорѣла. Поѣдемъ ко мнѣ, и я отплатю тебѣ за это. Не бойся меня, я не змѣя, а лусутъ.

Бага-Алимъ отвѣтилъ, что торопится, но лусутъ настаивалъ, и онъ согласился. Когда они пріѣхали, лусутъ засталъ всю свою семью въ слезахъ—злой Мангытъ-Хай недавно укралъ младшаго сына. Тяжело было отцу слышать это, но тѣмъ не менѣе онъ принялъ гостя возможно любезнѣе и, на все время его пребыванія у нихъ, отдалъ ему одну изъ своихъ дочерей. Она была молода и миловидна, и Бага-Алимъ очень пріятно провелъ съ ней нѣсколько вечеровъ. Но наконецъ ему стало стыдно наслаждаться жизнью въ то время, когда хозяинъ въ горѣ, и онъ объявилъ, что поѣдетъ освободить молодого лусута. Отецъ сталъ его отговаривать:

— Мой сынъ все равно пропалъ, такъ какъ укралъ его Адрыкъ-Шара-Мангытъ-Хай, самый сильный и свирѣпый изъ всѣхъ Мангытъ-Хаевъ. Сына моего ты не спасешь и только самъ погибнешь.

Но Бага-Алимъ уже сказалъ, что поѣдетъ, и ничего уже не могло его остановить. Попрощавшись со своими друзьями и поцѣловавъ дочь лусута, онъ уѣхалъ.

Долго ѣхалъ онъ, какъ вдругъ поднялся вихрь и вдали стало видно что-то огромное, черное. Бага-Алимъ почти наугадъ пустилъ въ это черное одну изъ своихъ стрѣлъ, и вихрь сразу прекратился. Тогда онъ различилъ Мангытъ-Хая, который, раненый въ ногу, уходилъ въ лѣсъ.

По кровавому слѣду, который оставляло чудовище, Бага-Алимъ углубился въ лѣсъ. Долго шелъ онъ этимъ слѣдомъ, цѣлыхъ три мѣсяца. Пришлось идти и лѣсомъ, и горами, и подземными ходами. Наконецъ молодой батуръ дошелъ до пещеры, которая была приспособлена для житья въ ней. Кровавый слѣдъ оканчивался около нея. Мангытъ-Хая не было видно, зато изъ пещеры вышла молодая, прелестная женщина.

Бага-Алимъ спросилъ ее, кто она и что здѣсь дѣлаетъ, и она рассказала, что она дочь Цаганъ-Тенгира, что Мангытъ-Хай укралъ ее, и что она принуждена была стать его женой. Далѣе она рассказала, что мужъ ея раненый лежитъ въ сосѣдней пещерѣ, что каждый вечеръ онъ пожираетъ двадцать барановъ и послѣ этого засыпаетъ. Во время сна изъ его ноздрей выходятъ двѣ змѣи, которыя затѣмъ играютъ. Если убить этихъ змѣй, Мангытъ-Хай умретъ.

Красавица умоляла Бага-Алима сдѣлать это, и онъ, конечно, обѣщалъ. Тогда она спрятала его, и, когда вечеромъ мужъ ея уснулъ, онъ вышелъ и прокрался въ сосѣднюю пещеру. Скоро вылѣзли и обѣ змѣи. Тогда Бага-Алимъ выхватилъ саблю, но она до того ярко блеснула, что Мангытъ-Хай проснулся и молодой батуръ только успѣлъ выскочить изъ пещеры. Мангытъ-Хай-же позвалъ свою жену и спросилъ ее, кто смѣлъ заходить къ нему; когда-же она отвѣтила, что никто не заходилъ, онъ успокоился и снова уснулъ. Тогда дочь тенгира вышла къ Бага-Алиму и сказала ему:

— Теперь его уже не убить, потому что змѣи больше не выйдутъ. Спрячься теперь въ лѣсу, а вечеромъ завтра опять приходи и снова попытайся ихъ убить.

Бага-Алимъ ушелъ и на слѣдующій вечеръ вернулся. На этотъ разъ свою саблю онъ обклеилъ лыкомъ, и, когда змѣи опять выползли, онъ однимъ ударомъ разрубилъ ихъ пополамъ. Мангытъ-Хай сразу проснулся и бросился на врага, но, такъ какъ сила его уже была убита, то Бага-Алиму уже ничего не стоило двумя ударами снести ему всѣ пятнадцать головъ.

Тогда жена чудовища рассказала, что еще въ другихъ пещерахъ подъ ними находятся много плѣнныхъ, но что ихъ стережетъ братъ ея мужа, Мангытъ-Хай о десяти головахъ. Бага-Алимъ открылъ дверь въ нижнюю пещеру, но только онъ сдѣлалъ это, какъ въ него попали три стрѣлы. Не обращая на это вниманія, онъ пошелъ дальше и скоро встрѣтилъ десятиголовое чудовище, которое онъ схватилъ голыми руками и въ одинъ мигъ связалъ. Затѣмъ онъ освободилъ массу плѣнныхъ—

тутъ были и тенгиры, и лусуты, и земные люди, и всѣхъ ихъ онъ немедленно отправилъ вонъ изъ пещеры. Но сына лусута, котораго онъ общалъ освободить, между этими плѣнными не было. Послѣ долгихъ поисковъ его, наконецъ, удалось найти въ другой пещерѣ, прибитаго гвоздями къ дереву. Онъ былъ еще живъ, и Бага-Алимъ его немедленно освободилъ, а связаннаго Мангытъ-Хая пригвоздилъ на его мѣстѣ.

Затѣмъ вмѣстѣ съ сыномъ лусута онъ пошелъ осматривать остальные пещеры, и вдругъ кто-то завалилъ за ними выходъ. Оказалось, что Мангытъ-Хай сумѣлъ освободиться и теперь отомстилъ имъ. Положеніе казалось безвыходнымъ. Но тутъ нашелся сынъ лусута.

— Я обращаюсь въ чернаго лу,—сказалъ онъ,—ты садись на меня верхомъ, а за все остальное я ручаюсь.

Но когда лусутъ принялъ видъ дракона, онъ былъ такъ ужасенъ, что Бага-Алимъ испугался и не сразу рѣшился сѣсть на него. Лусутъ пристыдилъ его и, когда онъ усѣлся, трижды заревѣлъ. Ревъ этотъ былъ до того ужасенъ, что всѣ камни обратились въ пыль, и плѣнники сразу очутились на волѣ.

Тогда они поѣхали къ старому лусуту, которой былъ безконечно счастливъ, увидя своего сына. Для Бага-Алима онъ готовъ былъ сдѣлать все, что угодно, но молодой батуръ спѣшилъ къ брату и потому уже черезъ нѣсколько дней уѣхалъ отъ своихъ друзей.

Однажды онъ убилъ двухъ горныхъ барановъ. Когда онъ ихъ обдиравъ, онъ сзади вдругъ услышалъ голосъ, который просилъ мяса. Не отвѣчая ничего, онъ обернулся и увидѣлъ старую отвратительную старуху. Бага-Алимъ сразу узналъ въ ней десятиголоватаго Мангытъ-Хая, младшаго брата Адрыкъ-Шара, и потому, не пускаясь ни въ какіе разговоры, немедленно-же и убилъ ее.

Послѣ этого онъ благополучно добрался до своего брата Ихэ-Алима, который былъ уже Ирбисынъ-ханомъ и женатымъ на прелестной Шурунъ-Аа, вдовѣ прежняго Ирбисынъ-хана. Очень весело погостивъ у нихъ нѣсколько дней, Бага-Алимъ вернулся на небо къ своему пріемному отцу тенгиру и къ прекрасной своей женѣ Сарынъ-хатунъ, и много-много лѣтъ еще, до самой своей смерти, жилъ счастливо и спокойно.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Сказка объ Эрынъ-Сайнъ-Борны-Ху-ханъ.

Однажды ханъ западной земли Эрынъ-Сайнъ-Борны-Ху былъ на охотѣ. Проѣздивъ нѣсколько часовъ, прилегъ отдохнуть, и до того онъ былъ великъ, что при этомъ тѣломъ своимъ прикрылъ сразу четыре горныхъ хребта. Такъ лежалъ ханъ и смотрѣлъ въ небеса и не могъ уснуть. Въ это время надъ нимъ пролетали два ворона, и онъ слышалъ, какъ одинъ сказалъ:

— Посмотри, товарищъ, какой тутъ лежитъ огромный и красивый человѣкъ.

— Ну, это что еще,—отвѣтилъ второй воронъ,—вотъ царь восточной земли Тыпка-Хара-ханъ тотъ и больше и красивѣе этого.

Эти слова задѣли самолюбіе Борны-Ху-хана, и на слѣдующій-же день онъ сталъ наводить справки о томъ, гдѣ живетъ Тыпка-ханъ. Опросили половину всѣхъ жителей государства, и никто изъ нихъ никогда не слышалъ о такомъ ханѣ. Опросили вторую половину, и наконецъ нашелся одинъ человѣкъ, который сумѣлъ объяснить, по какой дорогѣ къ нему надо ѣхать, но при этомъ онъ умолялъ хана остаться. Всѣ остальные подданные также стали его просить не ѣхать, но онъ уже рѣшилъ помѣриться силами со своимъ сосѣдомъ и сталъ собираться въ путь.

У него было четыре лучшихъ любимыхъ коня—гнѣдой, саврасый, соловый и бурый. Онъ спросилъ ихъ, долго-ли они пронесутъ его. Гнѣдой и саврасый отвѣтили, что будутъ служить ему, пока не сотрутся стремяна у ихъ сѣделъ. Соловый-сказалъ, что до тѣхъ поръ будетъ нести его, пока до реберъ не сотрутся его бока. Бурый конь отвѣтилъ, что выдержитъ столько-же времени, сколько и самъ ханъ.

Борны-Ху взялъ ихъ всѣхъ и въ первый день сѣлъ на саврасаго, но уже вечеромъ его пришлось бросить, такъ какъ стремяна совсѣмъ стерлись. На слѣдующій день ханъ сѣлъ на гнѣдого, но и его вечеромъ пришлось бросить. Соловый конь тоже прослужилъ не долго—уже на третій день стали видны не только его ребра, но даже и внутренности. Тогда ханъ бросилъ и его и пересѣлъ на бураго.

Безъ устали шель конь и уже три года несъ своего хозяина, когда имъ встрѣтился воронъ. Ханъ спросилъ его, кто онъ и куда летитъ, и, когда онъ отвѣтилъ, что посланъ Тыпка-Хара-ханомъ по дѣлу, убилъ его. Еще три года ѣхалъ онъ, и навстрѣчу попался ему пѣшій человѣкъ.

Онъ разскажалъ, что служить у Тыпка-хана, что до ихъ столицы осталось еще 55,000 лѣтъ ѣзды. Ханъ убилъ и его и поѣхалъ дальше. Долго онъ ѣхалъ и наконецъ встрѣтилъ всадника, который сказалъ, что до Тыпка-хана еще 2,000 лѣтъ ѣзды. Узнавъ это, Борны-Ху хотѣлъ продолжать путь, но бурый конь отказался идти дальше. Когда-же ханъ спросилъ его, что это значить, онъ сказалъ:

— Сначала убей встрѣчнаго, и тогда я пойду дальше.

Ханъ послушался, и, когда убилъ всадника, конь понесъ его дальше.

Черезъ нѣкоторое время ханъ остановился и совершенно измѣнилъ видъ свой и своего коня—оба сдѣлались маленькими и невзрачными. Скоро послѣ этого они встрѣтили какого-то начальника. Борны-Ху просилъ его сообщить, далеко-ли еще до Тыпка-хана, но встрѣчный только съ презрѣніемъ поглядѣлъ на него и отвѣтилъ только тогда, когда ханъ пригрозилъ ему саблей. Оказалось, что надо ѣхать еще двѣсти лѣтъ. Вскорѣ послѣ этого Борны-Ху увидѣлъ коралловую юрту. Войдя въ нее, онъ увидѣлъ много людей, которые не обратили на него никакого вниманія, когда-же онъ спросилъ о дорогѣ, они стали его ругать, и, только когда онъ вынулъ саблю, сказали, что ханъ ихъ живетъ въ трехъ годахъ ѣзды. Еще черезъ нѣкоторое время попалась серебряная юрта, и въ ней Борны-Ху узналъ, что путешествіе близится къ концу. Дѣйствительно, переваливъ еще черезъ три горныхъ хребта, ханъ увидѣлъ золотую юрту—дворецъ Тыпка-Хара-хана.

Привязавъ своего коня, Борны-Ху зашелъ въ нее. Во дворцѣ въ это время шелъ пиръ—Тыпка-ханъ чествовалъ Шара-Буху, небеснаго борца. Борны-Ху-ханъ усѣлся за общій столъ, но такъ какъ онъ былъ очень грязенъ, всѣ стали его ругать. На это онъ ничего не отвѣчалъ. Доложили Тыпка-хану о новомъ гостѣ, и онъ велѣлъ сварить для него внутренности ста барановъ. Но, когда это блюдо подали Борны-Ху-хану, онъ опрокинулъ его и сказалъ, что такая ѣда годится только для собакъ, но не для него. Опять доложили объ этомъ хану, и онъ велѣлъ подать гостю чай въ драгоценной чашкѣ и лучшаго мяса на золотомъ блюдѣ. Когда-же онъ пообѣдалъ, Тыпка-ханъ призвалъ его къ себѣ и спросилъ, кто онъ и зачѣмъ пріѣхалъ.

— Я Эрынъ-Сайнъ-Борны-Ху-ханъ, повелитель западной земли, и пріѣхалъ, чтобы помѣриться силами съ владѣтелемъ восточной земли Тыпка-Хара-ханомъ и или убить его, или погибнуть, — отвѣтилъ гость.

Тыпка-ханъ принялъ вызовъ, но предложилъ сначала испытать силы на скачкѣ. Борны-Ху согласился, но съ тѣмъ, чтобы состоялось это не раньше, какъ черезъ три года, потому что бурый конь за время пути все-таки довольно сильно усталъ.

Настало время скачки. Тыпка-ханъ выставилъ триста коней, одного верблюда и одного человѣка; Борны-Ху могъ выставить только своего бураго коня, да и то съ трудомъ нашелъ для него ѣздока—какого-то захудалаго мальчишку. Должны были отѣхать на три мѣсяца ѣзды и оттуда скакать ко дворцу.

Началась скачка. Скоро всѣ сильно растянулись. Далеко впереди всѣхъ бѣжалъ человѣкъ, сзади него на нѣкоторомъ разстояніи верблюдъ, потомъ триста коней Тыпка-хана и сзади всѣхъ конь Борны-Ху-хана. Но вотъ бурый конь постепенно сталъ обгонять своихъ соперниковъ. Сначала онъ обошелъ всѣхъ лошадей, потомъ верблюда и сталъ догонять и человѣка. Тутъ онъ замѣтилъ, что человѣкъ этотъ чуткуръ и что у него въ рукахъ пила, которою онъ, очевидно, собирался подрѣзывать жилы своего соперника. Тогда бурый конь на ходу схватилъ камень и, когда нагналъ чуткура, удачно бросилъ его и убилъ его наповалъ. Послѣ этого онъ, конечно, совершенно легко пришелъ первымъ.

Но Тыпка-ханъ не хотѣлъ признать себѣ побѣжденнымъ и предложилъ стрѣльбу въ цѣль изъ лука. Борны-Ху согласился, и условлено было стрѣлять съ разстоянія трехъ мѣсяцевъ ѣзды. Поставили сначала большую гору, потомъ маленькую, за ней красный камень величиной съ корову и, наконецъ, бѣлый величиной съ барана. Обѣ горы и красный камень надо было сбить совершенно и вонзить стрѣлу въ бѣлый камень. Состязаніе состоялось черезъ три года въ продолженіе которыхъ оба хана ежедневно упражнялись въ стрѣльбѣ.

Наконецъ началась стрѣльба. Три дня стрѣлялъ Тыпка-ханъ, но не могъ сбить даже и большой горы. Тогда пустилъ стрѣлу Борны-Ху-ханъ, и она, сбивъ обѣ горы и красный камень, вонзилась въ бѣлый.

Но Тыпка-ханъ опять не призналъ этой побѣды и предложилъ еще борьбу. Борну-Ху согласился, и противъ него вышло пять тысячъ борцовъ. Въ семь дней ханъ западной земли всѣхъ ихъ побѣдилъ, но противъ него тогда вышелъ небесный борецъ Шара-Буха. Трудно было бороться съ нимъ. Боролись они три дня, и наконецъ Борны-Ху вбилъ своего противника на семь саженей въ землю. Видя это, Тыпка-ханъ разсвирѣпѣлъ. Онъ толкнулъ стоявшую рядомъ чугунную телѣгу, и она разлетѣлась вдребезги. Разсердился и Борны-Ху-ханъ, топнулъ ногой и

земля въ этомъ мѣстѣ провалилась. Схватились затѣмъ оба хана и стали бороться. Долго боролись они, и, наконецъ, Тыпка-Хара-ханъ сталъ одолевать.

Въ это время тутъ стоялъ бурый конь. Видя своего господина слабѣющимъ, онъ заплакалъ. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что у Тыпка-хана не было души. Онъ сразу догадался, что душа его должна находиться на горѣ Сумбуръ-Ула, и, не теряя времени, помчался туда. Безъ особеннаго труда онъ на этой горѣ нашей золотой ящикъ, изъ ящика досталъ золотого зайца, который и былъ душой хана, проглотилъ его и поспѣшилъ назадъ.

Когда онъ прискакалъ, его хозяинъ уже совсѣмъ ослабѣвалъ, но только Тыпка-ханъ увидѣлъ его, какъ упалъ мертвымъ. Тогда Борны-Ху-ханъ схватилъ тѣло побѣжденнаго врага и перебросилъ его черезъ девять юртъ.

Затѣмъ онъ взялъ всѣхъ его подданныхъ и съ ними вернулся въ свое царство. Тутъ онъ далъ большой пиръ, который продолжался восемьдесятъ лѣтъ и во время котораго не былъ забытъ вѣрный бурый конь.

Дунсурунъ. Монг. Халха

Сказка о ханѣ, его зятѣ и птицѣ Ханъ-Гарди.

Жилъ-былъ однажды ханъ. У него было девять дочерей, девять красавицъ. Старшія восемь были серіозныя дѣвицы и согласно волѣ отца вышли замужъ за знатныхъ и умныхъ людей. Младшая-же была воплощенная легкомысленность. Она не слушала ничьихъ совѣтовъ и вмѣсто того, чтобы выйти замужъ за порядочнаго человѣка, какъ этого хотѣлъ ея отецъ, она сошлась съ какимъ-то бѣднякомъ, лѣнтяемъ и пропойцей. Дѣлалось все очень открыто, такъ что въ концѣ-концовъ, чтобы прекратить разныя толки, ханъ далъ согласіе на свадьбу. Такимъ образомъ, оборванецъ сталъ зятемъ хана, но лучше ему жить не стало, такъ какъ вмѣстѣ съ женой онъ получилъ только старую дырявую юрту. Объ этомъ молодой мужъ, впрочемъ, не особенно горевалъ—жена его была мила и весела, и онъ ее очень любилъ.

Случилось, что у хана стали пропадать чудесные жеребята. Каждый день въ ханскомъ табунѣ рождалось по жеребенку, у котораго передъ былъ серебряный, а задъ золотой, и этихъ-то жеребятъ немедленно

послѣ ихъ рожденія кто-то уносилъ. Пробовали подкараулить вора, по ночамъ около табуна въ засадѣ сидѣли караульщики, ходили и восемь старшихъ зятьевъ хана и, наконецъ, даже самъ ханъ—но жеребята продолжали исчезать, а вора никто даже не видалъ. Тогда сталъ проситься караулить и мужъ младшей дочери хана. Надъ нимъ всѣ стали смѣяться, но все-же позволили.

Утромъ, когда только начинало свѣтать, родился жеребенокъ, и почти въ это-же время появилась огромная птица Ханъ-Гарди, схватила его и взвилась къ небесамъ. Но караульщикъ не зѣвалъ. Быстро натянулъ онъ тугой лукъ и пустилъ стрѣлу. Попалъ онъ, да не совсѣмъ туда, куда хотѣлъ. Только золотой задъ жеребенка былъ отсѣченъ и упалъ обратно на землю, птица-же съ другой половиной скрылась изъ глазъ. Караульщикъ взялъ золотую часть жеребенка, отнесъ ее домой и велѣлъ женѣ спрятать, самъ-же объ этомъ хану ничего не сказалъ.

Прошло еще нѣкоторое время. Кражи продолжались, вора-же поймать все не могли. Тогда ханъ призвалъ своихъ восемь старшихъ зятьевъ и велѣлъ имъ ѣхать хотъ на край свѣта, но найти вора. Сталъ проситься и мужъ младшей дочери, но всѣ надъ нимъ стали смѣяться. Когда-же онъ настаивалъ, ему дали самую скверную, старую и лѣнивую лошадь, посѣдланную грязнымъ, сломаннымъ сѣдломъ. На это онъ ничего не сказалъ, взялъ и коня, и сѣдло, и пошелъ домой.

Призвавъ жену, онъ сказалъ ей:

— Вотъ мнѣ дали этого коня. Ёхать на немъ, конечно, нельзя. Въ полѣ я сверну ему сѣдло подъ брюхо, вымажу ноги кровью и отпущу, пусть всѣ думаютъ, что я даже и на немъ не сумѣлъ усидѣть. Затѣмъ я пересяду на хорошаго коня и уѣду. Къ тебѣ-же навѣрно будутъ приставать, будутъ смѣяться, что у тебя такой мужъ, но ты тогда покажи хану золотой задъ жеребенка, который у насъ спрятанъ, и скажи, что твой мужъ все-же сдѣлалъ больше другихъ.

Затѣмъ онъ попрощался съ женой и уѣхалъ.

Какъ онъ говорилъ, такъ все и произошло, и ханъ былъ страшно удивленъ и обрадованъ, увидя часть жеребенка. Съ этого дня онъ совершенно иначе сталъ смотрѣть на мужа своей младшей дочери.

Между тѣмъ всѣ девять зятьевъ все ѣхали и ѣхали. Уже черезъ мѣсяцъ кони восьми старшихъ устали и отказались идти, младшій-же продолжалъ свой путь.

Наконецъ, около большой горы онъ увидѣлъ одинокую юрту. Онъ зашелъ въ нее и сталъ разспрашивать старуху, которая въ ней оказалась.

Сначала старуха эта не хотѣла ему отвѣчать, и только, когда онъ угрозилъ ее убить, она рассказала ему, что въ этой юртѣ живетъ ханъ Гарди. По словамъ старухи, онъ долженъ былъ скоро жениться и уже почти собралъ весь выкупъ за невѣсту—сто жеребятъ, у которыхъ передъ серебряный, а задъ золотой. Девяносто девять онъ уже собралъ, и, если бы не какой-то злой человѣкъ, который своей стрѣлой испортилъ еще одного, у него ихъ было-бы уже сто. Затѣмъ старуха рассказала, что ханъ-Гарди, когда золь, возвращается при сильномъ вѣтрѣ и влетаетъ въ юрту черезъ верхнее дымовое отверстіе. Если-же онъ въ хорошемъ расположеніи духа, то тихо входитъ черезъ дверь.

Узнавъ все, что ему надо было, младшій зять хана ушелъ и, спрятавшись не вдалекѣ, сталъ ждать. Вдругъ поднялся вихрь, и ханъ Гарди опустился на крышу юрты, и въ это-же мгновеніе мѣткая стрѣла ханскаго зятя поразила его прямо въ сердце. Тогда ханскій зять вошелъ опять въ юрту, и по его требованію старуха указала, гдѣ спрятаны украденные жеребята. Онъ ихъ забралъ и погналъ домой. На обратномъ пути онъ встрѣтилъ остальныхъ зятьевъ хана и присоединился къ нимъ. Но, видя у него жеребятъ, родственники стали завидовать ему и рѣшили отъ него отдѣлаться. Для этого они выкопали глубокую яму, накрыли ее ковромъ и, подавая ему угощенія, предложили сѣсть на коверъ. Ничего не подозрѣвая, онъ ступилъ на него и сразу очутился въ ямѣ. Тогда родственники забрали жеребятъ и погнали ихъ домой, но тѣ не стали ихъ слушаться и всѣ разбѣжались.

Долго молодой человѣкъ сидѣлъ въ ямѣ, чуть не умеръ въ ней отъ голода, но, наконецъ, ему помогла выйти изъ нея какая-то молодая пастушка, которая услышала его крики. Поблагодаривъ свою спасительницу, онъ опять собралъ жеребятъ и на этотъ разъ уже благополучно пригналъ ихъ домой.

Ханъ былъ страшно радъ, увидя жеребятъ, но еще больше обрадовался своему зятю, котораго научился цѣнить. Не желая его огорчить, онъ простилъ всѣхъ остальныхъ своихъ зятьевъ, но богато наградилъ его самого и сдѣлалъ наиболѣе вліятельнымъ человѣкомъ въ своемъ царствѣ.

Послѣ этого младшій зять со своей красавицей-женой зажилъ спокойной и счастливой жизнью, а когда умеръ старый ханъ, наслѣдовалъ ему въ управленіи страной.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Случай съ Сономъ-Лхарамбо.

Лѣтъ двадцать тому назадъ въ одномъ изъ монастырей недалеко отъ Пекина жилъ лама по имени Сономъ. Постепенно онъ достигъ большого духовнаго сана, а, побывавъ въ Лхасѣ, вернулся изъ нея Лхарамбо, т. е. имѣя высшую степень, которую обыкновенный лама можетъ имѣть. Жилъ онъ въ своемъ монастырѣ мирно и тихо, и лучший другъ его былъ одинъ Гегэнъ.

Случилось однажды, что Лхарамбо тяжело заболѣлъ. Сорокъ дней лежалъ онъ, и за все это время другъ его Гегэнъ ни разу не пришелъ его навѣстить. Больного это очень огорчило и обидѣло, и онъ рѣшилъ ему отомстить. Для этого онъ велѣлъ себя обкурить арцой, а затѣмъ живого закопать въ землю лицомъ внизъ, и приказаніе его было исполнено. Объ этомъ, конечно, узналъ и Гегэнъ и немедленно поспѣшилъ къ могилѣ, которую и велѣлъ разрыть. Но было уже поздно.

Въ могилѣ не нашли уже Сономъ-Лхарамбо, но зато изъ нея выскочилъ огромный чуткуръ. Онъ прыгнулъ на сосѣднія горы и, стоя одной ногой на одномъ хребтѣ, а другой на другомъ, началъ хохотать. Хохотъ этотъ былъ ужасенъ. Всякій, кто слышалъ его, умиралъ, не могли даже молитвы святого Гегэна, и онъ также умеръ. Но и тогда ужасный Лхарамбо не успокоился, и цѣлыхъ три года ни одинъ человѣкъ не могъ проникнуть въ эту мѣстность—хохотъ его убивалъ всѣхъ.

Наконецъ, лѣтъ семнадцать тому назадъ побѣдить его взялся Буванъ, батуръ изъ Восточной Монголіи. Не доѣзжая до опасной мѣстности, онъ остановился, построилъ себѣ домъ и три мѣсяца читалъ святаго молитвы. По окончаніи этого срока онъ заклинаніями вызвалъ къ себѣ чуткура, который и пришелъ въ своемъ прежнемъ видѣ. Батуръ сталъ его укорять за напрасныя убійства и въ концѣ-концовъ убѣдилъ его прекратить ихъ и сдѣлаться Чойнджончи или Сахюсомъ (просвѣщенный или спаситель).

Чуткуръ сдѣлался Сахюсомъ, и ему построили новый монастырь Цаганъ-Даянчи въ одномъ изъ Харчинскихъ Хошуновъ, въ Восточной Монголіи. Теперь его зовутъ Сонухонъ-Сахюсъ, и народъ очень чтитъ его. Ежедневно къ нему приходитъ масса народа, и тѣмъ, кто вѣритъ въ него, онъ помогаетъ—больныхъ онъ излѣчиваетъ, слѣпыхъ дѣлаетъ зрячими, бѣдные послѣ его благословенія богатѣютъ—нѣтъ человѣка, которому онъ не могъ-бы помочь. Но горе тому кто не вѣритъ: какъ только

раздастся голосъ Сахюса, такой человѣкъ умираетъ. Говорить Сахюсъ только ночью, и тогда его видѣть нельзя; днемъ-же онъ молчитъ, но видѣть его можно. Видъ онъ сохранилъ чуткура—имѣетъ рога почти въ полъ-аршина и огромные клыки. Онъ живъ еще до сихъ поръ, и всякій вѣрующій человѣкъ можетъ его видѣть.

Бу-Ванъ, который его побѣдилъ, былъ большимъ батуромъ и долго служилъ Китаю, но потомъ поссорился съ Ли-Хунъ-Чаңгомъ, и теперь неизвестно, гдѣ онъ находится. Предполагаютъ только, что онъ живетъ гдѣ-то въ Россіи.

Г. Су-Чжосу. Юндунгъ лама Тангутъ.

Изъ 32-хъ сказокъ объ Арджи-Бурджи-ханѣ.

Сказки попугая.

I.

Жилъ-былъ однажды ханъ Цокто-Елгуксынъ. У этого хана была дочь, поразительная красавица Нарынъ-Гырылъ, которую онъ держалъ вдали отъ всѣхъ мужчинъ, и если кому изъ нихъ удавалось случайно взглянуть на нее, тому немедленно выкалывали глаза.

Царевна росла и была въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты и молодости, но ни разу еще не видала ни одного мужчины. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что она стала тосковать и, наконецъ, не вытерпѣвъ, стала просить отца, чтобы онъ позволилъ ей посмотреть городъ. Ханъ согласился, но приказалъ ко времени проѣзда царевны всѣхъ мужчинъ удалить изъ него, все-же, что имѣлось въ городѣ красиваго и интереснаго—разные товары, рѣдкія животныя,—все это выставить на улицахъ и площадяхъ.

Когда всѣ приготовленія были окончены, царевна со своими служанками поѣхала въ городъ. По всѣмъ улицамъ стояли женщины, и были выставлены разныя цѣнныя вещи—все лучшее, что было въ столицѣ. Но молодая царевна проѣзжала мимо и равнодушнымъ взглядомъ окидывала разряженныхъ женщинъ и богатства, которыя онѣ ей предлагали. Царевнѣ страстно хотѣлось увидѣть мужчину. Для этого она и поѣхала въ городъ, и мужчина, только мужчина могъ заинтересовать ее. И вдругъ сердце ея забилося,—она, наконецъ, увидѣла то, что такъ искала. Надъ одними изъ городскихъ воротъ, спрятавшись въ башнѣ,

находился молодой красавецъ, который жаднымъ взглядомъ слѣдилъ за ней и любовался ею. Это былъ одинъ изъ приближенныхъ хана, Сарынъ-Гырыль-тушмыль.

Увидя его, царевна подняла вверхъ одинъ палецъ, затѣмъ двумя руками сдѣлала жестъ, будто обнимаетъ, показала кулакъ, разжала его и, наконецъ, подняла два пальца и соединила ихъ.

Увидя эти жесты, особенно кулакъ, Сарынъ-Гырыль страшно испугался и безъ оглядки бросился бѣжать. Прибѣжавъ домой, онъ съ ужасомъ все рассказалъ своей женѣ и добавилъ: «теперь я погибъ, она велитъ меня казнить».

Но жена его только разсмѣялась:

— Глупый, не казнить она тебя. Развѣ ты не понимаешь, что она въ тебя влюбилась и назначила свиданіе? Одинъ поднятый палецъ означаетъ, что у одного дерева. Обнимала руками—значитъ, что мѣсто огорожено. Кулакъ сжатый и разжатый означаетъ—тамъ, гдѣ всѣ вмѣстѣ и всѣ отдѣльно—въ саду, и, наконецъ, два разрозненныхъ и потомъ соединенныхъ пальца—что тамъ вы встрѣтитесь.

Тушмыль на это объясненіе только разсердился:

— Да, я вѣроятно тебѣ надоѣлъ,—сказалъ онъ женѣ,—ты хочешь, чтобы меня казнили.

— Нѣтъ,—спокойно отвѣтила она,—царевна дала тебѣ знакъ, и теперь ты долженъ идти, если-же сегодня тебя не будетъ на указанномъ мѣстѣ, тебѣ навѣрно не миновать казни. Возьми вотъ этотъ драгоцѣнный камень и вечеромъ отправляйся въ садъ ко дворцу.

Съ этими словами она дала мужу камень.

Сарынъ-Гырыль не сталъ больше спорить и пошелъ одѣвать лучшее свое платье для свиданія съ царевной.

Вечеромъ, по указанію своей жены, онъ пробрался въ садъ и сѣлъ около указанного одинокаго дерева. Настала темная ночь, и тушмыль, уставшій за день, тихо задремалъ. Но вотъ почти неслышно подошла Нарынъ-Гырыль. Она остановилась около спящаго и залюбовалась имъ—онъ былъ дѣйствительно прекрасенъ. Жаль стало царевнѣ его будить и, положивъ около него горсть соли, она удалилась такъ-же тихо, какъ и пришла.

Утромъ Сарынъ-Гырыль проснулся, увидѣлъ около себя соль, почти не обратилъ на нее вниманія и пошелъ домой.

Жена уже ждала его и стала расспрашивать о томъ, что произошло ночью.

— Да ничего не было, только напрасно просидѣлъ всю ночь въ саду,—отвѣтилъ тушмыль.

— Не можетъ быть,—удивилась жена,—ужь не уснулъ ли ты?

— Немного подремалъ.

Тогда жена стала разспрашивать, не нашелъ-ли онъ чего-нибудь около себя, и, узнавъ, что рядомъ съ нимъ лежала соль, сказала:

— Ты просто проспалъ царевну. Если не хочешь потерять головы, сегодня опять отправляйся на прежнее мѣсто. Захвати съ собой соль и ею дѣлай, что хочешь—ѣшь, нюхай, три ею себѣ глаза, но не смѣй засыпать.

Это было сказано до того опредѣленно, что тушмыль послушался и вечеромъ опять отправился въ садъ.

На этотъ разъ онъ не уснулъ.

Въ полночь раздались легкіе шаги, и къ нему подошла красавица Нарынъ-Гырыль. При видѣ ея у Сарынъ-Гырыль пропалъ всякій страхъ за свою жизнь. Обхвативъ царевну и нашептывая ей слова любви, онъ отошелъ съ ней въ дальній темный конецъ сада.

Утромъ Зэнгъ, завѣдующій садомъ, обходя его вмѣстѣ съ садовниками, наткнулся на царевну и тушмыла, которые спали, нѣжно обнявшись. Пробужденіе ихъ было довольно непріятно—безъ всякихъ разговоровъ ихъ отвели въ тюрьму. Хану-же, который въ это время былъ въ отсутствіи, немедленно дали знать о случившемся.

Очутившись въ тюрьмѣ, царевна спросила тушмыла, какъ имъ изъ нея выбраться, но онъ только отвѣтилъ:

— Если-быя зналъ, какъ это сдѣлать, то навѣрно не сидѣлъ-бы здѣсь.

Нарынъ-Гырыль удивилась, какъ это онъ, такой глупый, могъ понять тѣ знаки, которые она ему подала въ городѣ. Тушмыль откровенно сознался, что самъ онъ ничего не понималъ, а все объяснила ему жена. Тогда царевна стала допытываться, не учила-ли она его чему-нибудь, и Сарынъ-Гырыль, наконецъ, вспомнилъ о драгоцѣнномъ камнѣ, который она ему дала. Умная царевна сейчасъ-же догадалась, что надо дѣлать. Взявъ этотъ камень, она высунулась изъ окна, подозвала первого попавшагося прохожаго и сказала ему:

— Я здѣсь все равно, что уже мертвая, драгоцѣнности мнѣ не нужны. Возьми этотъ камень себѣ и за это пойди къ дому тушмыла Сарынъ-Гырыль и три раза постучи въ ворота.

Прохожій поднялъ брошенный камень, убѣдился въ его огромной цѣнности и поспѣшилъ исполнить просьбу заключенной.

Между тѣмъ жена тушмыла начинала беспокоиться за мужа, услыхавъ-же стукъ въ ворота, она сразу сообразила, въ чемъ дѣло и что надо дѣлать.

Надѣвъ на голову густое покрывало и взявъ корзину съ фруктами, она немедленно отправилась въ тюрьму. Стражъ она объяснила:

— Мой мужъ боленъ, и ученые ламы велѣли мнѣ лично отнести эти фрукты въ тюрьму и раздать заключеннымъ. Это жертва богамъ, и они смилостивятся надъ моимъ мужемъ.

Доступъ въ тюрьму женщинамъ обыкновенно разрѣшался, и потому впустили и ее. Найдя царевну, жена тушмыла быстро помѣнялась съ ней платьемъ, и Нарынъ-Гырыль, подъ густымъ покрываломъ, никѣмъ не узнавшая, благополучно вышла изъ тюрьмы. На ея-же мѣстѣ вмѣстѣ съ Сарынъ-Гырыломъ осталась его собственная жена.

На слѣдующее утро вернулся ханъ.

Узнавъ о скверномъ поведеніи дочери, онъ былъ страшно золъ и, рѣшивъ немедленно казнить виновныхъ, прямо отправился въ тюрьму. По его приказу арестованныхъ вывели—это былъ Сарынъ-Гырыль со своей женой. Умная женщина упала передъ удивленнымъ ханомъ на колѣни и сказала:

— Великій ханъ, мы съ мужемъ гуляли у тебя въ саду и не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ. Ворота заперли, и намъ только осталось ночевать около дворца. Утромъ, когда мы еще спали, насъ нашли твои служащіе и посадили въ тюрьму. Мы очень виноваты передъ тобой, казни насъ, если хочешь.

— Мнѣ не за что наказывать супруговъ, которые любятъ другъ друга и ночуютъ вмѣстѣ,—сказалъ ханъ и потребовалъ объясненій отъ Зэнгэ, завѣдующаго садомъ. Но тотъ продолжалъ настаивать на своемъ.

— Не знаю,—говорилъ онъ,—какимъ образомъ въ тюрьмѣ очутилась жена тушмыла, когда я арестовалъ царевну. Если не вѣрите мнѣ, заставьте и ее и меня принести клятву на зернахъ ухыръ-арбай.

Зерна эти имѣли то свойство, что если на нихъ давали ложную клятву, они сразу вырастали въ корову величиной.

Ханъ согласился и для произнесенія клятвы назначилъ слѣдующее утро.

Къ тому времени жена тушмыла успѣла приготовить своего мужа. Она одѣла его въ грязныя лохмотья, вымазала лицо сажей, облила какой-то страшно вонючей жидкостью и велѣла въ толпѣ скандалить и шумѣть, чтобы обратить на себя общее вниманіе.

Настало время произнесенія клятвы. На площади собрались тысячи народа. Зэнгэ уже ждалъ. Наконецъ появилась и царевна—молодая, прекрасная и съ такимъ невиннымъ лицомъ, что вся толпа еще до клятвы повѣрила въ ея невинность. Послали за зернами ухыръ-арбай.

Въ это время Сарынъ-Гырыль сталъ протискиваться впередъ. Поднялся большой шумъ—всѣ ругались, когда мимо нихъ проходилъ вонючій оборванецъ. Самъ онъ ругался больше всѣхъ и въ концѣ концовъ обратилъ на себя общее вниманіе.

Замѣтила его и Нарынъ-Гырыль.

Принесли зерна. Царевна протянула надъ ними руку и сказала:

— Никогда я ни передъ кѣмъ виновата не была. Меня обвиняють въ скверномъ поведеніи. Теперь клянусь вамъ, что ни съ какимъ мужчиной я никогда не проводила ночи за исключеніемъ вотъ того вонючки.

Зерна послѣ этой клятвы не увеличились въ объемъ, и ханъ, не подозрѣвавшій, что вонючій и есть тушмыль, повѣрилъ въ невинность дочери.

Зэнгэ тутъ-же казнили, и дѣло тѣмъ кончилось.

Тушмыль послѣ этого счастливо женился со своей женой. Царевна же, которую ханъ пересталъ прятать отъ мужчинъ, скоро вышла замужъ за молодого и красиваго сосѣдняго хана.

Г. Дзайнъ Хурэ.

Дзайсанъ Чойнджонджабъ.

II.

Жилъ-былъ однажды могущественный царь по имени Цокто-ханъ. У него была красавица дочь Сарынъ-Гырыль. Не желая отдать ее замужъ за перваго попавшагося царевича, ханъ придумалъ слѣдующій способъ. Онъ велѣлъ вырыть большой колодець и объявилъ, что дочь его достанется тому, кто сумѣетъ своими богатствами заполнить его. Такимъ образомъ онъ провѣрялъ не только богатства жениховъ, но и ихъ умъ, потому что колодець былъ волшебный и заполнить его глупый человѣкъ никогда-бы не могъ.

Между тѣмъ слава о красотѣ царевны все росла, и скоро изъ всѣхъ странъ стали съѣзжаться царевичи и знатные богатыри, желавшіе получить ее въ жены. Но никто изъ нихъ не могъ хотя-бы только до половины наполнить колодець.

Въ то время въ одномъ изъ сосѣднихъ государствъ правилъ Цокто-Хучинъ-Цадалакчи-ханъ. Сынъ его былъ молодъ, красивъ и силенъ. Услыхавъ о красотѣ Сарынъ-Гырыль, онъ пожелалъ испытать счастья и, нагрузивъ разныхъ драгоценностей на сто слоновъ, онъ со свитой въ сто человѣкъ поѣхалъ добывать невѣсту.

Приѣхавъ въ городъ, гдѣ жила царевна, онъ прямо пошелъ къ Цокто-хану и заявилъ ему о своемъ желаніи. Ханъ, какъ и всѣмъ женихамъ, предложилъ ему сначала засыпать драгоценностями колодець, и глупый царевичъ, даже не видавъ Сарынъ-Гырыль, ссыпалъ въ него все, что было нагружено на ста слонахъ. Когда этого оказалось мало, онъ продалъ слоновъ, и вырученные за нихъ деньги тоже пошли въ колодець. Потомъ были проданы лошади, потомъ, наконецъ, вся свита, и все-же колодець не наполнялся. Наконецъ, царевичъ остался одинъ и совершенно безъ гроша. Онъ даже не имѣлъ средствъ, чтобы поѣхать, домой и долженъ былъ заняться рубкой дровъ, чтобы только какъ-нибудь существовать.

Случилось однажды, что прекрасная царевна гуляла за городомъ и встрѣтила дровосѣка, который несъ вязанку дровъ и кричалъ: «Кому нужны дрова? Купите, дешево отдаю».

Сарынъ-Гырыль обратила на него вниманіе и велѣла позвать.

— Кто ты такой?—спросила она его.—По платью и по занятію твоему можно подумать, что ты простой человѣкъ, лицо-же и руки говорятъ, что ты занималъ какое-то болѣе высокое положеніе.

Царевичъ откровенно разсказалъ ей всю свою исторію.

— Какой-же ты, царевичъ, глупый,—удивилась Сарынъ-Гырыль:—вотъ ты ссыпалъ въ колодець все свое богатство, а даже не знаешь, дѣйствительно-ли красива эта Сарынъ-Гырыль. А можетъ быть она даже вовсе и не существуетъ? Пойди ночью къ колодцу и изъ него достань хоть что-нибудь. Потомъ утромъ пойди опять къ хану и предложи всыпать еще и эти драгоценности въ колодець, но потребуй, чтобы онъ сначала показалъ тебѣ свою дочь. Вѣдь колодець волшебный и наполнится онъ только тогда, когда и душа Сарынъ-Гырыль будетъ полна отъ любви къ кому-нибудь.

Царевичъ былъ пораженъ такими словами—вѣдь онъ до этихъ поръ дѣйствительно не зналъ, правильны-ли слухи о красотѣ Сарынъ-Гырыль, и потому, конечно, исполнилъ совѣтъ красавицы.

Утромъ онъ снова пришелъ къ Цокто-хану и на этотъ разъ потребовалъ, чтобы ему показали царевну. Желаніе его было законно, и его

привели къ ней. Въ прекрасной царевнѣ онъ узналъ незнакомку, съ которой наканунѣ разговаривалъ. На этотъ разъ она показалась ему еще болѣе прекрасной, и онъ окончательно влюбился въ нее. Она-же еще съ первой встрѣчи почувствовала къ этому молодому красавцу сильную любовь, и потому, когда онъ всыпалъ въ колодець то небольшое количество денегъ, которое у него осталось, онъ сразу наполнился до краевъ.

Цокто-ханъ не могъ больше препятствовать свадьбѣ дочери, но, узнавъ, что она научила царевича какъ быть, страшно разсердился и велѣлъ ее выгнать изъ своего царства, давъ на дорогу только немного провизіи.

Долго шли молодые супруги.

Наконецъ, у нихъ осталось всего нѣсколько ценовъ (цень-12 коп.). Въ это время они подходили къ большому городу. Сарынъ-Гырылъ велѣла тогда мужу одному пойти туда и на послѣднія деньги купить шелковыхъ нитокъ девятицвѣтовъ. Когда-же онъ исполнилъ это порученіе, она въ нѣсколько часовъ вышила удивительно красивый платокъ. Затѣмъ она поручила мужу отнести его въ городъ и продать не менѣе, какъ за 500 ланъ (ланъ-10 цень).

— Только помни,—добавила она,—никому не говори, что это я вышивала, а если будутъ спрашивать, скажи, что самъ это сдѣлалъ.

Царевичъ отправился въ городъ, и ему удалось продать платокъ хану, только онъ забылъ про наставленіе жены и рассказалъ, что вышивала это она.

Ханъ былъ до того пораженъ красотой работы, что велѣлъ людямъ выслѣдить продавца и узнать, такъ-же-ли прекрасна его жена, какъ ея работа.

Между тѣмъ, когда Сарынъ-Гырылъ узнала, что мужъ ея проболтался, она горько заплакала и сказала:

— Почему ты не послушался меня? Теперь ханъ велитъ своимъ людямъ отнять меня отъ тебя. Слушай-же: когда меня уведутъ, ты все время ходи по городу, плачь и спрашивай, не видалъ-ли кто твоей сестры. Когда можно будетъ, я дамъ тебѣ знать, что надо дѣлать.

Вскорѣ послѣ этого разговора дѣйствительно пришли посланные хана. Сарынъ-Гырылъ они увели во дворець, а мужу ея велѣли убираться куда ему угодно.

Когда Сарынъ-Гырылъ привели къ хану, онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ ея красоты, что рѣшилъ немедленно-же жениться на ней. Но хитрая царевна сказала ему:

— Великій ханъ, я недостойна тебя, такъ какъ была замужемъ за человѣкомъ сквернаго происхожденія и теперь я нечистая. Подожди еще мѣсяць—за это время я успѣю очиститься, и тогда тебѣ можно будетъ жениться на мнѣ.

Ханъ согласился.

За этотъ мѣсяць Сарынъ-Гырыль нашла время написать письмо и черезъ служанку передать его человѣку, который ходилъ по городу и всѣхъ спрашивалъ, не видалъ-ли кто его сестры. Въ письмѣ было сказано, чтобы царевичъ 29-го ночью съ двумя лошадьми ждалъ около развалинъ стараго дворца.

Царевичъ такъ и сдѣлалъ, но ночью уснулъ.

Какъ разъ въ это время пришелъ воръ. Онъ уже сѣлъ на одну изъ лошадей, а другую взялъ за поводъ, когда появилась Сарынъ-Гырыль. Думая, что ее ждетъ мужъ, она, ни слова не говоря, сѣла на вторую лошадь, и оба поскакали. Только уже утромъ, когда стало свѣтать, она замѣтила свою ошибку, но бѣжать отъ вора не рѣшилась и сказала ему:

— Видно насъ съ тобой свела судьба, такъ будемъ-же теперь жить вмѣстѣ, и я буду твоей женой.

Воръ очень обрадовался, что судьба послала ему такую красавицу, и рѣшилъ уже не разставаться со своей новой женой. Къ вечеру они подъѣхали къ большой рѣкѣ, на которой былъ устроенъ паромъ. Тутъ Сарынъ-Гырыль сказала:

— Мужъ мой, я боюсь воды, боюсь утонуть. Переправься сначала одинъ, это придастъ мнѣ смѣлости.

Воръ согласился, но когда онъ высадился на другомъ берегу, царевна вскочила на коня и поскакала обратно въ городъ, гдѣ находился ея настоящій мужъ.

Подъѣхавъ къ городу, она пустила своего коня пастись, а сама, одѣвшись въ лохмотья и вымазавъ лицо сажей, пѣшкомъ пошла въ городъ. Тутъ она ходила по улицамъ и, прося милостыню, искала мужа. Наконецъ, она нашла его и вызвала за городъ. Онъ ее тотчасъ-же узналъ и по ея совѣту тоже одѣлся нищимъ.

Въ этотъ день ханъ со 100 солдатами выѣхалъ на поиски бѣжавшей Сарынъ-Гырыль. Въ городѣ онъ встрѣтилъ двухъ нищихъ, но не узналъ красавицы. Сарынъ-Гырыль, измѣнивъ голосъ, стала просить:

— Намъ нечего ѣсть, ханъ, нечего одѣтъ, помощи намъ.

Царъ пожалѣлъ бѣдныхъ нищихъ и велѣлъ дать имъ двѣ послѣданныя лошади. Ночью, когда никто не видѣлъ, бѣглецы переодѣлись въ

свое обыкновенное платье, сѣли на коней и пустились въ путь. Послѣ долгихъ странствованій они, наконецъ, достигли царства Цокто-Хучинъ-Цадалакчи-хана, гдѣ очутились въ безопасности и гдѣ, наконецъ, за жили тихой и счастливой жизнью.

Г. Дзалинь Хурэ. Дзайсанъ Чойнджонджабъ.

Изъ сказаній о Чингисъ-ханѣ.

До появленія на свѣтъ Чингиса, Монголія состояла изъ восемнадцати государствъ, которыя постоянно воевали между собой.

Въ одномъ изъ этихъ государствъ въ Алтаѣ, въ мѣстности Булогонъ-Чингылъ жилъ бѣдный, но благородный человѣкъ по имени Боро-Гыртэ-Тайджи. Онъ только тѣмъ и существовалъ, что удавалось убить на охотѣ, или поймать въ капканы—почти всегда только однѣ сѣноставки.

Однажды онъ въ одинъ день убилъ семь зайцевъ и поймалъ семьдесятъ сѣноставокъ. Обрадованный такой удачей, онъ поспѣшилъ домой и тутъ узналъ еще болѣе радостную вѣсть—у него родился сынъ. Когда черезъ три дня должны были дать мальчику имя, прилетѣла сѣрая птица, которая кричала: «чингисъ, чингисъ». Ребенку и дали такое имя.

По другой версіи Чингисъ-ханъ родился отъ тринадцатилѣтней дѣвственницы. Когда онъ появился на свѣтъ, прилетѣла птица, у которой голова была золотая, а туловище серебряное и которая кричала: «чингисъ, чингисъ». Такъ и назвали новорожденного.

Появленіе на свѣтъ будущаго повелителя Азіи произошло не такъ, какъ у всѣхъ обыкновенныхъ людей. Никакіе ни ножи, ни ножницы не въ состояніи были перерѣзать пуповину. Нашелся одинъ знахарь, который по книгамъ узналъ, что надо разбить черный камень и острымъ краемъ одного изъ осколковъ произвести операцію. Такъ и сдѣлали, и это вышло удачно.

На томъ мѣстѣ, гдѣ родился Чингисъ, теперь построена кумирня Усунъ-Дзуйла.

Время шло, и маленькій Чингисъ росъ, какъ всѣ дѣти.

Однажды четыре олѣтскихъ хана стали гадать о будущемъ, и вышло, что сынъ Боро-Гыртэ-Тайджи будетъ сѣдять въ день 40.000 пудовъ соли. Ханы рѣшили, что это навѣрно какой-нибудь нечистый духъ, и послали людей, чтобы его убить. Но Тайджи узналъ объ этомъ и вмѣстѣ

съ сыномъ бѣжалъ. Оставилъ онъ его въ лѣсахъ, на вершинѣ Керулэна, гдѣ мальчикъ и росъ до тринадцати лѣтъ.

Все это время онъ ни разу не говорилъ, только игралъ самодѣльнымъ оружіемъ. Когда ему исполнилось тринадцать лѣтъ, онъ сказалъ: «теперь я поѣду домой»,—сѣлъ на коня и уѣхалъ.

Здѣсь онъ продолжалъ свои военныя игры, но уже не одинъ, а вмѣстѣ со своимъ одинадцати-лѣтнимъ братомъ Хавоть-Хасаромъ. Часто ихъ можно было видѣть стрѣляющими изъ луковъ или строящими крѣпости. Всѣ дивились ихъ знанію военного дѣла, и скоро слава о нихъ прошла по всей Монгольской землѣ. Встревоженные ханы всѣхъ восемнадцати государствъ собрались и опять стали гадать. Вышло, что всѣмъ будетъ плохо отъ дѣтей Боро-Гыртэ-Тайджи. Тогда ханы начали съ братьями войну. Тѣ уже успѣли приготовиться и надѣлали массу стрѣлъ изъ карагая. Война продолжалась пять лѣтъ, и братья побѣдили. Въ войскахъ восемнадцати хановъ слабые люди были перебиты, а сильныхъ и молодыхъ Чингисъ бралъ себѣ.

Когда эта война была окончена, братья напали на Китай, который они хотя и побѣдили, но подчинить себѣ не могли.

Изъ Китая они возвращались мимо горы Шанага, на которой жила злая колдунья Харальчи-Хара-Эмэгэнъ. Тутъ на братьевъ напало ея войско, но Чингисъ-ханъ безъ особаго труда уничтожилъ его. Оставалась еще колдунья. Взялся ее убить Хавоть-Хасаръ. Полъ-дня онъ натягивалъ лукъ и, наконецъ, пронзилъ стрѣлою сердце колдуньи. Однако передъ смертью она успѣла сказать: «у карагая пусть корни будутъ слабы, у Хавоть-Хасара пусть не будетъ потомства».

И дѣйствительно, у карагая, котораго колдунья прокляла за то, что изъ него была сдѣлана стрѣла, убившая ее, корни теперь настолько слабы, что дерево это валится отъ всякаго, даже не особенно сильнаго вѣтра. Хавоть-Хасаръ умеръ, не оставивъ потомства.

По другой версіи случай съ колдуньей произошелъ значительно позднѣе.

У Чингисъ-хана было семь дочерей, которыхъ онъ держалъ очень строго, и никому изъ мужчинъ, даже родственникамъ, не было позволено входить къ нимъ. Но, несмотря на всѣ мѣры, средняя изъ царевенъ готовилась стать матерью. На разспросы, кто-же отецъ будущаго ребенка, она отвѣтила, что не знаетъ, такъ какъ только одинъ разъ, да и то издали видѣла своего дядю Хавоть-Хасара. Чингисъ-ханъ не повѣрилъ ей и велѣлъ бросить Хавоть-Хасара въ колодець.

Прошло много лѣтъ. Чингисъ-ханъ давно уже умеръ и былъ похороненъ въ Ордосѣ, и къ гробу его приставлена стража въ 500 воиновъ.

Воины эти почти всѣ женились, и постепенно число ихъ такъ увеличилось, что имъ стало тѣсно; увеличить-же ихъ кочевья имъ не позволяла злая колдунья Харальчи-Хара-Эмэгэнъ, жившая на горѣ Монынъ-Ула. Стали искать человѣка, который-бы могъ ее убить, но такого не нашли. Вспомнили тогда о Хавотъ-Хасарѣ и пошли посмотрѣть, что съ нимъ случилось въ колодцѣ. Онъ былъ еще живъ, но когда его попросили убить колдунью, онъ сказалъ:

— Я долго былъ въ колодцѣ безъ движенія и очень ослабъ. Сварите мнѣ супъ изъ 100 черныхъ барановъ, и, когда я его съѣмъ, я можетъ быть опять стану силенъ и сумѣю ее убить.

Желаніе его исполнили, и, когда онъ съѣлъ супъ, къ нему дѣйствительно вернулась его прежняя сила. Тогда онъ подошелъ къ колдуньѣ и убилъ ее, когда она черпала чай изъ чаши. Падая, она уронила ложку и успѣла сказать:

— Отъ Хавотъ-Хасара не будетъ потомства, 100 черныхъ барановъ никогда не достигнуть числа 100.

Послѣднее заклітіе исполнилось—у Хавотъ-Хасара не было потомства, и во всей Монголіи теперь не набрать сотни черныхъ барановъ.

Въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ упала ложка, она разсѣкла гору, и разсѣлина эта видна и до сихъ поръ.

Теперешніе князья Восточной Монголіи (Приманчжурской) ведутъ свой родъ отъ Хавотъ-Хасара. Кто правъ, они или легенда, не знаю.

Покончивъ со злой колдуньей, Чингисъ-ханъ уже одинъ пошелъ со своими войсками противъ Андулма-хана, Мангытъ-Хая о тринадцати головахъ. При разставаніи съ братомъ къ ногамъ Чингисъ-хана съ неба упала стрѣла. Взявъ ее, ханъ поѣхалъ и цѣлыхъ три года воевалъ съ Мангытъ-Хаемъ. Войско его онъ скоро побѣдилъ, но съ нимъ самимъ онъ долго не могъ покончить. Тогда онъ къ своей стрѣлѣ привязалъ письмо съ просьбой отвѣтить, кто-же наконецъ побѣдитъ, и выстрѣлилъ ею въ небо. Съ неба ему прислали знамя и дали силу шестидесяти драконовъ, и тогда онъ, наконецъ, побѣдилъ Андулма-хана.

Знамя и стрѣла, полученные Чингисъ-ханомъ съ неба, находятся теперь въ Ордосѣ при его могилѣ.

Покончивъ съ этимъ врагомъ, Чингисъ-ханъ вернулся домой. Въ это время ему было 27 лѣтъ. Тутъ онъ женился на Го-Мергэнъ-хатунъ

изъ Халхи и зажилъ спокойной жизнью, задавая пиры и собирая вокругъ себя храбрыхъ людей.

Однажды царица видѣла сонъ, что доить коровъ, квасить молоко и дѣлаетъ водку. Проснувшись, она не знала, какъ ей поступить, но прилетѣла кукушка, которая объяснила ей, какъ изъ молока гнать араку, и съ тѣхъ поръ монголы, когда у нихъ только есть молоко, дѣлаютъ водку; а въ честь кукушки, которая ихъ этому научила, выкурка ея происходитъ въ то время, когда въ лѣсахъ раздается кукованіе. Кромѣ водки во времена Чингисъ-хана монголы научились ѣсть хлѣбъ, который онъ имъ привезъ изъ Китая.

Устроивъ немного свое царство, Чингисъ-ханъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Хавотъ-Хасаромъ на крылатыхъ лошадяхъ отправился въ Россію, откуда вернулся съ новой женой Эрденинъ-Цицикъ.

Женъ у него потомъ было еще нѣсколько, сыновей же всего пять.

Когда старшему изъ нихъ было пятнадцать лѣтъ, младшая изъ царицъ однажды поймала его въ комнатѣ своей служанки. Когда объ этомъ узналъ Чингисъ-ханъ, онъ страшно разсердился, обрилъ сыну голову и прогналъ его вмѣстѣ съ младшей хатунъ и ея служанкой. Уходя, хатунъ взяла только чаны для дѣланья айрана (въ родѣ простокваши). Пришли они на западъ, гдѣ отъ нихъ произошли киргизы и татары, которые, какъ и младшій сынъ Чингисъ-хана, бреютъ себѣ головы и дѣлаютъ айранъ. Послѣ изгнанія провинившихся, Чингисъ-ханъ поселился въ Хангаѣ, но тутъ выяснилось, что айранъ у монголовъ сталъ плохъ. Тогда ханъ послалъ пятерыхъ стариковъ къ своей младшей женѣ, и они привезли обратно чаны, которые она съ собой увезла. Послѣ этого айранъ у монголовъ опять сталъ хорошъ.

Проживъ нѣкоторое время въ Хангаѣ, Чингисъ взялъ всѣхъ своихъ младшихъ женъ и дѣтей и поѣхалъ на Желтую рѣку и тамъ въ мѣстности Боро-Тохой построилъ крѣпость и городъ. Тутъ, когда ему исполнилось 33 года, ему съ неба пришло приказаніе сдѣлаться ханомъ.

39-ти лѣтъ Чингисъ-ханъ поѣхалъ въ Хангай, чтобы повидать свою старшую жену. Еще въ Гоби его встрѣтилъ младшій изъ четырехъ сыновей. За такую предупредительность Чингисъ далъ ему имя Сайнъ-Нойонъ (хорошій начальникъ), подарилъ ему степи и верблюдовъ, но предсказалъ, что потомки его будутъ мошенники. Около дома хана встрѣтилъ его третій сынъ, который девять разъ поклонился ему. За такую почтительность отецъ далъ ему имя Дзасакту-ханъ. Двухъ старшихъ сыновей Чингисъ-ханъ нашелъ въ домѣ. Второму изъ нихъ онъ подарилъ весь

Хангай и имя ему далъ Тушету-ханъ. Старшій-же пока остался безъ имени.

Однажды изъ Боро-Тохой пришло извѣстіе, что мохнатые китайцы начали войну. Ханъ собралъ тогда своихъ четырехъ сыновей и спросилъ ихъ мнѣніе насчетъ того, какъ успокоить китайцевъ. Три младшихъ ничего не могли отвѣтить, старшій-же сказалъ: «надо дать монголамъ чины и почетъ, а китайцамъ знанія и работу, тогда войнъ больше не будетъ».

За этотъ совѣтъ отецъ далъ ему имя Сэцэнъ-ханъ (Сайнъ-Нойонъ Дзасакту, Тушету и Сэцэнъ-ханы—четыре хана теперешней Халхи).

Рѣшивъ, что надо дѣлать, Чингисъ-ханъ отправился на войну. Война эта продолжалась очень долго, такъ какъ китайцы, не надѣясь побѣдить, признали себя подданными одного Мангынть-Хая (Змѣй Горынычъ). Одно время Чингисъ-ханъ даже отчаявался въ возможности побѣдить, но на продолженіи войны настаивалъ Хавотъ-Хасаръ. Наконецъ, въ поединкѣ, который продолжался три года, Чингисъ-ханъ убилъ Мангынть-Хая, и тогда пять самыхъ сильныхъ китайскихъ провинцій подчинились ему. Остальные восемь, напуганные пораженіями, также поспѣшили подчиниться. Но все-же въ Китаѣ было много недовольныхъ, которые собрали войско и начали возстаніе. Чингисъ-ханъ безъ войскъ съ однимъ только Хавотъ-Хасаромъ и собаками Асаръ и Васаръ разбилъ ихъ и уничтожилъ.

Послѣ этого онъ опять собралъ свои войска и пошелъ противъ Тибета, гдѣ въ то время царствовалъ Нерандзанъ-ханъ (Срондзон-гамбо). У этого хана были двѣ собаки, которыя никогда не выли, и вдругъ онѣ подняли вой. Обезпокоенный ханъ обратился за объясненіемъ къ двумъ хубилганамъ (святые перерожденцы), и тѣ объяснили, что противъ Тибета идетъ Чингисъ-ханъ, котораго лучше всего встрѣтить съ почетомъ. Тогда ханъ послалъ ему навстрѣчу свое войско, въ которомъ было больше людей, чѣмъ волосъ на трехъ коняхъ. На верховьяхъ Желтой рѣки войско это встрѣтило монголовъ, но Чингисъ-ханъ не понялъ, что оно его встрѣчаетъ, какъ друга, и всѣхъ перебилъ. Тогда Нерандзанъ-ханъ взялъ двухъ своихъ женъ и пѣшкомъ пошелъ навстрѣчу побѣдителю. Чингисъ-ханъ принялъ его хорошо и сказалъ:

— Я согласенъ быть твоимъ другомъ, и пусть боги у насъ будутъ одни и тѣ-же.

Съ тѣхъ поръ въ Монголію и проникъ ламаизмъ (по исторіи значительно позднѣе).

Изъ Тибета Чингисъ-ханъ поѣхалъ воевать съ Балбу (Индія) и, подчинивъ ихъ, обратился на Бэбу (Хоразмъ).

Побѣдивъ и ихъ, онъ пошелъ на олѣтовъ, у которыхъ въ то время ханъ былъ хромой и кривой. Война съ ними продолжалась очень долго, но, наконецъ, они были побѣждены и признали надъ собой власть Чингисъ-хана. Подчинился также и олѣтскій богатырь Тамерланъ. *)

Послѣ этихъ войнъ Чингисъ-ханъ нѣкоторое время жилъ дома и большую часть своего времени проводилъ, охотясь на всякаго звѣря.

Однажды зимой онъ ранилъ зайца, и на снѣгу осталось большое кровавое пятно. Цвѣтъ крови на снѣгу очень понравился хану, и онъ пожелалъ имѣть жену, у которой щеки были такого-же цвѣта. Но нигдѣ въ его царствѣ не могли найти такой женщины или дѣвицы. Нашелся, наконецъ, одинъ человѣкъ, который сказалъ, что такія щеки имѣетъ жена Шодурго-Тулгынъ-хана, могущественнаго владѣтеля Боро-Хото (черезъ его царство протекала рѣка Эцзинъ-Голь).

Шодурго-Тулгынъ былъ большой знахарь. У него былъ бѣлый верблюдъ и желтая собака, которые своимъ крикомъ и воемъ всегда предупреждали о близкой опасности. Кромѣ того у него была книга, по которой онъ всегда могъ узнать будущее.

Это все было извѣстно Чингисъ-хану. Собравъ войско, онъ собрался въ путь, но когда настало время выступить, онъ приказалъ разсѣдлать. На слѣдующій день войско его опять посѣдлало коней, и опять онъ отмѣнилъ выступленіе. Такъ продолжалось три года, и ежедневно Чингисъ-ханъ готовился выступить въ походъ.

Между тѣмъ уже съ перваго дня приготовленія монголовъ, верблюдъ и собака Шодурго-Тулгынъ-хана поднимали ревъ. Ханъ посмотрѣлъ въ книгу—и въ ней была предсказана бѣда. Но проходили дни и мѣсяцы, животныя ежедневно ревѣли, книга предсказывала несчастье—а оно все не наступало. Черезъ три года Шодурго-Тулгынъ-ханъ, наконецъ, разсердился и убилъ животныхъ, а книгу свою сжегъ.

Этого только и ждалъ Чингисъ-ханъ и, наконецъ, дѣйствительно выступилъ. Съ нимъ-же поѣхала его старшая жена. Во время похода онъ съ царицей три дня отдыхалъ около одной горки, которая теперь называется Хатунъ-Судылъ (тронъ царицы). Гора эта находится въ южной части княжества Ламынъ-Гегэна.

Наконецъ, Чингисъ подошелъ къ горѣ Арба-Гурбанъ-Харуна, за которой находится столица Шодурго-Тулгынъ-хана. Гору эту пере-

---

*) Во время Чингисъ-хана въ Хоразмѣ существовалъ знаменитый богатырь Тимуръ-Маликъ, можетъ быть это и есть названный выше Тамерланъ.

сѣкають четырнадцать ущелій. Въ тринадцати изъ нихъ стояли сильныя отряды, и Чингисъ-ханъ не пошелъ на нихъ, а приказалъ своимъ людямъ вырубить непроходимый лѣсъ, росшій въ четырнадцатомъ. Въ одну ночь весь лѣсъ былъ вырубленъ, и уже къ утру монголы появились передъ непріятельской столицей.

Шодурго-Тулгынъ и его жена были взяты въ плѣнъ и приведены къ побѣдителю.

Жена побѣжденнаго хана, Уланъ-хатунъ, была дѣйствительно прекрасна, и щеки ея были цвѣта окровавленнаго снѣга. Чингисъ-ханъ объявилъ ей, что беретъ ее себѣ въ жены, а мужу ея сказалъ, чтобы онъ приготовился къ смерти.

Шодурго-Тулгынъ подчинился первому желанію побѣдителя, но просилъ оставить ему жизнь.

— Оставь мнѣ жизнь, — сказалъ онъ, — и я достану тебѣ съ неба звѣзды Мичить (плеяды), и въ твоемъ царствѣ никогда не будетъ мороза. Еще я достану тебѣ съ неба вечернюю звѣзду, и у тебя никогда не будетъ враговъ. Я научу тебя изъ всякаго сухого дерева добывать воду и изъ желѣза огонь.

Но Чингисъ-ханъ отвѣтилъ:

— Если не будетъ мороза, нельзя будетъ вывязывать коней (монгольскій способъ тренировки). Если не будетъ враговъ, не будетъ больше и войны и станетъ скучно. Если мои люди будутъ умѣть добывать воду изъ сухого дерева, они не захотятъ больше воевать и разбѣгутся. Вотъ добыванію огня изъ желѣза, пожалуй, научи.

И Шодурго-Тулгынъ-ханъ научилъ монголовъ добывать огонь, ударяя кремьнь о сталь.

Затѣмъ онъ задумался и сказалъ:

— Все-же тебѣ очень хочется меня убить. Что-же, убей. Но только возьми мою саблю и ею махни только по воздуху, этого будетъ достаточно.

Чингисъ-ханъ взялъ его саблю, но подумалъ, что все-же вѣрнѣе будетъ рубнуть, какъ слѣдуетъ, и такъ и сдѣлалъ; но только эфесъ остался въ рукахъ Чингисъ-хана, клинокъ же отлетѣлъ далеко-далеко и упалъ на Русской землѣ.

И оттого теперь у русскихъ сталь хороша, у монголовъ-же плохая.

Убивъ мужа, Чингисъ-ханъ взялъ его жену и пустился въ обратный путь. На третій день на берегу Желтой рѣки хатунъ стала охорашиваться и причесываться, и Чингисъ-ханъ невольно подумалъ о непостоянствѣ

женщинъ: «вѣдь только 3 дня тому назадъ я убилъ ея мужа, а она уже теперь только и думаетъ о томъ, какъ-бы мнѣ больше понравиться».

Но царица, которая была шулма, причесываясь, спрятала въ волосахъ небольшой, но острый, какъ бритва, ножъ, ночью-же, оставшись въ палаткѣ вдвоемъ съ ханомъ, она выбрала моментъ, когда тотъ уснулъ, и кастрировала его. Выскочивъ затѣмъ изъ палатки, она бросилась въ рѣку и утонула.

И теперь въ память о ней монголы зовутъ Желтую рѣку Хатунэ-Голь.

Чингисъ-ханъ, хотя и оправился отъ своей раны, но вернуться домой уже не могъ: то передъ нимъ вставали непроходимыя горы, то безводныя степи, то въ войскѣ его открывались болѣзни и начинался падежъ скота—ездѣ появлялись непреодолимыя преграды. Если-же онъ шелъ куда-нибудь въ другую сторону, ему вездѣ была удача. И ханъ до конца своей жизни все шелъ и шелъ, воюя и разбивая своихъ враговъ.

Однажды въ Ордосѣ онъ пришелъ въ мѣстность, гдѣ совершенно не было воды. Люди и животныя умирали отъ жажды. Особенно страдали собаки, которыхъ въ монгольскомъ войскѣ было очень много. По приказанію хана, одинъ знахарь по имени Юло-Дарма вырылъ 108 колодцевъ глубиною 100—200 сажень. Колодцы эти существуютъ до сихъ поръ и называются Олонъ-Нохой (много собакъ), или Дзу-Наймонъ-Худукъ (108 колодцевъ). Гора-же, на которой была устроена мастерская Юло-Дарма (тоже въ Ордосѣ), теперь называется Урундуши.

Вскорѣ послѣ этого Чингисъ-ханъ умеръ. Передъ смертію онъ велѣлъ къ гробу не допускать ни одной женщины, и это приказаніе исполняется до сихъ поръ. Тѣ женщины, которыя хотятъ просить у него чего-нибудь, останавливаются саженьхъ въ 200 отъ могилы и оттуда молятся ему. Къ гробу также не допускаются люди, одѣтые въ ламское платье, и имъ, для того чтобы поклониться великому хану, приходится одѣваться, какъ обыкновеннымъ мірянамъ.

Чингисъ-ханъ передъ смертію обѣщалъ встать изъ гроба черезъ 1000 лѣтъ и опять сдѣлать монголовъ великимъ народомъ.

Могилу хана были приставлены охранять 500 воиновъ подъ начальствомъ Дархатъ-Вана. Отъ нихъ произошли семь хошуновъ Ордоса (ордо—могила). Потомки Дархатъ-Вана, образующіе Дархатъ-Аймакъ, до сихъ поръ пользуются большими правами, и даже при пріѣздѣ въ Пекинъ начальнику этого Аймака оказываютъ царскія почести.

Въ войскѣ Чингисъ-хана было двѣнадцать знаменитыхъ богатырей, но они большей частью погибли во время войнъ. Главнымъ-же помощникомъ Чингисъ-хана былъ его братъ Хавотъ-Хасаръ. Онъ былъ даже храбрѣе и сильнѣе самого хана, но это былъ человѣкъ простой, способный только драться и потому до конца своей жизни остался вторымъ.

Дунсурунъ и Юндунгъ.

Покореніе Китая монголами.

800 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ Китаемъ правилъ Чинъ-Су-ханъ. У хана былъ знахарь по имени Джанъ-Тэнъ-Сэ, который даже умѣлъ подниматься на небо, на солнце и на луну. Однажды онъ на себѣ поднялся на небо Чинъ-Су-хана и, хотя они оттуда немедленно были изгнаны Хормусто-тенгиромъ, но все-же ханъ успѣлъ на сѣверѣ увидѣть огромное монгольское войско. Поэтому, спустившись на землю, онъ немедленно отдалъ приказъ построить вдоль всей границы государства высокую стѣну. Къ постройкѣ этой стѣны (Великая Китайская стѣна) немедленно приступили и, такъ какъ хану въ это время помогали 361 тенгиръ, то уже черезъ годъ она была почти окончена.

Но въ это время ханъ встрѣтилъ молодую женщину поразительной красоты, которую звали Мунъ-Джанъ-Нуй. Воспылавъ къ ней страстью, онъ отправилъ своего батура Лу-Джана убить мужа красавицы. а ее привести во дворецъ.

Батуръ добросовѣстно убилъ мужа, но самъ былъ до того восхищенъ красотой Мунъ-Джанъ-Нуй, что оставилъ ее у себя. Красавица не сопротивлялась, но просила разрѣшенія сначала принести жертву. Этой жертвой долженъ былъ служить шелковый халатъ, на которомъ она вышиетъ девять драконовъ и который потомъ слѣдовало поднести хану. Лу-Джанъ согласился, и хитрая Мунъ-Джанъ-Нуй стала вышивать халатъ, но не шелковый, а бумажный. Когда онъ былъ оконченъ, она поручила батуру отнести его къ хану. Тотъ такъ и сдѣлалъ, но ханъ страшно разсердился на то, что ему смѣютъ поднести такую дрянъ. Лу-Джанъ оправдывался, говоря, что его жена вышила шелковый. Чтобы разобрать все дѣло, ханъ велѣлъ ему привести жену.

На этотъ разъ Лу-Джанъ не посмѣлъ ослушаться. Когда ханъ увидѣлъ красавицу и понялъ, что батуръ хотѣлъ его обмануть, онъ пришелъ въ страшную ярость и велѣлъ его немедленно казнить.

Приказаніе было исполнено, тѣло-же казненнаго Лу-Джана положили подъ строящуюся Великую стѣну.

Послѣ казни ханъ хотѣлъ немедленно-же жениться на Мунъ-Джанъ-Нуй, но она попросила его отсрочить свадьбу, чтобы ей можно было сначала помолиться за душу своихъ первыхъ двухъ мужей. Влюбленный ханъ, хотя и безъ удовольствія, но согласился на это.

Тогда Мунъ-Джанъ-Нуй попросила, чтобы достали тѣло Лу-Джана и положили его въ ящикъ, одна изъ маленькихъ стѣнокъ котораго была бы выше противоположной. Ханъ исполнилъ и это ея желаніе, хотя для того, чтобы найти тѣло батура, пришлось разломать стѣну на протяженіи 20 верстъ. Тѣло было положено въ ящикъ (съ тѣхъ поръ китайцы хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ) и, по приказанію Мунъ-Джанъ-Нуй, спущено въ море. Затѣмъ она велѣла всѣмъ отойти, такъ какъ она собиралась принести жертвы богамъ, но вмѣсто этого она сама бросилась въ море и утонула.

Ханъ немедленно послалъ людей, чтобы выловить хотя-бы только ея тѣло, но Арьябало (одинъ изъ боговъ) бросилъ въ море скалу, которая прикрыла и красавицу и гробъ батура. Скала эта существуетъ и до сихъ поръ около Шанхая и называется Джунъ-Санъ.

Но ханъ все-же хотѣлъ достать тѣло красавицы. Для этого онъ приказалъ своему войску осушить море. Работы по постройкѣ стѣны прекратились, такъ какъ всѣ, кто только могъ, были заняты отводомъ воды изъ моря. Нѣкоторые рыли каналы, другіе черпали воду ведрами, третьи просто пили воду, четвертые опускали въ море раскаленное желѣзо. Работа подвигалась, и уровень воды уже довольно замѣтно понизился.

Это очень встревожило всѣхъ духовъ, и повелители неба (Хормусто-ханъ), воды (Лусунъ-ханъ) и земли (Цаганъ-Эбугунъ) стали совѣтоваться, какъ-бы помѣшать китайцамъ въ ихъ работѣ. Хотѣли отдать Китай монголамъ, но противъ такого рѣшенія возстали 361 тенгиръ, которые были на сторонѣ Чинъ-Су-хана.

Помогла младшая дочь водяного хана, Эрденинъ-Цицикъ. Отпросившись у отца на три мѣсяца на землю, она предстала передъ Чинъ-Су-ханомъ въ видѣ дѣвицы, еще болѣе прекрасной, чѣмъ была Мунъ-Джанъ-Нуй. На его вопросъ, кто она, Эрденинъ-Цицикъ отвѣтила, что она Мунъ-Джанъ-Нуй, которая вернулась къ нему, потому что убѣдилась, что онъ ее дѣйствительно любитъ.

Восторгъ хана трудно описать. Скоро состоялась свадьба, и, благодаря этому, 100 небесныхъ духовъ, покровителей Китая, отвернулись отъ него, и монголы стали готовиться къ войнѣ.

Прошло три мѣсяца. Дочери лусута слѣдовало-бы вернуться къ отцу, но она уже ожидала ребенка. Тогда отецъ прислалъ ей письмо, въ которомъ приказывалъ сначала на землѣ дожидаться рожденія ребенка и тогда уже вернуться въ море. Наконецъ, родился мальчикъ, котораго назвали Ба-Ванъ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ и черезъ семь дней онъ уже бѣгалъ, какъ семилѣтній ребенокъ. Мать-же до того его любила, что совсѣмъ и перестала думать о возвращеніи къ своему отцу.

Тогда повелители духовъ опять устроили совѣтъ, и Цаганъ-Эбугунъ предложилъ послать своего стараго тигра, чтобы тотъ выкралъ царевича. Такъ и сдѣлали, и тогда Эрденинъ-Цицикъ вернулась къ отцу. Ба-Ванъ-же былъ вскормленъ и воспитанъ тигромъ и со временемъ сталъ знаменитымъ батуромъ.

Вскорѣ послѣ ухода Эрденинъ-Цицикъ, знахарь Джанъ-Тэнъ-Сэ предсказалъ хану, что на Китай готовятся напасть дикіе монголы въ кожаныхъ шубахъ и войлочныхъ шапкахъ. «Берегись, ханъ,—говорилъ онъ,—когда они придутъ, плохо будетъ». Но ханъ только посмѣялся и назвалъ знахаря старымъ дуракомъ: какъ могли монголы проникнуть въ Китай, когда вдоль границы была стѣна, охраняемая сильнымъ войскомъ? Старога знахаря такое недовѣріе очень обидѣло, и онъ уѣхалъ изъ столицы, чтобы мирно докончить свою жизнь въ деревнѣ.

Между тѣмъ монголы подъ предводительствомъ Чингисъ-хана уже подходили къ границамъ Китая.

Чингисъ-ханъ намѣтилъ перейти Великую стѣну около города Дэ-Тунъ. Когда монгольское войско, состоявшее всего изъ 500 чело-вѣкъ, подошло къ стѣнѣ, Хавотъ-Хасаръ одной богатырски пущенной стрѣлой разрушилъ ее на большомъ протяженіи. Монголы ворвались въ Китай.

Тутъ ихъ встрѣтилъ Чинъ-Су-ханъ съ 80.000 войскомъ, но и этой большой силой ему не удалось задержать монголовъ. По словамъ историка, «какъ вѣтеръ разноситъ сухой бараній пометъ, такъ летѣли китайскія головы подъ ударами воиновъ Чингиса».

Почти одинъ Чинъ-Су-ханъ бѣжалъ пѣшкомъ въ городъ Хулынъ-Санъ, гдѣ до конца своей жизни былъ уличнымъ разносчикомъ.

Китай-же, оставшись безъ войска и даже безъ хана, подчинился побѣдителю. Это произошло 13-го числа, 5-ой луны.

Принявъ китайцевъ въ свое подданство, Чингисъ-ханъ созвалъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ изъ 13-ти покоренныхъ провинцій и черезъ нихъ далъ всей странѣ свои законы. Кромѣ того, за то, что они благо-разумно подчинились ему, онъ далъ имъ три награды; за то-же, что они все-таки пытались сопротивляться, онъ назначилъ имъ три наказанія.

Награды были слѣдующія:

1) Всѣмъ мужчинамъ онъ далъ косы, что очень обрадовало китайцевъ, такъ какъ до того они ходили лохматыми.

2) Позволилъ мужчинамъ ѣздить верхомъ на лошадяхъ. До него-же они могли ѣздить только на ослахъ.

3) Далъ чиновникамъ знаки отличія—джинсы (шарики на шапкахъ).

Женщинамъ наградъ онъ не далъ, и потому онѣ до сихъ поръ продолжаютъ калѣчить себѣ ноги.

Наказанія были:

1) Всякому новорожденному мальчику-китайцу отрубали большой палецъ правой руки, чтобы лишить его возможности потомъ стрѣлять изъ лука.

2) Все населеніе было раздѣлено на группы по 10 семействъ, которымъ запрещено было не только видѣться, но и писать другъ другу. Для наблюденія надъ каждой группой былъ поставленъ одинъ монголь, котораго называли Да (отецъ).

3) Передъ свадьбой каждая китайская дѣвушка-невѣста должна была на трое сутокъ предоставить себя въ полное распоряженіе Да. Кромѣ того Да имѣлъ право въ продолженіе 10 дней пользоваться любой изъ подчиненныхъ ему китайнокъ.

Устроивъ такимъ образомъ дикій до того Китай, Чингисъ-ханъ отправился воевать съ Шодурго-Тулгынъ-ханомъ.

г. Су-Чжоу. Юндунгъ лама Тангутъ.

О происхожденіи бо (шаманы).

Перваго бо звали Даинъ-Дэрихэ. Жилъ онъ въ мѣстности Напчинъ-Бумбарай, на верховьяхъ Желтой рѣки. Силу свою онъ получилъ отъ духовъ, и ему помогали безразлично и земные, и небесные, и чистые, и нечистые.

Однажды онъ сталъ играть въ карты съ Далай-Ламой. Игра продолжалась три года, и, когда подсчитали результаты ея, оказалось, что бо

проигралъ такъ много, что не въ состояніи заплатить. Начался споръ, который перешелъ на тему о томъ, кто изъ ихъ сильнѣе. Рѣшили испытать свои силы—кто изъ двухъ въ одну ночь отниметъ у смерти больше жизней. Если-бы слабѣйшимъ оказался Даинь-Дѣрихэ, онъ навсегда подчинился-бы Далай-Ламѣ, если-бы оказался болѣе сильнымъ, онъ-бы этимъ отыгралъ весь свой карточный долгъ.

Къ слѣдующему утру Далай-Лама спасъ 1000 человѣкъ, а Даинь-Дѣрихэ 1300.

Тогда Далай-Лама сказалъ ему:

— Я вижу, что ты хорошій человѣкъ. Поѣзжай въ Монголію, тамъ такіе люди, какъ ты, нужны.

Бо не сталъ спорить, взялъ свои принадлежности, сѣлъ на коня и поѣхалъ.

Въ мѣстности Алыкъ-Тѣга онъ остановился отдохнуть. Было очень жарко, а тѣни никакой. Тогда онъ взялъ половину своего барабана, повѣсилъ его на воздухъ и укрылся въ его тѣни. Уѣзжая, онъ забылъ взять повѣшенную на воздухъ половину барабана и остался поэтому съ неполнымъ барабаномъ, какъ-бы съ бубномъ. Оттого теперь у всѣхъ бо не барабаны, а бубны.

Въ Монголію Даинь-Дѣрихэ пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда Чингисъ-ханъ справлялъ свадьбу одной изъ своихъ дочерей съ Хэнтэ-ханомъ.

Узнавъ, что пріѣхалъ знаменитый бо, ханъ велѣлъ его пригласить во дворецъ. Даинь-Дѣрихэ отказался, говоря, что онъ торопится, но послѣ второго приглашенія все-же заѣхалъ. Напившись чаю, онъ однако сталъ собираться въ путь, но Чингисъ-ханъ сталъ его удерживать. Тогда бо заявилъ, что долженъ сходить напоить своего коня, такъ какъ поручить этого никому не можетъ въ виду того, что конь посвященъ одному духу.

Возвращаясь съ водопоя, онъ во дворѣ увидѣлъ невѣсту, и должно быть она ему очень понравилась, такъ какъ онъ схватилъ ее, посадилъ къ себѣ на сѣдло и поскакалъ. Царевна не сопротивлялась. Это произошло на глазахъ у многихъ людей и было немедленно доложено хану, который, не теряя времени, пустился за нимъ въ погоню.

Когда бо услышалъ, что его настигаютъ, онъ бросилъ сначала свою чашку, потомъ четки и наконецъ юрту. Мѣстности по брошеннымъ имъ вещамъ называются теперь Аикъ-Харула, Эриха-Харула и Гыры-Харула. Потомъ онъ перескочилъ черезъ нѣсколько горъ, но наконецъ былъ

настигнуть Чингисъ-ханомъ около перевала Урмогайты (Урмукты) въ Алтаѣ.

Тогда онъ обратился въ каменный столбъ, царевна-же убѣждала на гору Дэрхинъ-Агуй, на которой спряталась въ расщелинѣ и также окаменѣла. Видны только остались ея груди, изъ которыхъ потекли источники, образовавшіе озеро Цегенъ-Нуръ.

Окаменѣвшаго бо Чингисъ-ханъ пытался убить—нѣсколько разъ рубилъ ему голову, но мечъ его только тупился. Пробовалъ повѣсить его, но арканъ, накинутый на Даинъ-Дэрихэ, каждый разъ обрывался. Тогда бо сказалъ ему:

— Не убивай меня, и я буду тебѣ всегда помогать.

Ханъ пощадилъ его, взявъ съ него обѣщаніе, что всѣ силы онъ употребить на призваніе помощи духовъ на монголовъ. Даинъ-Дэрихэ обѣщаль не только свою помощь, но и помощь подчиненныхъ ему десяти знахарей Дошкотъ и сдержалъ свое обѣщаніе, несмотря на то, что былъ каменнымъ столбомъ.

Отъ Даина-Дэрихэ произошли бо, вызывающіе нечистую силу, отъ десяти Дошкотъ—вызывающіе небесныхъ духовъ.

Окаменѣвшаго Даина-Дэрихэ можно и теперь еще видѣть около озера Цегенъ-Нуръ (теперь Даинъ-Нуръ въ Алтаѣ подъ переваломъ Урмогайты). Онъ пользуется большимъ почетомъ, и къ нему ежегодно для поклоненія пріѣзжаютъ шаманы изъ разныхъ мѣстностей.

Отъ дочери Чингисъ-хана произошли два источника, имѣющіе цѣлебное свойство, и къ нимъ стекается масса народу. Больные отъ купанья выздоравливаютъ, бездѣтныя получаютъ дѣтей. До самой царевны добраться невозможно, она заключена въ отвѣсной скалѣ, и потому люди сдѣлали каменное ея изображеніе, которому поклоняются и приносятъ жертвы. Это изображеніе ея стоитъ также на берегу озера Даинъ-Нуръ, около сараевъ Бійскихъ купцовъ. Окаменѣвшій-же Даинъ-Дэрихэ находится на противоположномъ берегу озера.

Послѣ Даина-Дэрихэ во время Чингисъ-хана въ Алтаѣ жилъ еще одинъ большой бо, у котораго было девять бѣлыхъ коней и девять бѣлыхъ шубъ *). Жилъ онъ въ пещерѣ, и теперь ежегодно въ эту пещеру ѣздятъ девять бо на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлыхъ шубахъ, молятся ему и приносятъ жертвы.

Дунсурунъ. Монг. Хлаха.

*) Не историческій-ли это шаманъ Гекчи?

О происхожденіи манчжуровъ.

Извѣстно, что послѣднимъ монгольскимъ ханомъ былъ Тогонъ-Тумуръ. При немъ Китай все еще управлялся монголами по законамъ, даннымъ Чингисъ-ханомъ (см. стр. 117).

Долго терпѣли китайцы, но наконецъ наиболѣе энергичные изъ нихъ рѣшили попытаться сбросить съ себя чужое иго. Такъ какъ всякія личныя сношенія между собой китайцамъ были строго запрещены, они воспользовались правомъ посылать другъ другу подарки и, вкладывая въ сладкія лепешки свои письма, сговорились насчетъ одновременнаго возстанія.

Въ назначенный день во всемъ Китаѣ въ каждой группѣ былъ убитъ наблюдавшій за ней монголъ, а затѣмъ возставшіе быстро соединились и образовали грозное войско. Предводителемъ этого войска единодушно былъ избранъ Джу-Хан-У. Онъ не сталъ терять времени и немедленно повелъ войско на городъ Нанджинъ-Хото, столицу Тогонъ-Тумуръ-хана.

Монголы едва не были захвачены врасплохъ и только успѣли запереть городскія ворота. Джу-Хан-У осадилъ Нанджинъ-Хото. Крѣпость не была подготовлена къ защитѣ, и Тогонъ-Тумуръ обратился къ одному изъ своихъ приближенныхъ, Цокто-Мергэнъ-тушмылу, съ просьбой помочь хотя-бы только совѣтомъ. Тушмылъ вспомнилъ о подземномъ ходѣ, который оканчивался далеко въ полѣ.

Ночью, взявъ свою старшую жену, Цокто-Мергэна и царскую печать, Тогонъ-Тумуръ по подземному ходу бѣжалъ изъ своей столицы. Младшую-же свою жену, которая со дня на день ожидала ребенка, онъ принужденъ былъ оставить въ городѣ.

Утромъ китайцы пошли на приступъ и городъ палъ. Первымъ дѣломъ побѣдители бросились во дворецъ, чтобы убить хана. Не найдя его, Джу-Хан-У немедленно собралъ отрядъ и самъ пустился преслѣдовать Тогонъ-Тумура.

Между тѣмъ монгольскій ханъ остановился отдохнуть. Это было около озера Тэрхэинъ-Цаганъ-Нуръ въ Хангаѣ. При этомъ онъ свою печать поставилъ на камень, и на этомъ камнѣ получилось изображеніе государственнаго клейма. Знакъ этотъ существуетъ и до сихъ поръ. Отдохнувъ немного, Тогонъ-Тумуръ поѣхалъ дальше, и неизвѣстно, что стало потомъ и съ нимъ самимъ, и съ царской печатью.

Китайцы, добравшись до озера Тэрхэинъ-Нуръ, нашли оттискъ царской печати, срисовали ее и вернулись назадъ, прекративъ преслѣдованіе.

Между тѣмъ молодая хатунъ, оставленная мужемъ въ Нанджинъ-Хото, все время молилась за то, чтобы въ будущемъ ея ребенку ничего сквернаго не сдѣлали. Когда-же къ городу подѣхалъ Джу-Хан-У, она вышла къ нему навстрѣчу и низко поклонилась. Джу-Хан-У былъ тронутъ ея покорностью и не только пощадилъ ее, но даже женился на ней, несмотря на то, что китайцы требовали ея казни.

Вскорѣ послѣ этого Джу-Хан-У былъ избранъ Богдо-ханомъ Китая.

Со времени бѣгства Тогонъ-Тумура прошло 14-ть мѣсяцевъ, и только тогда молодая царица родила сына, котораго носила 23 мѣсяца. Китайскіе сановники стали требовать его смерти, такъ какъ, говорили они, онъ монголъ. Но ханъ заступился за сына своей жены, признавъ его своимъ собственнымъ. Призвали знахаря, и тотъ, давъ ребенку имя Джинъ-Тайши, предсказалъ ему великое счастье.

Черезъ годъ у хана отъ той-же жены родился еще сынъ, и призванный знахаръ далъ ему имя Гунъ-Тайши и счастья предсказалъ меньше, чѣмъ первому ребенку.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Царица тяжело заболѣла и, чувствуя приближеніе смерти, призвала Джинъ-Тайши. Она дала ему два письма, велѣвъ прочесть одно только тогда, когда ему станетъ очень плохо. Другое-же—когда ему будетъ очень хорошо. Вскорѣ послѣ этого она умерла.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Сыновья хана подросли и стали уже мужественными юношами.

Однажды Джу-Хан-У увидѣлъ сонъ: боролись два дракона, черно-пестрый и желто-пестрый, и побѣдилъ первый. Затѣмъ они пришли и сѣли къ нему на колѣни—черно-пестрый на правое, желто-пестрый на лѣвое. Проснувшись, ханъ велѣлъ позвать знахаря и спросилъ его, что означаетъ этотъ сонъ; но знахаръ только отвѣтилъ, что черезъ нѣсколько дней онъ самъ узнаетъ значеніе сна.

Вскорѣ послѣ этого царевичи какъ-то поспорили и пришли къ отцу жаловаться другъ на друга. Тутъ они опять заспорили, и Джинъ-Тайши даже ударилъ брата. Этимъ случаемъ воспользовались китайскіе сановники, чтобы требовать смерти старшаго царевича. «Уже по тому, какъ онъ себя ведетъ,—говорили они,—видно, что онъ не китаецъ, а монголъ».

Джу-Хан-У опять отказался его казнить, но долженъ былъ, наконецъ, согласиться на ссылку. Джинъ-Тайши было велѣно идти, куда онъ желаетъ, но во всякомъ случаѣ возможно дальше, и дали ему для этого 1,000 воиновъ съ оружіемъ и лошадьми, но безъ обоза и провизіи.

Когда все это стало извѣстно Джинъ-Тайши, онъ прочелъ первое письмо матери. Въ немъ было только сказано: «Возьми съ собой Уха-Вана». Уха-Ванъ былъ старый тушмыль Тогонъ-Тумуръ-хана, единственный изъ близкихъ ему людей, оставшійся въ живыхъ. Пощадили его китайцы изъ-за его старости, и ко времени ссылки Джинъ-Тайши ему было уже за 100 лѣтъ.

Когда царевичъ попросилъ, чтобы съ нимъ отпустили старика, китайцы воспротивились, но императоръ опять принялъ его сторону.

Въ назначенный день Джинъ-Тайши выступилъ со своими людьми. Шли наугадъ, такъ какъ имъ все равно было куда идти. Когда они вышли изъ города, надъ ними появилась цѣлая стая синихъ птичекъ, которая и сопровождала имъ во все время ихъ странствованія.

На первомъ ночлегѣ Джинъ-Тайши задумался: людямъ нечего было ѣсть. Правда, вблизи были жители, у которыхъ можно было-бы купить что угодно, но денегъ не было, а грабить своихъ-же царевичъ не хотѣлъ. Обратился онъ за совѣтомъ къ Уха-Вану, но тотъ только сказалъ: «Ты моложе меня и навѣрно лучше знаешь, какъ надо поступить». Тогда царевичъ рѣшилъ попытаться настрѣлять синихъ птичекъ, которыя кружились надъ нимъ. Онъ выстрѣлилъ вверхъ, и на землю упала стрѣла съ нанизаннымъ на нее кускомъ серебра въ 50 ланъ. Убилъ еще одну птичку—и опять стрѣла вернулась съ серебромъ. Каждый день потомъ стрѣляли по 2—3 птички, и отрядъ всегда былъ сытъ.

Наконецъ, Джинъ-Тайши со своими людьми подошелъ къ рѣкѣ Хатунэ-Голь (Желтая), но переправиться черезъ нее было невозможно, такъ какъ всѣ паромы и лодки были уничтожены китайцами, которые хотѣли ему сдѣлать непріятность.

Дѣло было лѣтомъ. Отрядъ расположился на берегу рѣки. Рано утромъ слѣдующаго дня царевичъ послалъ одного изъ своихъ воиновъ посмотреть, не замерзла-ли рѣка. Посланный вернулся съ извѣстіемъ, что вода течетъ попрежнему, и за это извѣстіе ему снесли голову.

Каждое утро затѣмъ Джинъ-Тайши посылалъ кого-нибудь посмотреть, не замерзла-ли рѣка, и всѣмъ рубилъ головы, такъ какъ они говорили, что льда еще нѣтъ.

На восьмой день посланный даже не пошелъ посмотреть рѣку, а прямо доложилъ, что она замерзла—вѣдь онъ зналъ, что казни ему все равно не миновать.

Царевичъ приказалъ сдѣлать и, когда войско подошло къ самой рѣкѣ, спросилъ посланнаго, гдѣ-же ледъ. Тотъ, зная, что головы не

снести, крикнулъ: «вотъ здѣсь» и, стегнувъ коня, бросился въ воду. Но совершилось чудо—лошадь прошла черезъ всю рѣку, какъ будто по льду. Обернувшись, воинъ увидѣлъ, что съ неба на рѣку спустился золотой мостъ, по которому весь отрядъ и переправился. Когда всѣ перешли, мостъ опять поднялся на небо.

Переправившись черезъ рѣку, Джинъ-Тайши двинулся дальше.

Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, онъ пришелъ къ одному постоянному двору, называвшемуся Нанлай-Ху, но не остановился около него, а прошелъ немного дальше. Только уже остановившись на ночь, замѣтили, что синія птички, до того вездѣ слѣдовавшія за отрядомъ, исчезли.

Тогда царевичъ поѣхалъ обратно, но нигдѣ ихъ не нашелъ. Зато въ Нанлай-Ху его встрѣтилъ всадникъ на ворономъ конѣ, одѣтый во все черное, съ чернымъ лукомъ, стрѣлами и копьемъ, и у котораго только перья на шлемѣ были красныя. Воинъ спросилъ его, кого онъ ищетъ, и, когда Джинъ-Тайши рассказалъ ему про птичекъ, которыя пропали, взялъ у него лукъ и стрѣлы. Одну стрѣлу онъ пустилъ вверхъ, другія четыре въ разныя стороны и велѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упала первая стрѣла, построить дворецъ, тамъ-же, гдѣ упали остальные четыре, построить крѣпостныя башни. Затѣмъ онъ отдалъ ему свое копье и сказалъ, что если когда-нибудь онъ будетъ въ чемъ-нибудь нуждаться, ему надо будетъ только воткнуть его въ землю, и онъ немедленно получитъ все нужное.

Сказавъ это, всадникъ исчезъ, а Джинъ-Тайши поспѣшилъ къ своимъ людямъ.

Первымъ дѣломъ онъ о своей встрѣчѣ рассказалъ Уха-Вану, и тотъ посоветовалъ прочесть второе письмо матери.

Въ немъ было слѣдующее: «Своими молитвами я выпросила тебѣ помощь Хормусто-Тенгира. Это онъ дастъ тебѣ чудесныхъ птичекъ, устроить мостъ черезъ Хатунэ-Голь и, наконецъ, самъ явится тебѣ въ видѣ чернаго всадника. Тамъ, гдѣ онъ укажетъ тебѣ, построй городъ, это будетъ столица великаго государства. Заведи изображеніе бога Дзанданъ-Джу, главнымъ-же ламой имѣй у себя Джанджа-Гегэна».

Джинъ-Тайши, конечно, исполнилъ все, что было сказано въ письмѣ. Къ постройкѣ города было немедленно приступлено, и это и есть теперешній Пекинъ.

Когда онъ былъ выстроенъ, царевичъ написалъ письмо Хормусто-хану, въ которомъ просилъ его помощи для того, чтобы сдѣлать изо-

браженіе Дзанданъ-Джу. Хормусто-ханъ прислалъ ему пять небесныхъ мастеровъ, которые должны были срисовать портретъ съ Богдо-Гегэна. Но перерожденецъ былъ такъ свѣтелъ, что даже небесные мастера не могли на него смотрѣть. Тогда онъ сѣлъ на берегу моря, и мастера срисовали его портретъ по отраженію его въ водѣ. На свѣтъ, исходившій отъ бога, изъ моря собрались всѣ рыбы, всѣ звѣри и букашки, и оттого теперь Дзанданъ-Джу рисуютъ окруженнымъ разными рыбами и водными животными.

Получивъ изображеніе бога, Джинъ-Тайши вызвалъ къ себѣ Джанджа-Гегэна, который былъ перерожденіемъ хатунъ, его матери.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Въ Пекинъ пришла вѣсть о смерти стараго Богдо-хана Джу-Хан-У, и Джинъ-Тайши немедленно-же собрался въ путь, чтобы, по китайскому обычаю, поклониться гробу отца. Когда-же братъ его Гунъ-Тайши узналъ о его приближеніи, онъ страшно испугался, сознавая, что въ ссылкѣ брата была большая доля его собственной вины. Поэтому, не ожидая его пріѣзда, онъ отравился.

Оставшись единственнымъ членомъ царскаго рода, Джинъ-Тайши взялъ царскую печать и сталъ Богдо-ханомъ всего объединеннаго Китая.

Отъ него пошли Манчжу, т. е. метисы, потому что онъ былъ не чистокровный китаецъ. Монголы-же считаютъ его своимъ, такъ какъ онъ былъ сыномъ Тогонъ-Тумуръ-хана, и даже до сихъ поръ они считаютъ всѣхъ манчжуровъ монголами.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Какъ произошла Халха.

Однажды у тибетскаго хана Тэкчинъ-Хорло-Джурбы-Джалбо чѣмъ-то сильно провинился одинъ изъ его приближенныхъ Улимджитъ-тушмыль, который самъ и заявилъ о своей винѣ. Ханъ его любилъ и рѣшилъ не наказывать, но Улимджитъ настаивалъ на этомъ:

— Я виноватъ передъ тобой, для примѣра другимъ ты долженъ меня наказать. Если казнить меня ты не хочешь, то долженъ хотя-бы сослать куда-нибудь.

Ханъ долго противился, но, наконецъ, согласился на изгнаніе. Улимджитъ тушмылу онъ далъ 2,000 человекъ и отправилъ за границу своего царства.

Тушмыль со своими людьми поѣхалъ въ лодкахъ. Добравшись по рѣкѣ Кобдынъ-Хара-Усу (теперь Хара-Усу называется озеро около города Кобдо) до мѣстности Хаптакъ-Байтакъ въ Алтаѣ, изгнанники высадились. Скота у нихъ не было, и для существованія они должны были заняться грабежомъ. Постепенно они до того привыкли къ этому, что разбой сталъ ихъ главнымъ занятіемъ. Они совершали дальніе набѣги, убивали людей, угоняли скотъ, разоряли и жгли города.

Это, наконецъ, обратило на себя вниманіе манчжурскаго хана, и онъ послалъ къ нимъ одного знахаря, чтобы тотъ высмотрѣлъ ихъ слабую сторону, для того чтобы можно было ихъ потомъ покорить. Вернувшись въ Пекинъ, знахарь доложилъ, что пока у нихъ находится гора Хутухта-Ула съ ними невозможно справиться.

Тогда къ разбойникамъ поѣхалъ самъ Богдо-ханъ. Его приняли очень хорошо и даже не отказали, когда онъ попросилъ подарить ему гору. Вернувшись домой, Богдо-ханъ послалъ массу своихъ людей, которые подрыли гору и сразу, на тысячахъ повозокъ, перевезли ее въ Пекинъ. Теперь на всей равнинѣ, окружающей столицу Китая, есть только одна гора—это и есть привезенная изъ Монголіи Хутухта-Ула.

Послѣ этого манчжурскій ханъ послалъ Улимджиту приглашеніе переселиться со своими людьми въ теперешнюю Халху. Начальникъ разбойниковъ отправилъ сначала своихъ четырехъ сыновей, чтобы они осмотрѣли мѣста и ознакомились съ китайскими порядками.

Когда они пріѣхали въ Пекинъ, ихъ повели во дворецъ. У входа они остановились въ смущеніи, но второй изъ нихъ быстро оправился и, сказавъ «идемъ», первый вошелъ во дворецъ.

Принялъ ихъ самъ Богдо-ханъ. Подали угощеніе—горячее молоко въ чашкахъ, которыя нельзя было поставить на столъ, такъ какъ онѣ имѣли форму яицъ. Горячія чашки жгли руки гостей, а императоръ въ это время, чтобы еще болѣе затруднить ихъ положеніе, сталъ ихъ угощать табакомъ. Нашелся младшій изъ братьевъ—на столѣ онъ кольцомъ свернулъ свои четки и на нихъ поставилъ чашку. Братъ послѣдовали его примѣру.

Затѣмъ Богдо-ханъ поднесъ каждому изъ нихъ по шапкѣ съ рубиновыми шариками (высшій знакъ отличія въ Китаѣ) и павлиньими перьями. Три старшихъ брата одѣли ихъ, младшій-же сорвалъ павлиньи перья и не хотѣлъ одѣть шапки. Наконецъ, братья уговорили его, и онъ одѣлъ ее.

Павлиньи перья, по понятіямъ монголовъ, похожи на ножи, и онъ не хотѣлъ одѣть шапку, чтобы надъ монгольской головой не имѣть китайскаго ножа.

Еще императоръ подарилъ имъ четки. Три старшихъ одѣли ихъ на шею, младшій-же сунулъ ихъ за голенище, такъ какъ не хотѣлъ на свою шею одѣть китайскую веревку, хотя-бы на ней были нанизаны четки, но опять братья уговорили его, и онъ одѣлъ ихъ на шею.

Послѣ этого императоръ опять предложилъ имъ переселиться въ среднюю Монголію, и они согласились. Вернувшись домой, они обо всемъ доложили отцу, и онъ, собравъ своихъ людей, перекочевалъ на новыя мѣста и образовалъ теперешнюю Халху.

Но не все люди Улимджита пожелали подчиниться Китаю: часть ихъ ушла на сѣверъ, и это и есть буряты.

Отъ четырехъ сыновей Улимджита пошло дѣленіе Халхи на четыре аймака(аймакъ—родъ). Старшій названъ былъ Тушэту-ханъ (что значитъ—старшій). Второй получилъ имя Дзасакту-ханъ (отъ слова дзасакъ, начальникъ), такъ какъ когда они у дворца замялись, онъ первый напелся и сказалъ: «идемъ». Третій все время молчалъ, и онъ Сайнь-Нойонъ (хорошій начальникъ). Младшій-же названъ былъ Сэценъ-ханъ, т. е. умный, потому что онъ догадался поставить чашку на четки.

Теперь монголы часто жалѣютъ, что старшіе братья уговорили младшаго одѣть и шапку съ павлиньими перьями и четки. Если-бы этого не было, не было-бы у нихъ теперь постоянно китайскаго ножа надъ головой, и не были-бы монголы запутаны китайской петлей.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Борьба джунгаровъ съ Халха.

Много лѣтъ назадъ въ царствѣ олѣтовъ (джунгаровъ) жилъ одинъ человѣкъ по имени Галданъ-Бошоктай. Онъ предпринялъ путешествіе въ Тибетъ, гдѣ и научился всеѣмъ наукамъ и премудростямъ. Домой онъ не вернулся, а въ Тибетѣ-же былъ назначенъ настоятелемъ монастыря Ганданъ-Туби.

Въ его отсутствіи у него сбѣжала молодая кобылица, которая прибѣжала въ Халху и присоединилась къ одному тауну въ хошунѣ Цэ-Вана. Прошло еще года четыре. Однажды сыну Галдана-Бошоктай по дѣламъ пришлось проѣзжать черезъ хошунъ Цэ-Вана, и тутъ онъ, совер-

шенно неожиданно для себя, узналъ свою пропавшую лошадь. Тогда онъ потребовалъ ея возвращенія, хозяинъ табуна отказался, заспорили и произошла драка, во время которой сынъ Галдана-Бошоктай былъ убитъ. Бывшіе при этомъ олѣты взяли его тѣло и отвезли его матери.

Та немедленно-же написала о случившемся отцу въ Тибетъ, вызывая его назадъ, но онъ не повѣрилъ и не пріѣхалъ. Еще два раза писала она ему, но онъ все не пріѣзжалъ. Тогда мать отрѣзала у трупа сына голову и подъ видомъ посылки отправила ее мужу.

Галданъ-Бошоктай очень обрадовался посылкѣ и созвалъ своихъ друзей, чтобы вмѣстѣ съ ними вскрыть ее и отпраздновать полученіе подарка. Въ посылкѣ сначала оказались хадаки (шелковые шарфы), потомъ письмо жены и, наконецъ, голова сына. Галданъ-Бошоктай пришелъ въ страшную ярость и поклялся уничтожить всю Халху.

Уѣзжая, онъ передалъ свою власть Далай-Ламѣ, и тотъ на прощаніе сказалъ ему: «старайся въ каждомъ бою поставить вверхъ ногами семь убитыхъ враговъ, тогда ты побѣдишь».

Въ тѣ времена ставили одинъ трупъ вверхъ ногами надъ каждой пирамидой въ 10.000 убитыхъ враговъ.

Вернувшись домой, Галданъ-Бошоктай немедленно-же собралъ большое войско и началъ войну.

Сначала она была очень удачна для олѣтовъ, и побѣдители дошли до монастыря Эрдени-Цзу, гдѣ въ то время жилъ богъ Гомбо-Гуръ. У бога были свирѣпыя собаки Асаръ и Васаръ. Галданъ-Бошоктай отстрѣлилъ одной изъ нихъ лапу, а затѣмъ обратилъ ихъ въ каменныхъ львовъ. Львы эти и до сихъ поръ стоятъ въ Эрдени-Цзу, и у одной изъ нихъ только 3 лапы. Войдя въ кумирню, Галданъ-Бошоктай захотѣлъ снять съ бога большой рубинъ, но тотъ его предупредилъ, чтобы онъ лучше этого не дѣлалъ. Галданъ-Бошоктай не послушался и замахнулся уже саблей, чтобы отрубить драгоцѣнный камень, какъ рѣка Орхонъ сразу разлилась и затопила все олѣтское войско. Спаслись всего нѣсколько человѣкъ, которые вмѣстѣ со своимъ начальникомъ были въ Эрдени-Цзу.

Галданъ-Бошоктай принужденъ былъ вернуться домой, гдѣ опять сталъ собирать войско.

Орхонъ-же послѣ гибели олѣтскаго войска сталъ мутный.

Скоро олѣты опять появились въ Халхѣ, и опять имъ вездѣ сопутствовала удача. Но какъ ни были удачны бои для олѣтовъ, все-же и они очень пострадали, и Галданъ Бошоктай приказалъ отступить,

чтобы потомъ, опять собравшись съ силами, окончательно уничтожить монголовъ Халха.

На обратномъ пути въ Алтаѣ предводитель олѣтовъ нашелъ брошеннаго мальчика и взялъ его съ собой. Это и былъ знаменитый впоследствии Бувэ-Хатунъ-батуръ.

Мальчикъ росъ и развивался страшно быстро. Уже семи лѣтъ онъ поражалъ всѣхъ своимъ умомъ. Объ этомъ узналъ олѣтскій ханъ и, боясь, что онъ впоследствии можетъ быть опаснымъ, послалъ 500 воиновъ, чтобы его убить.

Объ этомъ узналъ старый пастухъ. Ночью онъ посѣдлалъ коня, посадилъ на него мальчика и велѣлъ спасаться. Бувэ-Хатунъ удалось спастись. Онъ перевалилъ черезъ Алтай, проѣхалъ Хангай, переправился черезъ Толу и остановился только на вершинѣ Кэрулэна у горы Хэнтэ-Ханъ. Тамъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ и постепенно собиралъ себѣ войско.

Дѣло шло плохо, черезъ нѣсколько лѣтъ у него было всего 50 человекъ. Тогда онъ поѣхалъ въ Пекинъ и, представившись императору, просилъ у него вооруженія на своихъ 500 человекъ и вспомогательное китайское войско для войны съ олѣтами. Богдо-ханъ далъ оружіе и отрядъ въ 500 человекъ, ему-же самому кромѣ того пожаловалъ званіе Бэйлэ.

Вернувшись изъ Пекина, батуръ оставилъ своихъ людей дома, а съ китайцами пошелъ противъ олѣтовъ.

Подойдя къ рѣкѣ Кобдо, онъ на другомъ берегу ея увидѣлъ 30.000-ное олѣтское войско, начальникомъ котораго былъ Хара-батуръ. Рѣка Кобдо въ то время была широка и глубока, и переправиться черезъ нее не было возможности. Тогда на берегу ея Бувэ-Хатунъ поставилъ свое знамя и около него зажегъ благовонныя свѣчи. Трижды затѣмъ поклонившись знамени, онъ трижды взмахнулъ саблей, и рѣка обмелѣла настолько, что ее вездѣ можно было перейти. Батуръ со своимъ войскамъ быстро переправился и напалъ на олѣтовъ, которые не ожидали нападенія. Всѣ 30.000 были перебиты, спасся только Хара-батуръ, который бѣжалъ съ 70 верблюдами въ Алтай.

Перейдя черезъ перевалъ Шердэктынъ-Дава, Хара-батуръ положилъ своихъ верблюдовъ, нацѣпилъ свое золотое ружье на перевалъ и сталъ ждать.

Бувэ-Хатунъ преслѣдовалъ его одинъ. Подойдя къ Шердэктынъ-Дава, онъ не пошелъ черезъ перевалъ, а взялъ другую, кружную тро-

пинку и вышелъ такъ, что Хара-батуръ его не замѣтилъ. Выстрѣливъ изъ лука, онъ ранилъ олѣтскаго батура въ животъ, и у того кишки вывалились наружу. Когда затѣмъ Бувэ-Хатунъ подошелъ къ раненому, тотъ держалъ ихъ въ рукахъ.

— Къ вечеру, когда на небѣ загорятся звѣзды, я умру, — сказалъ Хара-батуръ: — тебѣ я отдаю свое золотое ружье и верблюдовъ, но лучше ты ихъ отпусти на волю.

Бувэ-Хатунъ исполнилъ его волю, а затѣмъ поѣхалъ домой.

Вечеромъ Хара-батуръ умеръ, и съ тѣхъ поръ всякое живое существо, раненое послѣ полудня въ животъ, умираетъ при закатѣ солнца.

Вернувшись домой, Бувэ-Хатунъ собралъ 30.000 войска и опять пошелъ на олѣтовъ. Въ Алтаѣ, у Хаптакъ-Байтакъ, онъ встрѣтилъ такое-же непріятельское войско, предводимое сильнымъ Шарьгольджинъ-Цаганъ-батуромъ.

Оба предводителя выѣхали впередъ, чтобы сговориться относительно времени боя. Во время этого свиданія Бувэ-Хатунъ по лицу своего врага увидѣлъ, что если онъ останется съ головой, то убьетъ 10.000 человекъ, если-же будетъ безъ головы, то убьетъ всего 1.000. Сговорившись начать бой на слѣдующее утро, оба батура возвратились къ своимъ войскамъ.

Ночью Бувэ-Хатунъ незамѣтно прокрался въ непріятельскій лагерь и отрубилъ голову спящему Цаганъ-батуру. Затѣмъ онъ крикнулъ, что непріятель нападаетъ.

Олѣты схватились за оружіе, вскочилъ и безголовый ихъ начальникъ и, ничего не разбирая, сталъ рубить направо и налево. Только убивъ тысячу человекъ, онъ, наконецъ, упалъ мертвый. Между тѣмъ войско халха дѣйствительно напало, и олѣты были разбиты на голову.

Послѣ этой битвы Бувэ-Хатунъ вернулся домой и тутъ вскорѣ умеръ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, олѣты подъ начальствомъ своего хана Шара-Гырылъ напали на Халху и одержали много побѣдъ. Среди плѣнныхъ женщинъ одна очень понравилась хану, и онъ взялъ ее себѣ въ жены, остальные-же всѣ были перебиты. Оказалось, что плѣнная красавица была беременна.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и ханъ опять уѣхалъ на войну.

Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ своей старшей женѣ: «Скоро вторая царица должна родить. Если будетъ мальчикъ—убей его, если дѣвочка—оставь въ живыхъ».

Ханъ уѣхалъ, и вскорѣ у обѣихъ царицъ родилось по ребенку: у старшей—дочь, у младшей, бывшей плѣнницы,—мальчикъ. Но старшая царица пожалѣла ребенка и, рассказавъ все его матери, предложила помѣняться дѣтьми. Та, конечно, съ радостью согласилась.

Когда-же вернулся ханъ, онъ ничего не узналъ о подмѣнѣ, и оба ребенка воспитывались совершенно одинаково.

Мальчикъ этотъ былъ перерожденіемъ Бувэ-Хатунъ-батура.

Уже пяти лѣтъ онъ сталъ забавляться тѣмъ, что ловилъ лошадей укрюкомъ (арканъ на палкѣ, такъ ловятъ лошадей монголы Халха, но не олѣты). Когда ему было семь лѣтъ, его настоящая мать спросила его, откуда онъ научился такъ ловить лошадей. Мальчика этотъ вопросъ удивилъ, и онъ въ свою очередь сталъ спрашивать, почему она заговорила объ этомъ. Мать долго не хотѣла говорить, но потомъ рассказала ему, что онъ ея сынъ, сама-же она изъ Халхи, гдѣ именно такъ и ловятъ лошадей. Тогда Бувэ-Хатунъ пересталъ такъ играть.

Восемнадцати лѣтъ онъ сошелся съ одной олѣтской дѣвушкой, но, проживъ съ ней всего нѣсколько мѣсяцевъ, однажды объявилъ ей, что онъ монголъ Халха и вернется къ себѣ на родину, чтобы собрать тамъ войско и истребить олѣтовъ.

— А меня ты развѣ тоже убьешь?—спросила она его.

— Убью.

— А то, что должно скоро отъ насъ родиться, развѣ и оно должно погибнуть?

— Если родится сынъ, я оставляю его живымъ, если-же дочь, то не пощажу,—отвѣтилъ Бувэ-Хатунъ.

Тогда дѣвица связала ему ремень, на которомъ носятъ ножъ и огниво, и сказала, что если у нея родится сынъ, она и ему сдѣлаетъ такой же, чтобы даже черезъ много лѣтъ они могли узнать другъ друга. Кромѣ того она обѣщала, что назоветъ его Очирай.

Бувэ-Хатунъ уѣхалъ въ Халху, гдѣ всѣми былъ признанъ за настоящего.

Прошло много времени, и стало извѣстно, что олѣты въ числѣ 3.000 человекъ напали на границу Халха. Бувэ-Хатунъ также собралъ людей и двинулся на нихъ. Когда оба войска встрѣтились, начальники выѣхали впередъ, чтобы сговориться о днѣ боя. Начальникомъ олѣтовъ былъ Уланъ-батуръ. Сговорились начать сраженіе черезъ три дня.

Когда по окончаніи переговоровъ Уланъ-батуръ уѣхалъ, одинъ молодой воинъ изъ его свиты остался позади. На немъ Бувэ-Хатунъ

увидѣлъ такой-же ремень для ножа, какой и самъ носилъ, и потому сталъ его разспрашивать о томъ, кто онъ. Молодой воинъ рассказалъ, что его зовутъ Очирай и что мать говорила ему, что отца своего онъ узнаетъ по ремню отъ ножа. Монгольскій батуръ призналъ его своимъ сыномъ, но спросилъ, на чьей сторонѣ онъ будетъ во время боя. Юноша не колеблясь отвѣтилъ, что сдѣлаетъ все, что онъ прикажетъ. Затѣмъ онъ рассказалъ, что Уланъ-батуръ очень силенъ и въ открытомъ бою его очень трудно побѣдить, что кромѣ него у олѣтовъ есть еще колдунъ Таска-Мундырь, который также очень силенъ.

Узнавъ все про олѣтское войско, Бувэ-Хатунъ отправилъ сына въ непріятельскій лагерь и велѣлъ быть готовымъ ко всему.

На вторую ночь батуръ съ двумя воинами прокрался въ лагерь олѣтовъ. Тамъ онъ дождался утра и, когда непріятель сталъ готовиться къ бою, удачной стрѣлой убилъ Уланъ-батура. Затѣмъ онъ бросился на олѣтовъ, къ нему присоединился его сынъ, подоспѣли монголы Халха—и непріятель былъ уничтоженъ. Спасся только Таска-Мундырь, который ловко уклонялся отъ стрѣлъ. Видя, что все пропало, колдунъ бросился бѣжать. Бувэ-Хатунъ его не преслѣдовалъ, а вернулся домой.

Тутъ онъ нѣкоторое время жилъ спокойно.

Находясь однажды на охотѣ, знаменитый батуръ уснулъ и вдругъ былъ разбуженъ свистомъ пролетѣвшей стрѣлы. Быстро вскочивъ, Бувэ-Хатунъ въ свою очередь выстрѣлилъ въ нападавшаго и ранилъ его въ бокъ. Это оказался Таска-Мундырь. Батуръ не убилъ его, а взялъ къ себѣ, вылѣчилъ и сталъ обращаться съ нимъ, какъ съ другомъ. Но однажды въ его отсутствіи монголы убили колдуна. Узнавъ объ этомъ, Бувэ-Хатунъ очень опечалился, но никого не наказалъ.

Вскорѣ опять началась война. На этотъ разъ опять самъ олѣтскій ханъ Шара-Гырылъ велъ на Халху 3.000 воиновъ. Бувэ-Хатунъ повелъ своихъ людей, и враги опять встрѣтились у Халтакъ-Байтакъ. Сговорились о времени начала боя. Въ назначенный день оба войска стояли другъ противъ друга и ждали знака своихъ начальниковъ.

Между тѣмъ съ ранняго утра Бувэ-Хатунъ началъ натягивать свой лукъ. Уже вечеромъ выѣхалъ впередъ Шара-Гырылъ-ханъ, и въ этотъ моментъ Бувэ-Хатунъ, наконецъ, спустилъ стрѣлу. Она впиалась хану въ горло, и онъ почувствовалъ, что скоро умретъ. Тогда онъ просилъ позвать къ нему того стрѣлка, который его ранилъ, и Бувэ-Хатунъ подѣхалъ къ нему.

Умирающій ханъ сказалъ ему:

— Ты побѣдилъ меня, поэтому, когда я умру, отрѣжь и возьми себѣ мои два большихъ пальца на рукахъ, и твой народъ будетъ мѣтко стрѣлять изъ лука. Возьми мои двѣ плечевыя кости, и на рѣкѣ Толѣ у тебя будетъ большой городъ. Возьми съ моей спины кожу и ее натяни на барабанъ, и въ твоёмъ городѣ будетъ больше 10.000 ламъ. Возьми еще мои двѣ лопатки, и твой народъ будетъ безошибочно гадать по лопаткамъ.

Ханъ умеръ, и Бувэ-Хатунъ исполнилъ его волю.

Предсказанія исполнились—монголы были отличными стрѣлками изъ лука и только за послѣднее время стали хуже стрѣлять. На рѣкѣ Тола былъ построенъ большой городъ—это Урга, въ которой по праздникамъ собирается даже значительно болѣе 10.000 ламъ. Наконецъ, монголы еще до сихъ поръ гадаютъ по лопаткамъ.

Прошло 13 лѣтъ послѣ смерти Шара-Гырыль-хана. Войнъ больше не было—олёты, потерявъ своего хана, не смѣли больше нападать на Халху.

Однажды Бувэ-Хатунъ ѣхалъ темнымъ лѣсомъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, и въ грудь ему попала пуля. Но онъ не упалъ, а бросился въ ту сторону, откуда стрѣляли. Сначала онъ увидѣлъ положенное на сукъ золотое ружье, потомъ подъ деревомъ дряхлаго старика. Очевидно, этотъ старикъ и стрѣлялъ.

Батуръ спросилъ его, за что онъ хотѣлъ его убить, и старикъ разсказалъ, что онъ олётъ и было у него три сына, которые всѣ три были убиты во время войнъ съ Халхой. Тогда онъ три года обдумывалъ свою месть, три года дѣлалъ ружье, три года отливалъ золотую пулю и еще три года готовилъ порохъ. «Все-же я тебя не убилъ,—добавилъ старикъ,—дѣлай-же теперь со мной, что хочешь.» Но батуръ не убилъ его, а привезъ домой, подарилъ ему юрту и еще наградилъ.

Прошло три года, и старикъ умеръ. Тогда и Бувэ-Хатунъ заявилъ, что и онъ черезъ три года умретъ. Монголы стали его просить не умирать, но онъ отвѣтилъ, что не въ его власти остаться дольше. Чтобы какъ-нибудь утѣшить своихъ друзей, онъ позволилъ срисовать съ себя портретъ и общалъ, что вновь придетъ, если Халхѣ опять будетъ грозить большая опасность.

Изобразили его художники сидящимъ на конѣ, и изображеніе это такъ же, какъ и память о немъ, до сихъ поръ чтится монголами Халха. Ежегодно они совершаютъ Далха-Тахиха—моленіе въ честь Бувэ-Ха-

тунь-батура. Какъ святыни, теперь хранятся въ монастырѣ Эрдени-Цэу его стрѣла и въ кумирнѣ Мандзыширинъ-Хитъ въ горѣ Богдо-Ула (около гор. Урги)—его сѣдло.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Сказаніе о Ландарма-ханѣ.

Давно-давно, когда люди еще только познали истинную вѣру, они начали строить монастырь Джаранъ-Хаширинъ-Субурга въ странѣ, лежащей за Тибетомъ. При постройкѣ для возки всѣхъ матеріаловъ былъ только одинъ бѣлобокій быкъ, который и работалъ больше всѣхъ, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ, монастырь былъ оконченъ, и ламы устроили большой праздникъ, во время котораго наградили всѣхъ, кто только принималъ участіе въ работахъ. Не были забыты даже вещи—лопаты, топоры, молотки, веревки и т. д.: иныхъ повязали ленточками, другимъ дали почетныя названія. Забыли только бѣлобокаго быка—онъ не получилъ даже хорошаго пастбища. Быкъ, который больше всѣхъ имѣлъ правъ на награду, страшно разсердился: три раза заревѣлъ онъ, три раза взрылъ землю копытомъ и ушелъ неизвѣстно куда.

Прошли года.

Однажды въ одно и то-же время въ разныхъ концахъ Тибета родились два мальчика. Одинъ изъ нихъ былъ сыномъ хана, и назвали его Ландарма—это было перерожденіе бѣлобокаго быка. Другой родился въ простой семьѣ, и это былъ Балынъ-Ишэ-Дорджинъ-Чангынъ-Гегэнъ. Когда мальчики появились на свѣтъ, надъ ними пошелъ дождь: надъ сыномъ хана—кровавый, надъ маленькимъ Гегэномъ—молочный.

Время шло, и мальчики стали учиться: сынъ хана военному дѣлу, Гегэнъ-же удалился въ горы и тамъ изучалъ священныя книги.

Умеръ, наконецъ, старый ханъ, и на престолъ вступилъ Ландарма. Онъ приказалъ построить много новыхъ монастырей и собрать въ нихъ всѣхъ ламъ. Затѣмъ онъ сталъ ихъ совращать съ истинной вѣры, всѣхъ женилъ, заставилъ ихъ охотиться и даже воевать, а тѣхъ, которые помнили священные законы, не хотѣли проливать кровь и осквернять себя, имѣя дѣло съ женщинами, онъ предавалъ ужаснымъ пыткамъ и казнямъ. Тяжело стало жить—вѣра гибла.

Но тутъ за народъ заступился Чангынъ-Гегэнъ.

Во время праздника Цамъ, когда всѣ ламы одѣваютъ маски, пляшутъ въ нихъ и показываютъ разные фокусы, онъ также явился въ сто-

лицу. Своего бѣлаго, но выкрашеннаго въ черный цвѣтъ коня онъ привязалъ около дворца, самъ-же въ маскѣ и со спрятанными подъ одеждой лукомъ и стрѣлами предсталъ передъ жестокимъ ханомъ. Присоединившись къ другимъ ламамъ, онъ сталъ плясать. Зрѣлище было однообразное, и Ландарма-ханъ задремалъ. Только этого и ждалъ Чангынъ-Гегэнъ, такъ какъ онъ зналъ, что главная сердечная артерія хана, которая была желѣзная, только во время сна дѣлалась уязвимой. Тогда онъ выстрѣлилъ и убилъ хана наповаль *).

Воспользовавшись суматохой, Гегэнъ вскочилъ на коня и бросился бѣжать, за нимъ-же немедленно была послана погоня. Видя, что его настигаютъ, онъ бросился въ озеро и поплылъ. Въ водѣ краска съ его коня сошла, и, когда онъ опять вышелъ на берегъ, онъ былъ уже бѣлый.

Преслѣдователи остановились въ недоумѣніи—вѣдь они преслѣдовали всадника на ворономъ конѣ, а этотъ былъ на бѣломъ. Но, наконецъ, они рѣшились и опять погнались за нимъ. Тогда Гегэнъ соскочилъ съ коня и легъ на землю. Въ одно мгновеніе паукъ соткалъ надъ нимъ паутину, а птичка набросала на нее вѣтокъ и земли.

Когда преслѣдователи увидѣли его, между ними поднялся споръ. Одни говорили, что это убійца, другіе—что этотъ человѣкъ не можетъ имъ быть, такъ какъ онъ навѣрно давно уже лежитъ здѣсь и вѣроятно уже умеръ. Рѣшили посмотреть, бьется-ли у него сердце. Оказалось, что бьется, и тогда опять поднялся споръ. Нѣкоторые говорили, что его надо убить, другіе-же настаивали на томъ, чтобы его отпустить, такъ какъ онъ совершилъ доброе дѣло, освободивъ страну отъ жестокаго хана. Послѣднихъ оказалось больше, и Гегэна отпустили.

Онъ ушелъ и въ мѣстности между Гумбумомъ и Джанъ-Лонъ-Хото обратился въ камень, который существуетъ и до сихъ поръ.

Прошло много лѣтъ.

Однажды у намѣстника западныхъ земель родился сынъ, названный Хэда-Даинъ. Это было второе перерожденіе бѣлобокаго быка.

Послѣ смерти отца онъ былъ назначенъ его замѣстителемъ. Хэда-Даинъ перенесъ свою резиденцію въ городъ Хара-Сонджи около рѣки Эцзинъ-Голь, завелъ пашни и на нихъ провелъ воду изъ озера Хуху-Нуръ. Въ то время въ Хуху-Нуръ вода было прѣсная, теперь-же она горько-соленая и называется озеро Гашунъ-Нуръ.

---

*) Историческій фактъ.

Хэда-Даинъ былъ жестокой человѣкъ. Главное желаніе его было уничтожить истинную вѣру, а для этого ему необходимо было сначала сдѣлаться Богдо-ханомъ. И вотъ онъ изъ Хара-Сонджи повелъ подъ Пекинъ подкопъ, чтобы взорвать его.

Оставалось сдѣлать немного, когда Банчэнь-Богдо (второе духовное лицо въ Тибетѣ) предпринялъ поѣздку въ Пекинъ. Подъѣзжая къ Хара-Сонджи, святой еще издали поклонился Хэда-Даину, передъ самыми воротами города—во второй разъ и уже въ самомъ дворцѣ въ третій разъ. Удивленный намѣстникъ спросилъ его, отчего онъ, Гегэнь, кланяется ему. Святой отвѣтилъ, что войско всегда выше духовенства, и его обязанность—поклониться представителю военной силы. Хэда-Даинъ былъ очень польщенъ и ласково принялъ Гегэна. Затѣмъ онъ показалъ ему свою руку и велѣлъ по ней предсказать судьбу.

— Ты большой человѣкъ,—сказалъ ему Гегэнь,—и счастье тебѣ будетъ большое. Ты будешь на тронѣ выше четырехъ большихъ людей.

Хэда-Даинъ очень обрадовался, далъ святому 50 ланъ серебра и отпустилъ дальше.

Тотъ поѣхалъ прямо въ Пекинъ и, представившись императору, рассказалъ ему о замыслахъ намѣстника западныхъ земель.

Богдо-ханъ немедленно послалъ войско, которое въ озеро Хуху-Нуръ спустило отравы, и все войско Хэда-Даина погибло.

Вода въ озерѣ такъ и осталась негодной для питья, и теперь оно называется Гашунъ (горькое).

Въ живыхъ остались только Хэда-Даинъ и четыре его приближенныхъ. Ихъ плѣнными отвели въ Пекинъ, гдѣ, по приказанію императора, ихъ привязали всѣхъ къ одному столбу—четыреихъ приближенныхъ внизу, самаго намѣстника наверху—и въ такомъ положеніи казнили.

Такимъ образомъ предсказаніе Банчэнь-Богдо исполнилось—Хэда-Даинъ былъ выше четырехъ большихъ людей.

Бѣлобокий быкъ переродился уже два раза, время-же третьяго перерожденія еще не настало. Когда-же онъ появится на свѣтъ, это будетъ послѣдній разъ, что онъ будетъ мстить истинно-вѣрующимъ за причиненную ему обиду.

Дунсурунъ. Монг. Халха.

Торжество желтой вѣры.

Извѣстно, что ламаиты дѣлятся на двѣ главныя секты—желтую и красную. Монголы всѣ принадлежать къ желтой вѣрѣ, въ Тибетѣ-же исповѣдуютъ и ту, и другую.

Но было время, когда въ Тибетѣ красная вѣра было гораздо сильнѣе и представители ея рѣшили уничтожить всѣхъ, кто не поклоняется богамъ по ихъ церковнымъ обрядамъ. Въ назначенный день въ Тибетѣ были истреблены всѣ, кто исповѣдывалъ желтую вѣру, т. е. главнымъ образомъ монголы. Спаслись всего два монгола. Одного изъ нихъ, стараго ламу, спрятали его ученикъ-тибетецъ; другой былъ мальчикъ, и его спасъ учитель-тибетецъ.

Когда рѣзня прекратилась, лама-тибетецъ велѣлъ маленькому монголу спастись въ Халху. Долго шелъ мальчикъ и, наконецъ, пришелъ въ юрту Дугуръ-батура. Хозяинъ въ это время спалъ, одѣтый только въ бѣлую рубашку. На стѣнѣ висѣло оружіе, а около юрты была привязана бѣлая верблюдица. Проснувшись, батуръ сталъ разспрашивать мальчика, откуда онъ пришелъ, и тотъ рассказалъ объ избіеніи монголовъ въ Тибетѣ. Тогда Батуръ, не одѣваясь даже, схватилъ свое оружіе, вскочилъ на верблюда и погналъ его въ Тибетъ.

Какъ вѣтеръ летѣлъ бѣлый верблюдъ, и скоро Дугуръ-батуръ пронесся мимо монастыря Галданъ. Монахамъ этого монастыря показалось, что пролетѣлъ неземной житель, верхомъ на бѣломъ драконѣ. Жители Лхасы приняли его за огненный столбъ, и только монахи Брайбуна видѣли его въ его настоящемъ видѣ.

Остановился батуръ около этого монастыря на горѣ Гэмпэ-Рига и оттуда закричалъ: «выходи, кто умѣетъ говорить по-монгольски!»

Въ Брайбунѣ въ это время шло богослуженіе, но голосъ батура былъ такъ ужасенъ, что монахи поспѣшили его прекратить и побѣжали доложить о случившемся Далай-Ламѣ. Онъ немедленно послалъ 500 человекъ, чтобы узнать, кто смѣетъ такъ громко кричать, и, если возможно, то и убить его.

Тибетскій отрядъ подошелъ къ горѣ, и батуръ всѣхъ ихъ спрашивалъ, говорятъ-ли они по-монгольски, знаютъ-ли молитву Мыгдзымъ и чтятъ-ли Богдо-Гегэна. Но такъ какъ никто даже не понялъ его, то онъ ихъ всѣхъ перебилъ.

Далай-Лама послалъ новыхъ людей, но и тѣ были перебиты. Всѣмъ посланнымъ батуръ задавалъ тѣ-же вопросы и убивалъ ихъ, когда вы-

яснялось, что они его не понимают. Наконецъ Далай-Лама сталъ посылать людей по жребію.

Настала очередь идти къ страшному батуру и тому ламѣ, который спасъ своего учителя-монгола. Монголъ этотъ все время жилъ у своего спасителя. Передъ тѣмъ, чтобы идти на смерть, лама зашелъ къ своему учителю и разсказалъ, куда его посылаютъ. Монголъ велѣлъ ему захватить айракъ (простокваша) и научилъ, что говорить. На слѣдующее утро лама отправился на гору.

Представъ передъ грознымъ батуромъ, онъ поклонился ему, поднесъ айракъ и, какъ училъ его монголъ, освѣдомился о здоровьѣ его. Дугуръ-батуръ остался очень доволенъ этимъ и спросилъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь монгола. Лама показалъ ему на Брайбунъ. Тогда батуръ велѣлъ ему передать въ монастырѣ, что онъ самъ на слѣдующій день туда явится, и отпустилъ ламу.

Когда въ Брайбунѣ узнали, что грозный батуръ самъ пріѣдетъ, всѣ монахи, и даже самъ Далай-Лама, страшно перепугались и всю ночь учили молитву Мыгдзымъ и монгольское привѣтствіе «амуръ-байну».

На зарѣ появился Дугуръ-батуръ верхомъ на своемъ верблюдѣ. Привязавъ его у самыхъ дверей храма, онъ съ саблей въ рукѣ вошелъ въ святилище. Подойдя къ перепуганному Далай-Ламѣ, онъ спросилъ его, кто изъ тибетцевъ исповѣдуетъ желтую вѣру, и Далай-Лама поспѣшилъ вывернуть свою красную шапку и одѣть желтой подкладкой наружу. Тогда батуръ поклонился ему, но только слегка, почти какъ равному.

Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы ему показали изображеніе Дзунхавы. Во всемъ монастырѣ его не оказалось и онъ уже поднималъ саблю, чтобы всѣхъ перебить, когда совершилось чудо—на одной изъ стѣнъ появилось изображеніе бога (оно существуетъ и до сихъ поръ).

Тогда Дугуръ-батуръ оставилъ всѣхъ въ покоѣ и поѣхалъ въ Лхасу, въ которой въ то время было 300 чойнджончи (знахари). Эти знахари вступили съ нимъ въ борьбу, но онъ ихъ легко побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ, и только съ однимъ изъ нихъ, Самья-чойнджончи, ему пришлось сражаться полъ-дня. Тогда онъ разложилъ два огромныхъ костра и приказалъ всѣмъ знахарямъ перебѣжать черезъ нихъ, не опаливъ себя, а затѣмъ перейти рѣки Уй-Чу и Занъ-Чу, не замочившись. Изъ всѣхъ 300 чойнджончи только девять исполнили эти условія, остальные-же всѣ погибли. Этихъ девять оставшихся батуръ хотѣлъ заставить служить желтой вѣрѣ, но Далай-Лама упросилъ его оставить одного въ красной, и батуръ согласился на то, чтобы Самья-чойнджончи сохранилъ свою старую вѣру.

Покончивъ дѣла въ Лхасѣ, Дугурь-батуръ поѣхалъ въ монастырь Галданъ, около котораго въ то время находился субурганъ съ тѣломъ одного Богдо-Гегэна. Субурганъ онъ разбилъ, мощи-же велѣлъ хранить въ монгольской юртѣ, и это соблюдается до сихъ поръ.

Наконецъ, батуръ собралъ всѣхъ ламъ красной вѣры въ Лхасѣ и заставилъ ихъ присягнуть въ томъ, что они будутъ исповѣдывать желтую вѣру. Кромѣ того онъ далъ имъ семь молитвъ, которыя велѣлъ читать ежедневно. За убійства-же монголовъ онъ заставилъ тибетцевъ содержать около монастыря Брайбунъ 500 юртъ для пріѣзжающихъ паломниковъ (эти юрты содержатся и до сихъ поръ, и этотъ городокъ называется Халха-Мисынъ). Затѣмъ единственнаго монгола-ламу, который въ то время былъ въ Тибетѣ, онъ назначилъ Камданъ-Гергенъ. Эта должность существуетъ и до сихъ поръ. Лама этотъ является представителемъ Монголіи въ Тибетѣ, и всѣ паломники подчиняются исключительно ему. Права его очень велики. Когда онъ входитъ въ кумирню или въ высшій совѣтъ, не только китайскій амбанъ, но даже и самъ Далай-Лама встаютъ передъ нимъ.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла желтой вѣры, Дугурь-батуръ поѣхалъ на гору Ганры-Чембу. Тутъ издохъ его бѣлый верблюдъ, и онъ пересѣлъ на льва, котораго для этой цѣли поймалъ.

На этой горѣ жило много сабдыковъ и чуткуровъ. Онъ ихъ перебилъ, и только десятокъ спасся и спрятался у Далай-Ламы. Тогда батуръ поѣхалъ въ Напчинъ-Бумбарай, гдѣ сабдыки ему подчинились и приняли желтую вѣру. Только одинъ изъ нихъ не пожелалъ подчиниться и сбѣжалъ къ Далай-Ламѣ (этотъ сабдыкъ былъ красной вѣры).

Чтобы сдѣлать батуру гадость, этотъ сабдыкъ наложилъ на перевалъ Марку-Санчинъ (на дорогѣ изъ Халхи въ Лхасу) заклятіе, чтобы черезъ него не могъ перейти ни одинъ верблюдъ и ни одинъ лама, имѣющій черный воротникъ (черные воротники носятъ монгольскіе ламы). И теперь еще черезъ перевалъ не проходитъ ни одинъ верблюдъ—все гибнуть; монгольскіе-же ламы, чтобы не умереть, заворачиваютъ свой черный воротникъ вовнутрь.

Когда сабдыки были побѣждены, Дугурь-батуръ убилъ своего льва, сдѣлалъ изъ него чучело и поставилъ его около кумирни Самья-Дугунъ. Въ ознаменованіе подвиговъ батура и, въ частности, этого случая, теперь около ламаитскихъ и китайскихъ кумиренъ стоятъ каменные львы.

Наконецъ, батуръ покинулъ Тибетъ, но передъ отъѣздомъ пригрозилъ, что если когда-нибудь будутъ обижать послѣдователей желтой вѣры, онъ вновь вернется и строго накажетъ виновныхъ.

Изъ Тибета Дугуръ-батуръ поѣхалъ въ Пекинъ, гдѣ Богдо-ханъ принялъ его очень любезно — наградилъ чиномъ дзайсана и далъ ему охрану въ 500 китайскихъ солдатъ подъ начальствомъ амбана. Этотъ отрядъ Дугуръ-дзайсанъ отправилъ въ Лхасу для охраны монголовъ, и съ тѣхъ поръ въ Тибетѣ постоянно находится китайскій амбанъ и солдаты.

Дугуръ-дзайсанъ жилъ около двухсотъ лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ перерожденіемъ тысячеголоваго Дугуръ-батура. Послѣ своей смерти онъ больше не перерождался, но обѣщалъ, что вновь явится, когда желтая вѣра будетъ въ опасности.

г. Су-Чжоу. Юндунгъ лама-Тангутъ.

Строеніе вселенной по монгольской наукѣ.

Для того, чтобы яснѣе все себѣ представить, необходимо сначала имѣть понятіе о различныхъ монгольскихъ мѣрахъ длины. Вотъ онѣ:

хуру (палецъ)—это основная единица;

24 хуру—1 тохой (локоть);

4 тохой—1 номунъ-тохой (маховая сажень);

500 номунъ-тохой—1 джандакъ (около версты);

5 джандакъ—1 бакцать.

Такимъ образомъ бакцать равенъ приблизительно пяти верстамъ.

Болѣе мелкое дѣленіе:

1 хуру—8 арбайнъ-таря (ячменное зерно);

1 арбайнъ-таря—8 хара-гичигэ;

1 хара-гичигэ—8 лошадиныхъ волосъ;

1 лошадиный волосъ—8 будунъ-тосъ (замѣтная пылинка);

1 будунъ-тосъ—8 нарынъ-тосъ (незамѣтная пылинка).

Земля, конечно, не шарообразна, а состоитъ изъ нѣсколькихъ поясовъ, которые нижней своей частью опираются на лягушку, сверху-же они имѣютъ форму плоскаго круга.

Внѣшняя граница нашей вселенной имѣетъ радіусъ двѣсти тысячъ бакцать, и внѣ ея нѣтъ ничего, вѣрнѣе хаосъ (Галобъ).

Первый поясъ, шириной въ пятьдесятъ тысячъ бакцать, состоитъ изъ вѣтра.

Второй, такой-же ширины—огненный.

Третій, опять въ пятьдесятъ тысячъ бакцать ширины, состоитъ изъ воды—это океанъ.

На разстояніи отъ пятидесяти и до двадцати пяти тысячъ бакцать отъ центра земли находится поясъ земли, въ которомъ наша земля занимаетъ только одну двѣнадцатую часть. Этотъ поясъ земель называется Дзамлинъ-Дзукъ, или Арбанъ-Хоерь-Туби.

Между землей и центромъ вселенной находятся шесть сферъ (Дзурганъ-Туби). Считая отъ земли, онѣ состоятъ изъ слѣдующихъ частей:

1-ая сфера—	горы,	земля	и	горячая	вода;
2-ая	»	»	»		вино;
3-ья	»	»	»		молоко;
4-ая	»	»	»		медь;
5-ая	»	»	»		масло;
6-ая	»	»	»		холодная вода.

Въ центрѣ вселенной, внутри шестой сферы, находится гора Сумбуръ-Ула, состоящая изъ драгоцѣннаго камня. Высота ея сто тысячъ бакцать, діаметръ въ пятьдесятъ бакцать. Гора имѣетъ форму гриба, съ которымъ соединяють горы шести внутреннихъ сферъ.

На рис. 1 изображенъ планъ вселенной, на рис. 2 разрѣзъ ея. На рис. 3 болѣе подробно показано устройство шести внутреннихъ земель и горы Сумбуръ-Ула.

Въ поясѣ нашей земли (Дзамлинъ-Дзукъ) извѣстна только одна двѣнадцатая часть его—это наша земля. Дѣлится она на семь частей (государствъ):

1) Ганджилъ, который находится ближе всего къ центру. Царя въ этой части земли нѣтъ, жителей нѣтъ, все покрыто льдомъ.

2) Шамбалъ (Сибирь).

3) Ле.

4) Джа (живутъ русскіе).

5) Тангутъ (Монголія и Тибетъ).

6) Джагаръ (Индія и Индо-Китай).

7) Нѣтъ названія, и нѣтъ царя.

Всея поясы вселенной населены живыми существами. Полоса распространенія ихъ показана на рис. 4.

Существа эти:

1) Лусуты—владѣтели водъ.

2) Джибмыль-Адугусъ—существа, похожія на людей, но разной величины. Попадаютъ люди величиной и съ гору и съ муравья. Животныя такія-же.

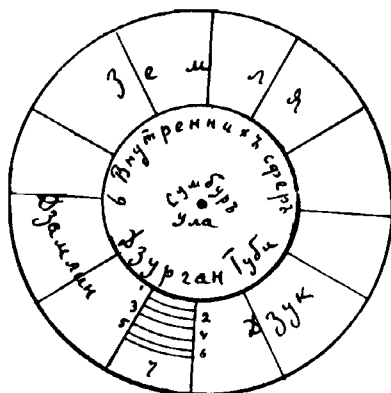
Хаосъ

Залон

В н т е р з

О з о н б

В о г а

у с у

З а л

С а л б т е

- 1 - Зандоки
- 2 - Шамбал
- 3 - Ле
- 4 - Дока
- 5 - Манзун
- 6 - Даклар
- 7 - Невыска

Рис. 1.

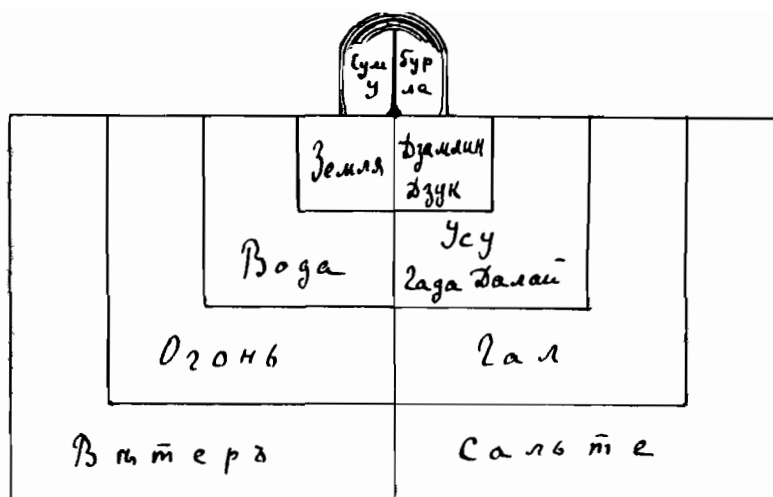

Рис. 2.

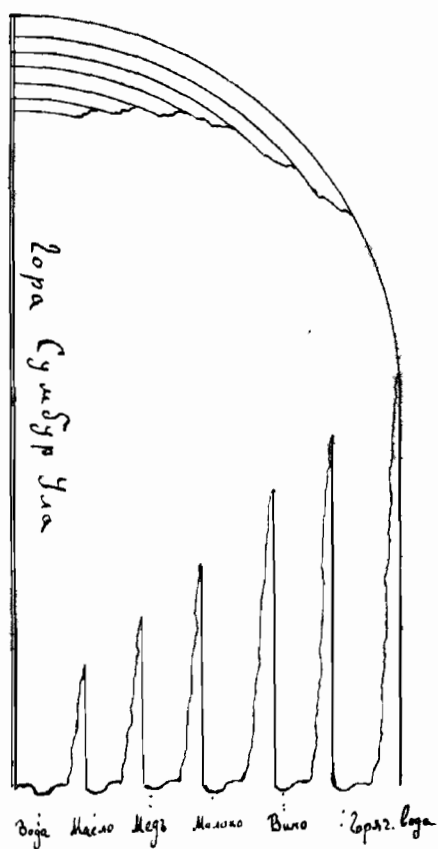

Рис. 3.

- 1) Лусуты.
- 2) Джисимылъ-Адугусъ.
- 3) Наймонъ-Хуйтунъ-Тама.
- 4) Бериты.
- 5) Наймонъ-Халунъ-Тама.
- 6) Безергишныя люди.

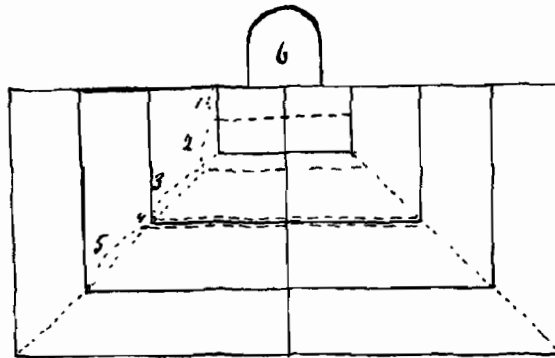

Рис. 4.

3) Наймонъ-Хуйтунъ-Тама—ледяной адъ. Сюда ссылаются грѣшники. Тѣло ихъ водянисто и расплывчато, какъ слизь, или яйцо.

4) Бериты—существа съ огромной головой и вѣчно голодные, у которыхъ глотка такъ мала, что въ ней едва проходитъ волосъ. Это тоже бывшіе грѣшники.

5) Наймонъ-Халунъ-Тама—огненный адъ. Населенъ грѣшниками, у которыхъ одна часть тѣла нормальна, другая-же всегда горить.

На шести сферахъ, окружающихъ гору Сумбуръ-Ула, живутъ люди, не знающіе грѣха. Они никогда не умираютъ, но все-же они не небесные духи.

Какіе живутъ люди на нашей землѣ, всѣмъ извѣстно.

Надъ землей, обхватывая гору Сумбуръ-Ула, находится кольцо (вѣрнѣе усѣченный конусъ) вѣтра. На этомъ кольцѣ закрѣплены звѣзды, и по немъ движутся солнце и луна. Центръ кольца не постояненъ, а обходитъ вокругъ Сумбуръ-Ула въ годъ. Вѣтеръ, составляющій это кольцо, страшно силенъ: двигаясь въ одномъ направленіи съ суточнымъ движеніемъ звѣздъ, онъ въ двадцать четыре часа дѣлаетъ полный оборотъ.

Какъ сказано, и солнце, и луна имѣютъ собственныя движенія, обратныя вѣтру.

Солнце въ годъ дѣлаетъ одинъ оборотъ, луна-же за это время успѣваетъ сдѣлать этотъ путь двѣнадцать разъ.

Солнце—маленькая земля, діаметромъ въ пятьдесятъ одинъ бакъцатъ, состоитъ изъ огненного стекла и потому грѣетъ. День и ночь происходятъ оттого, что солнце, увлекаемое вѣтромъ, каждый день заходитъ за гору Сумбуръ-Ула, и тогда наступаетъ ночь. Кольцо вѣтра

имѣть извѣстный наклонъ къ Сумбурь-Ула, и потому солнце, двигаясь по немъ, бываетъ то выше, то ниже надъ горизонтомъ. Времена года происходятъ оттого, что центръ кольца вѣтра не постояненъ, а перемѣщается. Вслѣдствіе этого солнце бываетъ то ближе къ нашей землѣ, то дальше, и тогда бываетъ въ первомъ случаѣ лѣто, во второмъ—зима.

Луна движется такъ же, какъ и солнце, но только въ двѣнадцать разъ быстрѣе. Состоитъ она изъ шарообразнаго холоднаго стекла, при чемъ одна половина изъ простого, другая-же изъ зеркала. Отъ этого и происходитъ во-первыхъ то, что она не грѣетъ, а во-вторыхъ—ея фазы. Свѣтъ луны—отраженный отъ ея зеркальной половины свѣтъ солнца.

На томъ-же кольцо вѣтра, ближе солнца и луны, находится рыба Даджинъ, голова которой огненная, середина туловища состоитъ изъ вѣтра, а хвостъ водяной. Если голова ея заслоняетъ отъ насъ луну—происходитъ лунное затменіе; если хвостъ заслоняетъ солнце—солнечное затменіе.

На рис. 5 изображено кольцо вѣтра, на рис. 6 планъ того-же круга съ рыбой Даджинъ, на рис. 7—созвѣздія и зодіакъ.

На кольцо вѣтра расположены звѣзды, которыя дѣлятся на двадцать семь созвѣздій. Кромѣ того, онѣ такъ-же, какъ и кольцо вѣтра, дѣлятся на двѣнадцать частей на подобіе нашего зодіака. Въ названіяхъ этихъ знаковъ можно найти очень много общаго съ таковыми-же европейскими.

Вотъ эти названія, начиная съ весны:

	Монгольск. назв.	Переводъ.	Европ. назв.
1)	хумха	пыль	водолей
2)	дзагусъ	рыба	рыбы
3)	хонъ	баранъ	овенъ
4)	ухыръ	корова	телецъ
5)	хурицилъ	свадьба насѣкомыхъ	близнецы
6)	мылхэ	лягушка	ракъ
7)	арсланъ	левъ	левъ
8)	хухынъ	дѣва	дѣва
9)	дынсы	вѣсы	вѣсы
10)	нугулту	грѣшникъ	скорпіонъ
11)	номъ	лука	стрѣлецъ
12)	матырь	легендарное животное	козерогъ.

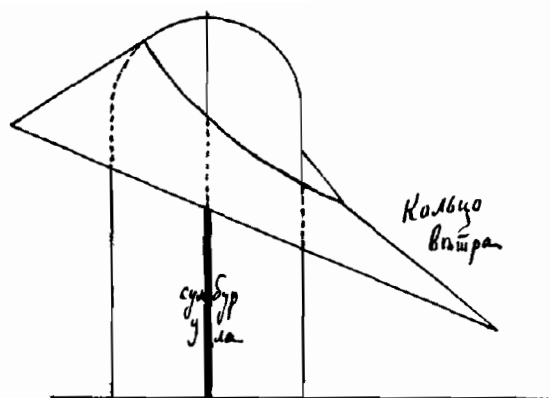

Рис. 5.

- * — солнце, дѣлаетъ одно
дѣленіе въ сутки.
  - ☾ — луна, дѣлаетъ одно
дѣленіе въ сутки.
  - ☆ — звѣзды неподвижны.
- Внутри названія знаковъ
зодіака.

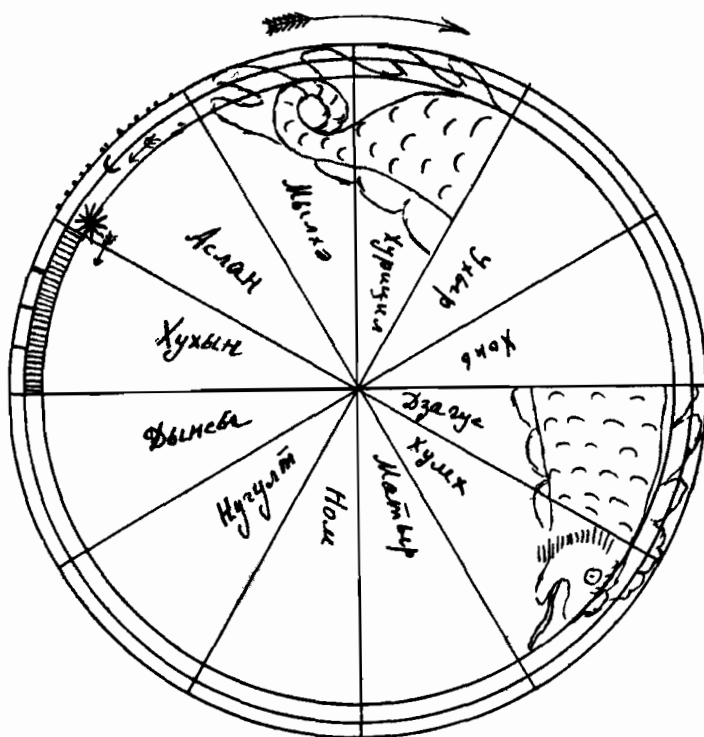

Рис. 6.

Годъ у монголовъ начинается со второго новолунія послѣ зимняго солнцестоянія.

Въ году считается 360 дней, т. е. 12 мѣсяцевъ по 30 дней. Но такъ какъ первое число каждаго мѣсяца должно совпадать съ новолуніемъ, то въ году обыкновенно бываетъ меньше 360 дней. Поэтому черезъ каждые три года добавляютъ одинъ лишній мѣсяцъ.

Дни различаютъ по числамъ. Мѣсяцы соединяются по три во времена года и носятъ названія: первый, средній, послѣдній весенній (или другой) мѣсяцы.

Года носятъ названія разныхъ животныхъ и соединяются въ циклы по двѣнадцать въ каждомъ.

Вотъ названія годовъ:

- 1) хулюгонъ—мышь;
- 2) ухыръ—корова;
- 3) баръ—тигръ;
- 4) тоулай—заяцъ;
- 5) лу—драконъ;
- 6) могой—змѣя;
- 7) моръ—конь;
- 8) хонъ—баранъ;
- 9) мичи—обезьяна;
- 10) тахя—курица;
- 11) нохой—собака;
- 12) кахай—свинья;

Пять такихъ цикловъ, носящіе названія:

модонъ—деревянный;
галъ—огненный;
шоромъ—земляной;
тумуръ—желѣзный;
усунъ—водяной;
уй—вѣкъ (60 лѣтъ) образуютъ.

Сутки дѣлятся на цакъ (часъ), имѣющіе названія, какъ и года. Цакъ лошади—полдень.

Сутки—12 цакъ—240 ланъ воды—3,600 усу—21.600 дыханій.

Цакъ—20 ланъ воды—300 усу—1.800 дыханій.

Ланъ воды—15 усу (капля)—90 дыханій.

Усу—6 дынсо-усу (дыханіе).

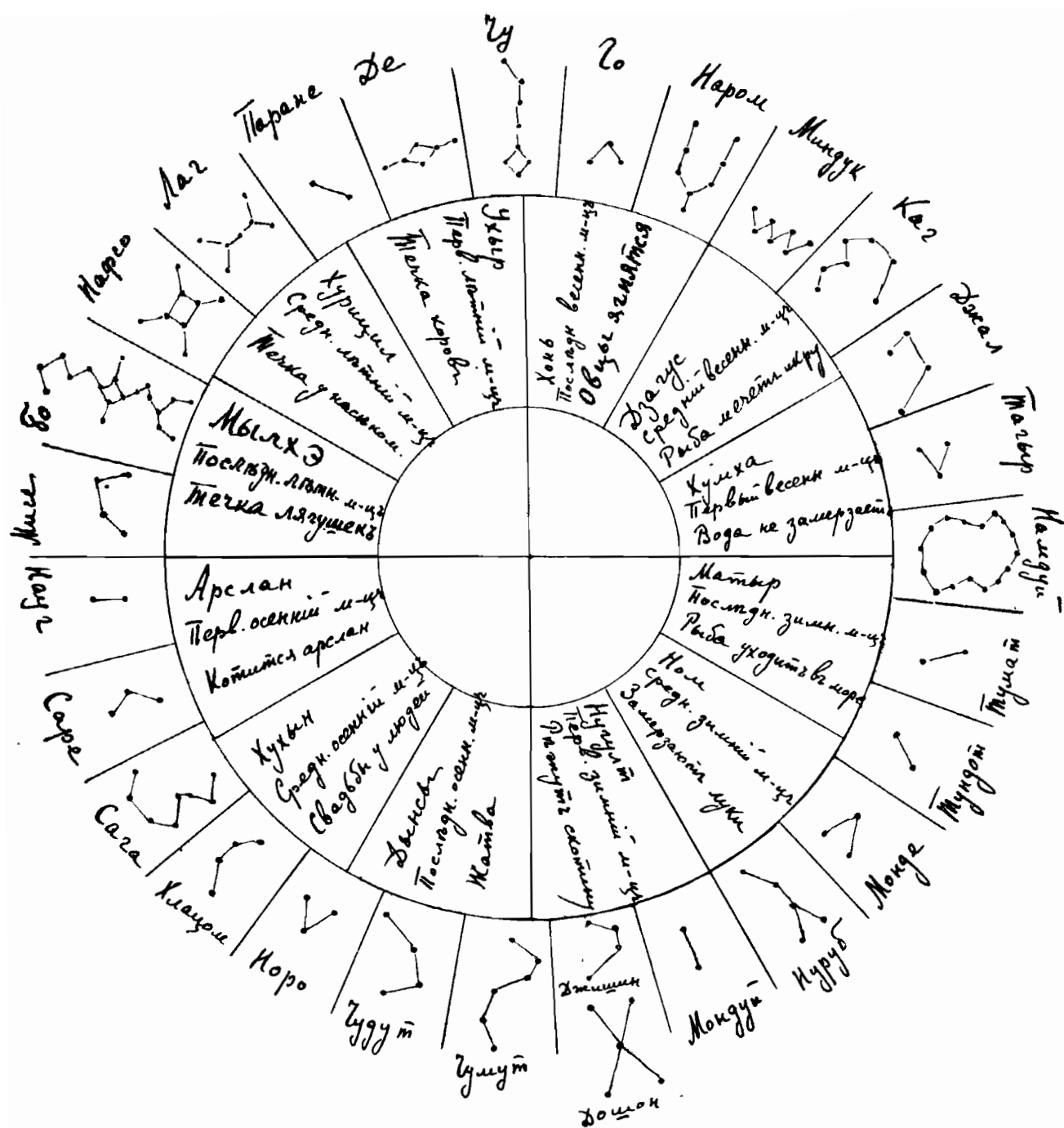

Рис. 7.

Выше горы Сумбуръ-Ула и выше кольца вѣтра находятся небеса, на которыхъ живутъ небесные духи-тенгиры. Небесъ всего шесть.

На нижнемъ небѣ находятся четыре царства (Махрандзынь-Дурбунъ-Тенгирь), на второмъ—шесть царствъ (Хусултны-Дзурганъ-Тен-

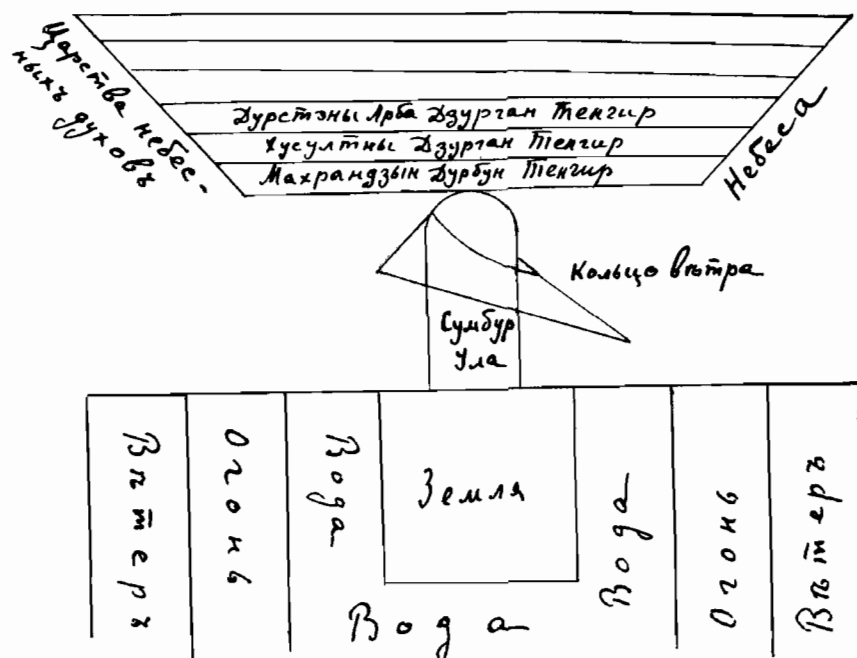

Рис. 8.

гирь) и на третьемъ шестнадцать (Дурстэнь-Арба-Дзурганъ-Тенгирь). Что находится на трехъ верхнихъ небесахъ, въ точности неизвѣстно.

На рис. 8 изображено положеніе небесъ относительно нашей земли.

Г. Дзанинъ-Хурэ. Габджи-Церенъ-Дорджи.

Изъ жизни и обрядовъ монголовъ Халха.

По понятіямъ монголовъ, женщина бываетъ беременна десять мѣсяцевъ. Этотъ періодъ, за исключеніемъ развѣ только самыхъ послѣднихъ дней, не освобождаетъ ее отъ домашнихъ работъ.

Рожденіе ребенка происходитъ при участіи женщинъ, но безъ ламъ и безъ чтенія ими молитвъ. Новорожденного сразу заворачиваютъ

въ обдѣланную овчину, и въ ней онъ лежитъ немывый въ продолженіе трехъ сутокъ. За эти-же три дня никому постороннему въ юрту входить не полагается. На четвертый день призываютъ ламу, который читаетъ молитвы, затѣмъ ребенка обмываютъ супомъ и кладутъ въ люльку. Тутъ-же ему даютъ имена—одно даетъ лама, другое родители.

Въ люльку обязательно кладутъ овчину, въ которую ребенокъ былъ завернутъ сразу послѣ рожденія. Ее никогда не мѣняютъ, и съ ней ребенокъ не долженъ разставаться до самой своей смерти. Когда онъ вырастаетъ, эту овчину онъ вшиваетъ въ свою шубу. Въ люлкѣ, кромѣ овчины, находятся тряпки, которыя для чистоты иногда мѣняются.

Со дня рожденія ребенка и до слѣдующей перекочевки испражнения его не выбрасываютъ, а кладутъ подъ постель родителей. Если этого не дѣлать—ребенокъ умереть.

Насколько мать въ состояніи, она должна кормить ребенка. Если она не въ состояніи этого дѣлать, ему даютъ коровье или овечье молоко. Кормить ребенка полагается до рожденія слѣдующаго. Бываетъ такимъ образомъ, что мать кормитъ грудью дѣтей восьми и даже девяти лѣтъ.

Когда ребенку исполняется три года (по нашему счету, по монгольскому-же четыре, такъ какъ уже при рожденіи онъ считается имѣющимъ одинъ годъ), собирается вся родня, лама читаетъ молитвы и ребенка стригутъ. Мальчику стригутъ всю голову, оставляя только двѣ косички надъ висками, дѣвчкѣ-же волосы стригутъ только спереди. Стричь должно лицо (мужчина или женщина, безразлично), у котораго годъ рожденія того-же названія, какъ и у ребенка.

При этой церемоніи (хайчилха) родители угощаютъ гостей, а тѣ дарятъ ребенку, кто что можетъ: корову, лошадь, барана, козла, но обязательно что-нибудь живое.

Еще черезъ три года, если ребенокъ—мальчикъ, ему обрѣзаютъ косички, но это уже производится запросто. Дѣвчечкѣ въ это время больше не стригутъ. Впрочемъ, при вторичной стрижкѣ мальчика родственники опять съѣзжаются, опять происходитъ пьянство и обмѣнъ подарковъ. Съ этого-же дня рѣшается, будетъ-ли мальчикъ ламой или простымъ міряниномъ. Въ первомъ случаѣ его скоро отдають въ обученіе.

Послѣ родовъ мать считается больной двадцать одинъ день, послѣ чего она должна опять приняться за работу. Двадцать одинъ день она считается нечистой. На двадцать второй лама читаетъ молитвы и готовитъ аршанъ—вода съ молокомъ, которымъ матери обмываютъ лицо, шею и руки, послѣ чего она опять считается чистой.

Жениться и выходить замужъ можно уже съ пятнадцати лѣтъ, но дѣлается это обыкновенно позднѣе. Рѣдко бываетъ, что молодая монголка выходитъ замужъ, будучи дѣввицей. На это смотреть не только легко, но считается даже хорошо, если до свадьбы у неvěсты были дѣти, такъ какъ это отчасти служить указаніемъ, что они еще будутъ. Внѣбрачныя дѣти или отдаются въ бездѣтныя семьи, или ихъ берутъ на воспитаніе родители матери.

Свадьбы рѣдко происходятъ по взаимному влеченію. Большой частью, когда молодому человѣку настаетъ время жениться, родители его ѣдутъ къ ламѣ гадать о неvěстѣ, т. е. когда ѣхать свататься и къ кому. Если отвѣтъ ламы благопріятенъ, они въ назначенный день ѣдутъ къ родителямъ неvěсты и везутъ по хадаку (шелковый шарфъ, приношеніе, знакъ уваженія) всѣмъ ихъ родственникамъ и шелкъ на шубы родителямъ и самой неvěстѣ. Отказывать выдать дочь замужъ не принято, но и положительнаго отвѣта еще не дается. Происходитъ только двухъ-дневное угощеніе и пьянство, послѣ котораго родители жениха уѣзжаютъ домой.

Черезъ два дня къ нимъ пріѣзжаетъ вся мужская родня неvěсты (бываетъ, что набирается тридцать-пятьдесятъ человѣкъ) и заявляетъ о согласіи родителей выдать свою дочь замужъ. Гости должны съ собой привезти хадаки на всю родню жениха, большой запасъ араки (водки) и, если дѣло происходитъ лѣтомъ, то еще хуруть (родъ творога или сыра). Когда формальности окончены и согласіе на свадьбу передано, начинается пиръ, который продолжается до тѣхъ поръ, пока всего не съѣдятъ и не выпьютъ.

День свадьбы послѣ гаданія опять назначается ламами.

Въ день свадьбы неvěсту, съ закутанной чѣмъ-нибудь головой, сажаютъ на коня, при чемъ сзади садится еще кто-нибудь для того, чтобы держать ее и править. По сторонамъ ея ѣдутъ двѣ бергәнъ (ея замужнія родственницы или подруги), сзади-же вся родня съ матерью во главѣ. Отецъ остается дома, гдѣ лама читаетъ молитвы, какъ при похоронахъ. За неvěстой везутъ ея приданое—обстановка юрты и предметы домашняго хозяйства.

Къ этому времени передъ юртой жениха розостлана кошма, на которой и останавливается лошадь неvěсты. Мужчина, ѣхавшій на этомъ конѣ, соскакиваетъ, тогда подходитъ женихъ, снимаетъ неvěсту и ведетъ ее въ юрту. Тутъ она, съ закутанной еще головой, по указаніямъ своихъ двухъ бергәнъ, кланяется бурханамъ, огню, родителямъ жениха и, наконецъ, каждому изъ его родственниковъ. Послѣ этого ее отводятъ

къ двери, гдѣ сажаютъ рядомъ съ женихомъ, снимаютъ съ нея повязку, и берганъ мѣняютъ ея дѣвичью прическу на прическу замужней женщины.

Когда это окончено, она обходитъ всѣхъ присутствующихъ, угощая ихъ табакомъ. Послѣ этого кто-нибудь обходитъ всѣхъ родственниковъ жениха, и каждый даетъ, сколько можетъ, серебра—это ихъ подарки невѣстѣ. Затѣмъ такимъ-же образомъ родня невѣсты дѣлаетъ подарки жениху. Наконецъ, лама читаетъ молитву, и начинается угощеніе, во время котораго молодые сидятъ у дверей и участія въ пиршествѣ не принимаютъ.

Вечеромъ берганъ отводятъ молодыхъ домой, гдѣ постель ихъ отдѣлена занавѣской отъ остальной части юрты. Берганъ остаются съ ними всю ночь, чтобы учить ихъ и давать нужныя указанія.

На слѣдующее утро мать молодой уѣзжаетъ домой, родственники также разъѣзжаются. Въ этотъ-же день молодые угощаютъ своихъ берганъ, послѣ чего онѣ уѣзжаютъ домой. Молодой при этомъ долженъ ихъ проводить, его-же самого въ свою очередь провожаетъ кто-нибудь изъ мужчинъ.

Три дня послѣ свадьбы занавѣска у постели продолжаетъ еще висѣть—это для того, чтобы молодые, въ случаѣ прихода кого-нибудь, могли-бы спрятаться, если-бы имъ стало стыдно. Черезъ три дня занавѣска снимается, и супруги начинаютъ свою обыкновенную жизнь.

Въ новомъ хозяйствѣ вся обстановка должна быть отъ невѣсты, юрта-же отъ жениха, но одна кошма въ ней должна быть также отъ невѣсты. При свадьбѣ родители жениха даютъ молодымъ скотъ, количество котораго зависитъ отъ степени ихъ достаточности. При среднемъ состояніи дается около сорока барановъ, восемь лошадей, пара коровъ съ телятами и, если есть, то еще верблюды.

Послѣ рожденія перваго ребенка, а если его долго нѣтъ, то черезъ три года, жена ѣдетъ къ своимъ родителямъ и у нихъ живетъ нѣкоторое время. Возвращаясь домой, она привозитъ подарки своихъ родителей—штуку двадцать пять барановъ, двадцать коровъ и лошадей и одного верблюда, кромѣ того шелка на одну шубу.

Супружеская вѣрность соблюдается не строго, по нашимъ понятіямъ даже совсѣмъ не соблюдается. Часто измѣны происходятъ съ вѣдома или даже въ присутствіи супруга (или супруги), и никогда это никакихъ драмъ не вызываетъ. Однако разводы случаются довольно часто вслѣдствіе несходства характеровъ.

Разводъ очень простъ: или жена убѣжитъ отъ мужа къ своимъ родителямъ, и тогда она получаетъ обратно только половину своего

приданого, или ее отсылаетъ обратно мужъ, который кромѣ всего приданого обязанъ дать ей еще нѣсколько шубъ (10—12). Въ этомъ и заключается разводъ, и послѣ него каждая сторона имѣетъ право вторично вступить въ бракъ, что обыкновенно и дѣлается.

Если долго нѣтъ дѣтей, мужу разрѣшается взять вторую жену. Обѣ жены, обыкновенно, живутъ между собой дружно и мирно. Если дѣтей нѣтъ, а мужъ не желаетъ брать вторую жену, то берутся дѣти, не имѣющія отца, иногда даромъ, иногда-же покупаются. Бѣдные родители, имѣющіе много дѣтей, иногда продаютъ часть изъ нихъ. Получить или купить стараются всегда мальчика, сбыть или продать—дѣвочку. Средняя цѣна ребенка—лановъ пять.

Ламы, состоящія въ штатѣ монастырей, холосты и ведутъ очень строгую монашескую жизнь. Сверхштатные-же ламы, живущіе внѣ монастырей, ведутъ жизнь обыкновенныхъ мірянъ: пьютъ, курятъ, женятся. Болѣе сдержанные изъ нихъ офиціально не женятся, но монахами зато тоже не живутъ.

Когда женщина, вслѣдствіе возраста или болѣзней, становится неспособной къ супружеству, она стрижетъ себѣ волосы и называется тогда уже чебогансы (старуха). Мужчины съ пятидесяти лѣтъ также стригутъ себѣ волосы и считаются стариками.

Своихъ покойниковъ монголы просто бросаютъ въ полѣ на съѣденіе собакамъ, волкамъ и птицамъ.

Нѣкоторыя повѣрья и примѣты монголовъ Халха.

Юрту надо ставить всегда дверьми на югъ, поставить ее въ другую сторону считается грѣхомъ.

Гостю навстрѣчу изъ юрты нельзя выносить золу или соръ—знакъ большого неуваженія.

Послѣ отъѣзда кого-нибудь нельзя раньше сутокъ прибирать оставшіяся послѣ него мусоръ.

Отъ заката и до восхода солнца нельзя ни продавать, ни просто давать постороннимъ молоко или молочные продукты.

Человѣкъ не долженъ убивать животныхъ, въ годъ которыхъ онъ родился. Напримѣръ, родившійся въ годъ барана не долженъ рѣзать барановъ.

Младшіе члены семьи не должны никогда произносить имена старшихъ. Также ламы не должны называть своихъ старшихъ по именамъ.

Нельзя переступать через огонь, а также лить на него воду.

Нельзя мочиться против солнца и луны, а также в огонь и в воду.

Женщина считается болѣе нечистой, чѣмъ мужчина, поэтому ей запрещается ѣздить на жеребцахъ, бѣгунцахъ и лошадяхъ, посвященныхъ божествамъ или духамъ (сэтэртэ).

Въ проточную воду нельзя опускать мѣдь, свинецъ, лить молоко, нельзя изъ нея черпать нечистой посудой, а также такою, въ которой раньше было молоко. Мыться вообще грѣхъ, потому что человѣкъ нечистъ, особенно это запрещается женщинамъ. Нельзя даже облить человека. Особенно-же грѣхомъ считается купаться въ проточной водѣ.

Въ дорогѣ встрѣтить ламу—будетъ плохо.

Въ дорогѣ встрѣтить женщину, несущую воду,—будетъ очень плохо. Женщины это должны знать и прятаться при каждой встрѣчѣ, иначе рискуютъ быть сильно избитыми.

Если дорогу справа налѣво перебѣжить коза—плохо.

Если въ дорогѣ видѣть лисицу—будетъ очень плохо, лучше даже вернуться.

Если въ дорогѣ видѣть змѣю—будетъ очень плохо; но если ее убить, ничего сквернаго не случится.

Если по дорогѣ видѣть гулянье или церковное служеніе—плохо.

Если у лошади изъ носа потечетъ кровь—хозяину будетъ очень скверно.

Въ дорогѣ встрѣтить женщину, несущую молоко,—очень хорошо.

Если дорогу слѣва направо перебѣжить коза—хорошо.

Если дорогу справа налѣво перебѣжить волкъ—хорошо.

Если дорогу справа налѣво перебѣжить заяцъ—хорошо.

Видѣть на дорогѣ разсыпанное зерно—благополучіе.

Въ дорогѣ встрѣтить покойника—будетъ очень хорошо.

Пріѣхать въ поселокъ, гдѣ только что родился кто-нибудь,—будетъ удача.

Видѣть во снѣ, что потерялъ зубъ,—умретъ кто-нибудь изъ близкихъ.

Видѣть во снѣ, что ѣшь мясо или зелень,—болѣзнь.

Видѣть во снѣ, что нарядно одѣтъ,—болѣзнь.

Видѣть во снѣ, что весело,—сонъ исполнится.

Видѣть во снѣ, что пьешь араку (водку),—будетъ весело.

Видѣть во снѣ, что заболѣлъ,—благополучіе.

Изъ различныхъ источниковъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Монгольское гаданіе.

Картина 1. Мандзыширь.

Гадающему—исполненіе желаній. Легко дадутся науки. Никакая нечистая сила не страшна—о немъ заботится его небесный хранитель. Счастье, знанія и удача во всемъ зависятъ отъ самого гадающаго.

Картина 2. Быстрый крѣпкій корабль.

Надо бояться воды, отъ нея будетъ несчастье. Но если у гадающаго кто-нибудь изъ близкихъ раньше погибъ отъ воды, бояться ничего не надо, скорѣе даже отъ воды будетъ хорошо. Если гадающій боленъ, онъ выздоровѣетъ вдали отъ воды. Слѣдуетъ бояться воровъ и скандала и слѣдить за своимъ имуществомъ—возможны потери. Не надо слушаться младшаго. Если гадающій служить—скоро получить повышеніе. Родня будетъ большая.

Если гадающій живетъ богато—будетъ еще лучше, если посредственно—такъ и останется, если живетъ плохо—станетъ еще хуже.

Картина 3. Большой Небесный.

Небесный хранитель не отходить отъ гадающаго, и онъ долженъ его почитать. Если беречься отъ грѣха, проживетъ долго, начальники и старшіе будутъ любить, достигнетъ высокаго положенія. Если творить добро—будутъ исполняться желанія. Будутъ хорошіе друзья. Послѣ смерти—рай. Всякому гадающему хорошо.

[Картина 4. Черная чортова петля.]

Небесный хранитель сталъ нечистымъ, надо отслужить молебенъ, и онъ опять станетъ чистымъ. Тогда съ самимъ гадающимъ ничего сквернаго не случится, но будетъ плохо кому-нибудь изъ его родственниковъ. Если въ томъ-же году никто изъ близкихъ сильно не болѣлъ—тяжелая болѣзнь самому гадающему. Бояться заразныхъ болѣзней. Если гадающій боленъ—умретъ.

Картина 5. Дерево Гальбаръ-Басынъ.

Какъ цвѣтеть это дерево, расцвѣтеть счастье гадающаго. Отъ близкаго человѣка, находящагося далеко, придетъ хорошая вѣсть, можетъ быть онъ даже неожиданно вернется. Счастье послѣ 30 лѣтъ (во второй половинѣ жизни). Не надо сердить сердитаго, обижать уже обиженнаго. Проживетъ хорошо, разбогатѣть.

Картина 6. Испуганный мараль.

Какъ неожиданно пришлось плохо этому звѣрю, такъ-же неожиданно придетъ къ гадающему несчастье.

Картина 7. Молодой военный начальникъ.

Если гадающій поѣдетъ на войну—вернется невредимымъ и побѣдителемъ. Надо помогать нуждающимся, молиться и завести изображение своего святого. Живущему бѣдно—жизнь съ достаткомъ, живущимъ достаточно и богато—хорошо.

Картина 8. Шляющійся волкъ.

Сверху нечистая сила, снизу смерть. Рыданія, слезы, смерть дѣтей. Придетъ нечистый духъ какого-то предка, кругомъ носятся черти. Небесный хранитель отошелъ. Надо молиться.

Картина 9. Божественная сторона.

Небесный хранитель слѣдитъ за гадающимъ и охраняетъ его отъ всякаго зла. Передъ всякимъ дѣломъ надо его поминать. Не надо слушаться чужихъ совѣтовъ. И гадающему, и его роднымъ всегда будетъ хорошо. Слѣдуетъ жить на одномъ мѣстѣ.

Картина 10. Умирающая свинья.

Если думать о поѣздкахъ—явится нечистый и принесетъ недобрыя мысли. Надо молиться. Гадающій сдѣлается сквернымъ человѣкомъ, но если захочетъ, можетъ самъ исправиться. Не надо начинать сквернаго дѣла—ссориться, судиться. Придетъ скверное извѣстіе. Если ни въ чемъ не виновать—найдутъ вину. Родителямъ будетъ плохо, остальнымъ родственникамъ—хорошо.

Картина 11. Переплетенный очирь.

Жизнь долгая, здоровая, ничего сквернаго не будетъ. Счастье. Враги не опасны. Во всемъ удача, исполненіе желаній.

Картина 12. Мангытъ-Хай.

Родъ никогда не прекратится. Богатство отъ воды. Отъ нея-же болѣзнь, но не опасная. При болѣзни—отслужить молебень водяному духу.

Картина 13. Молодой тигрь.

Потомство сильное и смѣлое, какъ тигрь. Гадающему ничего не опасно. Подчиненъ никому не будетъ. Счастье. Исполненіе желаній. Родные никогда не покинутъ. Даже сильный врагъ не опасенъ. Умреть черезъ покойника.

Картина 14. Хунъ-Хара-Гурось.

Родственники будутъ спорить объ имуществѣ, и совершенно будетъ убійство. Отъ водяного духа несчастье—надо ему молиться. Смерть насильственная.

Картина 15. Сильный воронъ.

Птица все знающая и говорящая правду—таковъ и гадающій. Эгоистъ. Нечистая сила не страшна. Помощь отъ хорошихъ людей. Помогаетъ небесный хранитель. За кѣмъ гонится—догонить, отъ кого убѣгаетъ—убѣжить, что ищетъ—найдетъ. Будетъ выше своихъ друзей. Собирающемуся въ путь—очень хорошо.

Картина 16. Умный попугай.

Будетъ уважаемъ и почитаемъ. Не долженъ заниматься пустяками. Хорошія намѣренія удаваться не будутъ, въ скверныхъ—удача. Бояться нечистой силы.

Картина 17. Тибетскій домъ.

Мать съ сыномъ—какъ земля съ камнемъ. Изъ дворца получить отличіе. Гадающіе: мужчина—какъ золото, женщина—какъ драгоценный камень. Родные будутъ занимать высокія должности.

Картина 18. Синій источникъ.

Потомки не будутъ жить хуже гадающаго. Могутъ быть болѣзни. Надо молиться водяному. Если дѣлать добро, проживетъ долго.

Картина 19. Хасъ.

Долгая, здоровая и спокойная жизнь. Будетъ знаменить. Если военный—достигнетъ высокаго чина. Родня будетъ большая, много сыновей. Нечистый не опасенъ, за гадающимъ слѣдитъ его небесный хранитель.

Картина 20. Раненый Хунъ-Хара-Гурось.

Будетъ раненъ холоднымъ оружіемъ. Не надо идти противъ начальства. Избѣгать ссоръ.

Картина 21. Сердитая, сильная.

Гдѣ-бы ни былъ, что-бы ни дѣлалъ—всегда хорошо. Самъ знаетъ лучше другихъ, какъ устроить свою жизнь. Исполненіе желаній. Не будетъ никѣмъ обиженъ.

Картина 22. Павлинъ.

Не надо зариться на чужое добро, потеряешь свое. Другъ сдѣлаетъ гадость. Изъ-за имущества будутъ непріятности. Если не хочетъ разориться, долженъ подружиться съ хорошими людьми.

Картина 23. Небесный бѣлый докторъ.

Находится подъ охраной небеснаго хранителя, онъ спереди встрѣтитъ, если упадетъ—подниметъ, забудетъ—надоумитъ, никогда не оставитъ. Надо его почитать. Счастье, исполненіе желаній.

Картина 24. Черная змѣя.

Не надо копать землю, добывать камень, рубить лѣсъ—будутъ болѣзни. Надо молиться водяному духу.

Картина 25. Корова съ неубывающимъ молокомъ.

Будеть богатъ. Путешествія съ удобствами. Долгая и счастливая жизнь. Во всемъ помогаетъ небесный хранитель.

Картина 26. Красная обезьяна.

Неспокойный, какъ обезьяна. Если не виновать, найдется вина. Не надо ссориться. Надо молиться, иначе будутъ болѣзни и потери.

Картина 27. Не дающій промаха стрѣлокъ.

Умный, сильный, могучій, ни одинъ нечистый ему не опасенъ. Здоровье, исполненіе желаній.

Картина 28. Вѣчно больной.

Частыя болѣзни. Хранитель отвернется. Несчастья.

Картина 29. Счастливая царица.

Будеть хорошій сынъ. На деревьяхъ много плодовъ. И самъ, и родъ его будутъ знамениты. И гадающему, и роднымъ его—хорошо. Молиться и беречься отъ ссоры.

Картина 30. Хорекъ.

Много знаній, измѣнчивость настроеній. Не будетъ жить на одномъ мѣстѣ. Былъ или будетъ подъ судомъ. Не надо слушаться чужихъ совѣтовъ. Долго не проживетъ. И самому, и домашнимъ плохо.

Картина 31. Безпредѣльное море.

Гадающій человѣкъ хорошій и счастливый. Небесные духи его охраняютъ. Будеть богатъ, какъ море. Исполненіе желаній.

Картина 32. Лѣшій.

Несчастье у родственниковъ матери. Кража или потери. Если гадающій раньше былъ пьяницей—бѣды не будетъ, если-же не пилъ—разорится. Надо молиться. Болѣзнь, но не смертельная. Женщинамъ особенно плохо.

Картина 33. Синій драконъ.

Будеть хорошій потомокъ. Во время поѣздокъ ничего никогда не случится. На скачкѣ будетъ первымъ, на стрѣльбѣ тоже, въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ побѣдитъ.

Картина 34. Вѣдьма.

Будетъ раненъ холоднымъ оружіемъ. Кража или потеря. Надо молиться. Беременнымъ женщинамъ особенно плохо.

Картина 35. Святѣйшая гора.

Крупныя владѣнія. Возможно неожиданное разореніе.

Картина 36. Смертельная петля.

Сильная болѣзнь. Гадающій, можетъ быть, будетъ удушенъ или повѣшенъ. Долго жить не будетъ. Надо молиться. Кража или потеря. Больному—смерть.

Если всѣ три отмѣченныхъ камня лягутъ хорошо:

Помощь отъ небесныхъ духовъ, помощь отъ друзей. Дома и гдѣ-бы ни былъ, въ дѣлахъ и во всемъ удача. Ни непріятностей, ни опасныхъ болѣзней. Въ торговлѣ—удача. Будутъ хорошіе друзья. Легкія болѣзни, но если во время гаданія боленъ—умреть; если разоренъ—разорится въ конецъ.

Если первый камень легъ хорошо, а второй и третій плохо:

Дома болѣзни, но не смертельныя, вѣроятно наслѣдственныя. Если женатъ—жена (или мужъ) сбѣжитъ. Въ дѣлахъ удача. Въ торговлѣ посредственно. Если гадаютъ бездѣтныя о дѣтяхъ—будутъ. Жизнь долгая.

Если первый и второй камни хорошо, а третій плохо:

Дома кражи, потери. Болѣзнь отъ одинокой дѣвицы или вдовы. Надо беречься покойниковъ. Опасности другого рода не страшны. Холостой (не замужня) не долженъ жениться—разойдутся.

Если второй камень хорошо, а первый и третій плохо:

Болѣзнь отъ нечистой ѣды, не смертельная, если молиться. Въ дорогѣ—встрѣча съ врагомъ. Дома непріятности. При несчастіи не надо слушаться чужихъ совѣтовъ. Если гадаютъ о дѣтяхъ—будутъ, но болѣзненные.

Если первый и третій камни хорошо, а второй плохо:

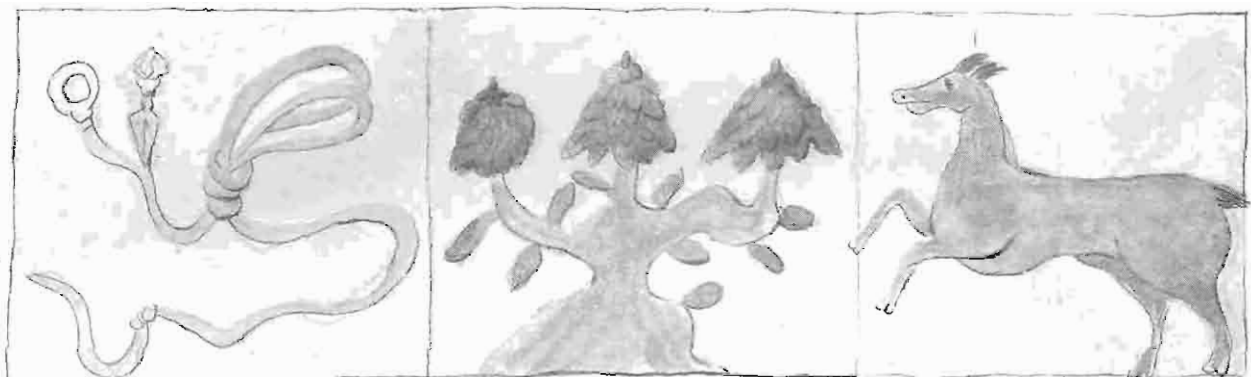
Дома хорошо. Долгая жизнь. При судѣ—побѣда за начавшимъ дѣло. Жениться—счастливая семейная жизнь. Больному—смерть, но если молиться, возможно выздоровленіе.

Если второй и третій камни хорошо, а первый плохо:

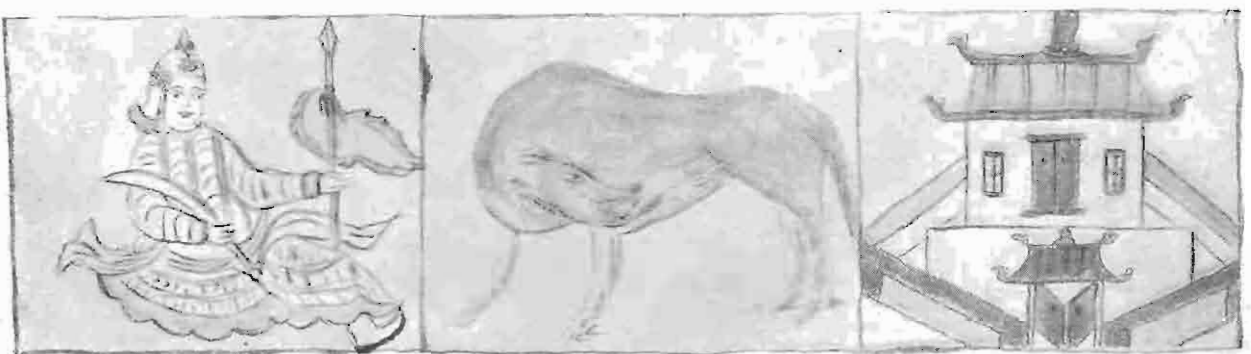
Дома большія болѣзни. Самъ гадающій будетъ здоровъ. Могутъ быть непріятности или даже несчастья. Въ дѣлахъ удача. Если гадать

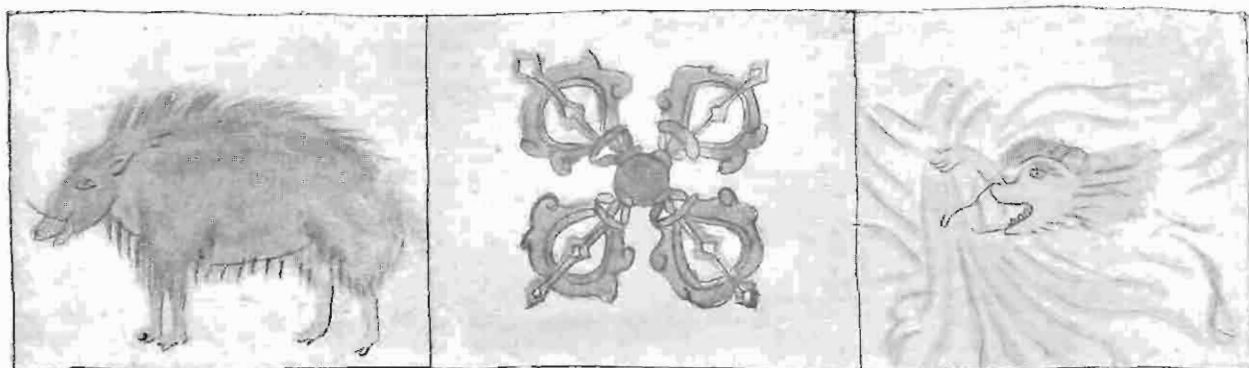
Картина 1. Мандыширь. Картина 2. Быстрый крѣпкій корабль. Картина 3. Большой Небесный.

Картина 4. Черная чортова петля. Картина 5. Дерево Гальбаръ, Басынь. Картина 6. Испуганный мараль.

Картина 7. Молодой военный начальник. Картина 8. Шляющійся волкъ. Картина 9. Божественная сторона.

Картина 10. Умирающая свинья.

Картина 11. Переплётенный очирь.

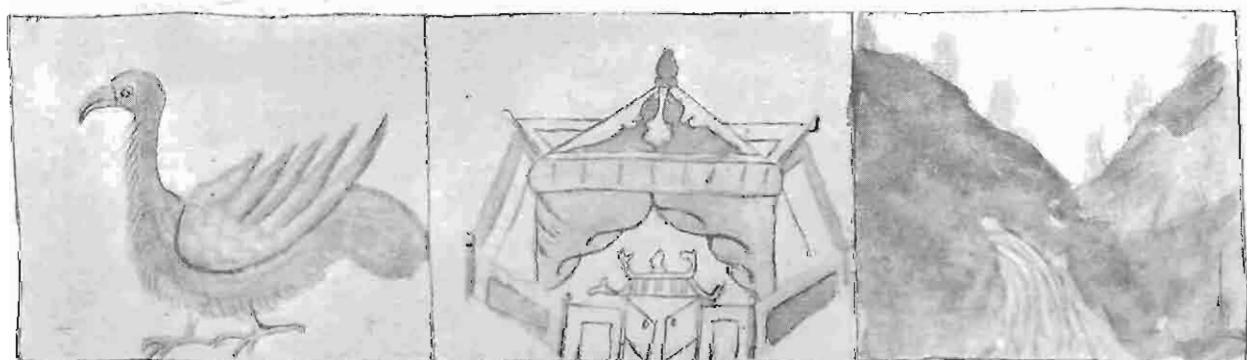
Картина 12. Мангыть-Хай.

Картина 13. Молодой тигрь.

Картина 14. Хунъ Хара Гурось.

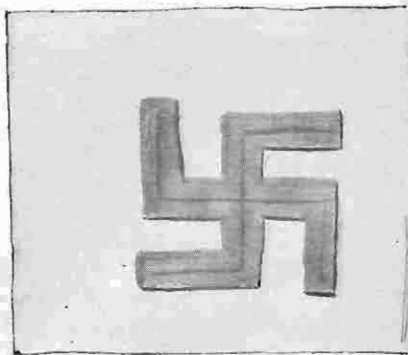
Картина 15. Сильный воронъ.

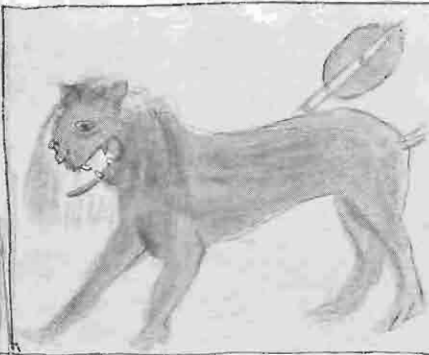
Картина 16. Умный попугай.

Картина 17. Тибетскій домъ.

Картина 18. Синій источникъ.

Картина 19. Хасъ.

Картина 20. Раненый Хунъ Хара Гурось.

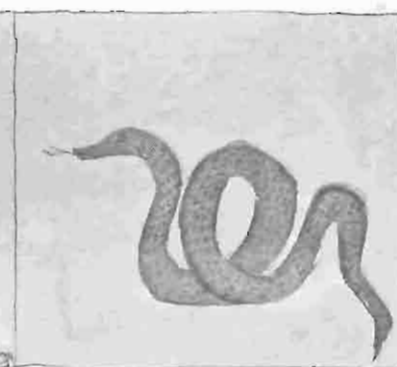
Картина 21. Сердитая. сильная.

Картина 22. Павлинь.

Картина 23. Небесный бѣлый докторъ.

Картина 24. Черная змѣя.

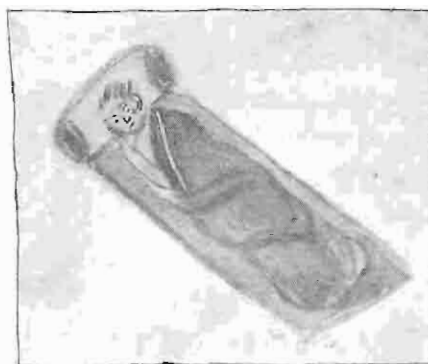
Картина 25. Корова съ неубывающимъ молокомъ.

Картина 26. Красная обезьяна.

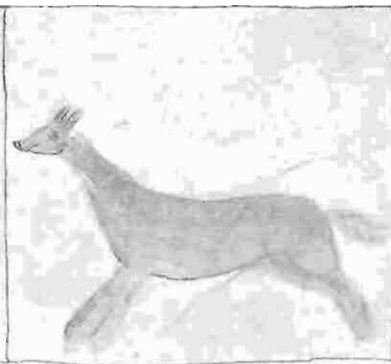
Картина 27. Не дающій промаха стрѣлокъ.

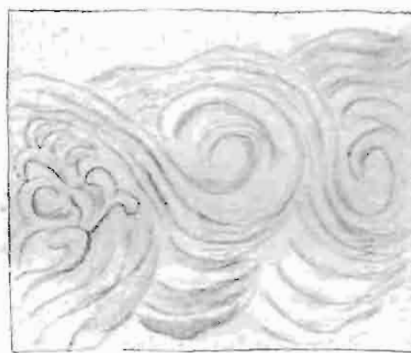
Картина 28. Вѣчно больной.

Картина 29. Счастливая царица.

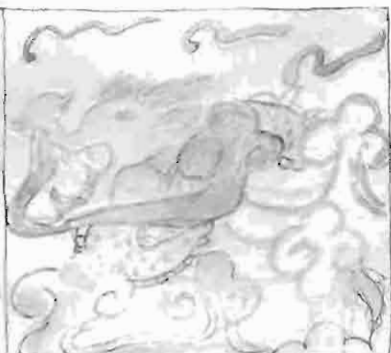
Картина 30. Хорекъ.

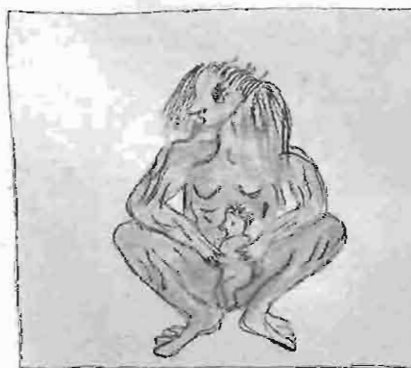
Картина 31. Безпредѣльное море.

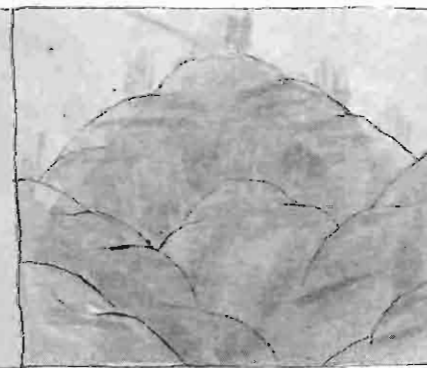
Картина 32. Лѣшій.

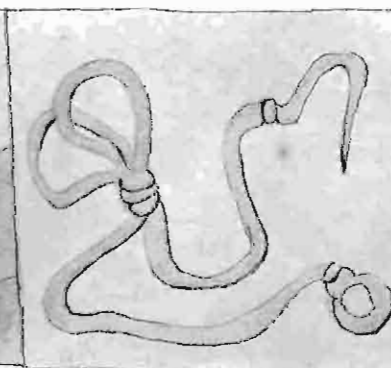
Картина 33. Синій драконъ.

Картина 34. Вѣдьма.

Картина 35. Святѣйшая гора.

Картина 36. Смертельная петля.

о больномъ—поправится. Надо беречься покойниковъ, павшихъ лошадей и дохлыхъ собакъ.

Если третій камень хорошо, а первый и второй плохо:

Дома хорошо. У гадающаго пѣтъ враговъ. Въ дѣлахъ удача. Жениться—посредственно. Больному—лѣчение трудно, но болѣзнь не смертельна. Здоровый можетъ заболѣть отъ одинокаго или нечистаго человѣка (больной, нищій).

Если всѣ три камня лягутъ плохо:

Собравшемуся въ путь—лучше не ѣхать, потерявшему вещь—лучше не искать. О чемъ ни гадать—очень плохо.

СПОСОБЪ ГАДАНІЯ.

Гаданіе на себя раскладывать нельзя.

Также, когда гадаютъ для другого лица, желательно, чтобы желанія гадающаго не были извѣстны лицу, которое даетъ отвѣты. Вопросы лучше всего дѣлать въ неопредѣленной формѣ, на примѣръ: Исполнится-ли мое желаніе? Случится-ли то, о чемъ я думаю? Какъ окончится для меня (или для другого лица) извѣстное мнѣ дѣло? Какъ относится ко мнѣ одна личность (не называть имени)? Каковъ характеръ одного лица (также не называть его)? Неопредѣленность вопросовъ важна потому, что тогда личное мнѣніе раскладывающаго гаданіе не можетъ вліять на полученный отвѣтъ.

Все-же для того, чтобы дать отвѣтъ, необходимо кое-что знать. Такъ, на примѣръ, при вопросахъ въ родѣ перваго, втораго или третьаго, надо указать, касается-ли онъ **служебнаго, матеріальнаго, семейнаго** или **сердечнаго** дѣла. При вопросахъ въ родѣ четвертаго и пятаго иногда можетъ понадобиться указаніе пола и, можетъ быть, даже возраста лица, о которомъ гадаютъ.

Лучше всего все то, о чемъ желаютъ узнать, раздѣлить на разныя категоріи, хотя можно гадать и о будущемъ вообще. На примѣръ, если хотятъ узнать о всей своей дальнѣйшей жизни, лучше всего отдѣльно спросить: какова служебная будущность, каково будетъ матеріальное положеніе, будетъ-ли счастье въ семейной жизни и отдѣльно счастье личное и т. д.

Затѣмъ раскладывающему гаданіе совѣтуется всегда записывать вопросы и полученные на нихъ отвѣты, чтобы потомъ всегда можно

было ихъ провѣрить и, если были ошибки, въ будущемъ, на основаніи прежняго, не впадать въ нихъ.

При нѣкоторомъ навыкѣ ошибокъ не должно быть, потому что ошибиться можетъ только человѣкъ, который гадаетъ, но не Бурханъ Мандзыширь, который далъ людямъ это гаданіе и даетъ отвѣты. Еще надо помнить, что переспрашивать, повторять тотъ-же вопросъ хотя-бы во второй разъ нельзя, потому что Бурханъ не любитъ недовѣрія къ тому, что онъ сказалъ.

Само раскладываніе производится слѣдующимъ образомъ: имѣется по числу картинъ 36 косточекъ, или камешковъ, изъ которыхъ три должны быть какъ-нибудь отмѣчены. Эти 36 косточекъ передъ каждой раскладкой очищаютъ, трижды проводя ихъ надъ огнемъ и произнося при этомъ очистительную молитву—

Ум бан зар ба ни хум пад.

Послѣ этого ихъ тщательно перетряхиваютъ. Раскладываютъ ихъ по порядку, по одной косточкѣ на каждую картину, начиная съ первой. Кладутъ ихъ не выбирая, а какъ которая куда ляжетъ. Самую раскладку слѣдуетъ производить только тогда, когда производящій ее исполнѣ сосредоточился и освободился отъ всякихъ постороннихъ мыслей. Тѣ картины, на которыя легли 3 отмѣченныя косточки, и даютъ правильный отвѣтъ на загаданное.

Часто бываетъ, что, напримѣръ, первая картинка даетъ хорошій отвѣтъ, вторая скверный, третья опять хорошій. Отъ навыка раскладывающаго гаданіе зависитъ разобраться въ отвѣтѣ, точныхъ указаній на каждый случай дать невозможно. Отвѣты для всѣхъ картинъ даны, но это только основанія, по которымъ получается окончательный и вѣрный отвѣтъ. Всѣхъ значеній картинъ дать невозможно, и потому, для того чтобы гадать, надо вникнуть въ его сущность.

Общія основанія картинъ слѣдующія:

1) Мандзыширь—знакъ божества, милости, величія, власти. Значить, и гадающему опасаться нечего—за него все.

2) Быстрый корабль—корабль движется быстро, но по ненадежной стихіи: такъ и дѣло рѣшится скоро, но, можетъ быть, не такъ, какъ того желаетъ гадающій.

3) Большой Небесный—исцѣлитель отъ всѣхъ золъ и болѣзней: бояться нечего.

4) Чортова петля—оружіе нечистаго: бояться всего, такъ какъ ничего противъ нечистаго не поможетъ.

5) Гальбаръ-Басынь—драгоцѣнное дерево: гадающему богатые плоды.

6) Испуганный мараль—испугъ ему пришелъ неожиданно: такъ и гадающему придется неожиданно несчастье или непріятность.

7) Военный начальникъ—сила, власть и упорство; цѣль будетъ достигнута.

8) Шляющійся волкъ—нечистое животное, злое: принесетъ неудачу или несчастье.

9) Божественная сторона—постоянное жилище святыхъ: опредѣленность, постоянство, спокойствіе, счастье.

10) Умирающая свинья—злая и слабая: надежды нѣтъ.

11) Очиръ—святой знакъ вѣры: вѣрить, надѣяться, любить.

12) Мангытъ-Хай—злой водяной духъ: отъ воды или отъ злого человека гадости.

13) Тигръ—звѣрь смѣлый, сильный, великодушный: все зависитъ отъ силы, желанія и рѣшимости.

14) Хунъ-Хара-Гурось—звѣрь, пожирающій людей: опасности въ томъ, что загадано.

15) Воронъ—птица сильная, правдивая: все рѣшится хорошо, опредѣленно, но нужна дѣятельность гадающаго.

16) Попугай—птица хитрая, но поверхностная: все устроится, но не на долго.

17) Тибетскій домъ—зданіе прочное: рѣшеніе прочное, жизнь спокойная, опредѣленная.

18) Источникъ—въ каждой водѣ есть духъ: несчастья отъ воды, но возможно, что картина имѣетъ значеніе деревни.

19) Хасъ—знакъ, данный богами: счастье и удача во всемъ.

20) Раненый Хунъ-Хара-Гурось—звѣрь раненъ: гадающему ударъ.

21) Сердитая сильная—настойчивость, энергія: терпѣніе и трудъ все перетрутъ.

22) Павлинь—птица красивая, но пустая: желаніе исполнится, но не на долго, потомъ разочарованіе.

23) Небесный докторъ—врачуеъ все: такъ и гадающему.

24) Черная змѣя—зла и ползаетъ по землѣ: злой человекъ сдѣлаетъ гадость, или это можетъ означать жизнь стѣсненную, мелкіе интересы.

25) Корова—у нея не убываетъ молоко: все хорошее въ жизни никогда не пройдетъ; если-же его нѣтъ, то никогда и не будетъ.

26) Красная обезьяна—неспокойная, пустая, злая: чье-то недоброжелательство, собственный характеръ препятствуютъ дѣлу.

27) Стрѣлокъ—бьетъ безъ промаха: вѣрная удача.

28) Вѣчно больной—сама картина показываетъ, что то, о чемъ гадаютъ, безнадежно.

29) Счастливая царица—счастливая мать: свадьба для холостыхъ, дѣти для женатыхъ, спокойная семейная жизнь.

30) Хорекъ—хитрое, увертливое животное: опасаться обмана.

31) Безпредѣльное море—широкое, бурное, глубокое, таитъ въ себѣ массу богатствъ: волненія, страсть, сила, власть, богатство и т. д.

32) Лѣшій—существо коварное, не любящее женщинъ: бояться надо всѣмъ, но особенно женщинамъ.

33) Драконъ—небесный звѣрь: сила, препятствія не страшны, твердость, справедливость, исполненіе всего задуманнаго.

34) Вѣдьма—злая, жестокая: ожидать всего худшаго, женщинамъ особенно плохо, но, можетъ быть, зло придетъ отъ женщины.

35) Святѣйшая гора—неподвижная, непоколебимая: спокойствіе, опредѣленность, прочно закрѣпляетъ достигнутое положеніе.

36) Смертельная петля—смерть: смерть и полная безнадежность того, о чемъ спрашиваютъ.

Отвѣтъ дается на основаніи всѣхъ трехъ отмѣченныхъ камней. При этомъ послѣдующіе часто уничтожаютъ то, что указано предыдущимъ.

Сроки по этому гаданію опредѣлить нельзя, только нѣкоторыя картины даютъ указанія на этотъ счетъ. Напримѣръ, корабль, мараль и стрѣлокъ показываютъ, что окончаніе близко. Картина пятая можетъ указывать, что оно еще будетъ мѣсяцевъ черезъ 6; то-же самое и пятнадцатая. Наоборотъ, картины 9, 10, 17, 18, 24, 28 и 35—что рѣшеніе еще далеко.

Укажемъ для примѣра способъ выбора отвѣта. Спрашиваетъ дѣвица о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Отмѣченные кости легли на картины 6, 8 и 18. Первая означаетъ, что что-то явится неожиданно, волкъ означаетъ слезы, источникъ—либо несчастье отъ воды, либо жизнь въ деревнѣ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ отвѣтъ можетъ быть двоякій, то приходится спросить гадающую, не имѣетъ-ли близкій человѣкъ постоянного дѣла съ водой, напримѣръ, не морякъ-ли онъ. При отрицательномъ отвѣтѣ будетъ: «скоро и совершенно неожиданно явится сердечное

несчастье, которое принесетъ сожалѣнія, слезы и замкнутую жизнь въ деревнѣ». Такъ какъ нѣтъ указаній на смерть, то очевидно будетъ новое неожиданное, но очень кратковременное увлеченіе, которое поведетъ къ прекращенію всѣхъ прежнихъ, и объ этомъ-то и будетъ сокрушаться гадающая. Случится это довольно скоро.

Вообще указать всѣ случаи, всѣ вопросы и отвѣты невозможно. Гадающій долженъ вникнуть въ него, вѣрить въ него и не отчаяваться отъ возможныхъ вначалѣ неудачъ. При нѣкоторомъ навыкѣ лучше стануть понятны отвѣты гаданія, и постепенно ошибки совершенно исчезнуть.

Ум бан зар ба ни хум пад.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
Легенда о происхожденіи киргизовъ	3
О происхожденіи народовъ	3
Отчего магометане не ѣдятъ свинины	4
Легенда о происхожденіи дунганъ	5
Откуда пошли сказки у монголовъ	5
О происхожденіи людей	6
Преданіе о происхожденіи дунганъ	7
Изъ монгольской мифологіи	8
О сотвореніи міра	12
Какъ была сотворена земля	13
О происхожденіи народовъ	14
Сказаніе о Джабсынъ-Дамба-Хутухтѣ	16
О происхожденіи русскихъ	17
Опредѣленіе характера человѣка	18
О происхожденіи верблюда	19
Отчего у верблюда нѣтъ роговъ и хвостъ короткій	19
Отчего верблюдъ катается въ золѣ	20
Отчего сосна, кедръ и брусника вѣчно зелены	21
Отчего коршунъ ѣстъ змѣй	21
Отчего соколъ не ѣстъ людей	22
Отчего голубъ стонетъ, а воробей чирикаетъ	22
О саксаулѣ	23
Сказка объ Ирембыль-тушмылѣ	23
Сказка о сынѣ хана и сынѣ тушмыла	26
Тибетская молитва	32
Сказка о тигренкѣ и теленкѣ	33
Сказаніе о происхожденіи табака и опиума	42
Сказка о Буджинъ-Дава-ханѣ	44

	СТРАН.
Сказка о происхожденіи Большой Медвѣдицы	55
Сказка объ Онохоръ-Турлектэ-ханѣ	57
Сказка о трехъ братьяхъ	68
Сказка о человѣкѣ, не хотѣвшемъ быть ханомъ	76
Сказка о трехъ лысыхъ	78
Сказка объ Ихэ-Алимѣ	81
Сказка о Бага-Алимѣ. (Продолженіе предыдущей)	86
Сказка объ Эрынъ-Сайнъ-Борны-Ху-ханѣ	91
Сказка о ханѣ, его зятѣ и птицѣ Ханъ Гарди	94
Случай съ Сономъ-Лхарамбо	97
Изъ 32-хъ сказокъ объ Арджи-Бурджи-ханѣ	98
Изъ сказаній о Чингисъ-ханѣ	106
Покореніе Китая монголами	114
О происхожденіи бо (шаманы)	117
О происхожденіи манчжуровъ	120
Какъ произошла Халха	124
Борьба джунгаровъ съ Халха	126
Сказаніе о Ландарма-ханѣ	133
Торжество желтой вѣры	136
Строеніе вселенной по монгольской наукѣ	140
Изъ жизни и обрядовъ монголовъ Халха	149
Нѣкоторыя повѣрья и примѣты монголовъ Халха	153

Приложеніе.

Монгольское гаданіе	155
Способъ гаданія	162

